

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017
4 (34)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017
4 (34)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2017
4 (34)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2017

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2017

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2017

© Авторы, 2017

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,2. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Libov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2017

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2017

© Moscow International Academy, 2017

© Authors, 2017

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Чулкина Н.Л. (*Москва, Россия*) Русская повседневность в языковом сознании: «Обыденная дребедень» & «Мир, светящийся смыслом»..... 10

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вдовиченко А.В., Тарасов Е.Ф. (*Москва, Россия*) Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор..... 22

Маховиков Д.В. (*Москва, Россия*) Влияние претекста на восприятие актуального текста..... 40

Нестерова Н.М., Котельникова А.Н., Поздеева Е.В. (*Пермь, Россия*) «Встречный текст» как метод вербализации доминанты реципиента в процессе восприятия иностранного текста..... 50

Пильгун М.А. (*Москва, Россия*) Медиадискурс репрезентации событий 1917 года: молодежный контент..... 64

Свинчукова Е.Г. (*Москва, Россия*) Семья в русской и татарской культуре (психолингвистический анализ)..... 76

Степанова А.А. (*Москва, Россия*) Имя прилагательное в русском языковом сознании (особенности сочетаемости)..... 86

Трошина Н.Н. (*Москва, Россия*) Моноязычие в сфере немецкого высшего образования и науки: «за» и «против»..... 96

Федулова М.Н. (*Москва, Россия*) Система концептов в юридическом дискурсе..... 106

Уфимцева Н.В. (*Москва, Россия*) Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении..... 116

Шапошникова И.В. (*Новосибирск, Россия*) Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности..... 124

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Дронов П.С. (*Москва, Россия*) Соматизм *волосы* в славянской, германской и кельтской фразеологии..... 146

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Гао Тянь (*КНР*) Концепт ПАТРИОТИЗМ в современной политической метафоре (на материале русских и китайских политических текстов)..... 160

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Гольдин Е.В., Сдобнова А.П. (*Саратов, Россия*) Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика»..... 174

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации» (**М.О. Матвеев**)... 188

IN MEMORIAM

Памяти В.Е. Гольдина..... 194

OUR ANNIVERSAR

Chulkina Nina L. (<i>Moscow, Russia</i>) Everyday Life in Russian Language Consciousness: “Everyday Crap” & “A World Glowing With Sense”.....	10
--	----

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Vdovichenko Andrey V., Tarasov Eugeny F. (<i>Moscow, Russia</i>) Verbal Data as a Part of Communicative Action: Language, Text, Author, Interpreter.....	22
Makhovikov Denis V. (<i>Moscow, Russia</i>) The Influence of Pretext on Actual Text Perception.....	40
Nesterova Natalya M., Kotelnikova Anastasia N., Pozdeeva Ekaterina V. (<i>Perm, Russia</i>) “Counter-Text” as a Method to Verbalize Recipient’s Dominant in the Process of Foreign Language Text Comprehension.....	50
Pilgun Maria A. (<i>Moscow, Russia</i>) Media Discourse Representations of the Events of 1917: Youth Content.....	64
Svinchukova Elena G. (<i>Moscow, Russia</i>) Family in Russian and Tatar Cultures (Psycholinguistic analysis).....	76
Stepanova Anna A. (<i>Moscow, Russia</i>) Adjective in Russian Language Consciousness (Features of Lexical Compatibility).....	86
Troshina Natalia N. (<i>Moscow, Russia</i>) Education and Science: The Pros and Cons.....	96
Fedulova Maria N. (<i>Moscow, Russia</i>) The System of Concepts in Legal Discourse.....	106
Ufimtseva Natalya V. (<i>Moscow, Russia</i>) The Content Of Value “Life” in Language Consciousness in Cross-Cultural Comparison.....	116
Shaposhnikova Irina V. (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Motivational Base of the Reform In Education and Professional Identification of the Russian Language Personality.....	124

PHILOLOGICAL STUDIES

Dronov Pavel S. (<i>Moscow, Russia</i>) The Somatism <i>Hair</i> in Slavic, Germanic, and Celtic Phraseology.....	146
--	-----

YOUNG SCHOLARS’ STUDIES

Gao Tian (<i>People’s Republic of China</i>) The Concept of Patriotism in Contemporary Political Metaphor (A Study on Russian and Chinese Political Texts)..	160
---	-----

PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS IN THE REGIONS OF RUSSIA

Goldin Valentin E., Sdobnova Alevtina P. (<i>Saratov, Russia</i>) Project ‘Associative Dictionary of Schoolchildren: Permanency and Dynamics’	174
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Roundtable Discussion ‘Sense Production in Communication’ (M.O. Matveyev)	188
---	-----

IN MEMORIAM

Valentin E. Goldin.....	194
-------------------------	-----

**Поздравляем
Нину Леонидовну Чулкину
с юбилеем!**

Дорогая Нина Леонидовна!

Со дня Вашего первого прихода в тогдашний еще сектор психолингвистики прошло ровно 30 лет и 3 года! И хотя Ваша Alma Mater – РУДН, а в аспирантуре Вы учились в Институте русского языка РАН у самого Юрия Николаевича Караулова, Вас все эти 33 года тянула к нам «неведомая сила», имя которой ПСИХОЛИНГВИСТИКА! Вы все эти годы оставались верны ей не только в радостные и успешные для нашей науки времена, но и «во дни сомнений и тягостных раздумий» о языке-объекте «чистых» лингвистов всех мастей.

Сегодня в дни Вашего незаметно подкравшегося Юбилея мы вместе с Вами радуемся торжеству психолингвистики, этнопсихолингвистики, (нео-)психолингвокультурологии и прочих психо-...

Теперь Вы не только сами участвуете в нашей научной жизни, но и приводите к нам своих учеников – аспирантов и магистрантов филологического факультета РУДН, открывая перед ними новые интересные научные перспективы и заражая их Вашим неизменным оптимизмом, увлеченностью любимым делом и чувством юмора (без него в нашей науке – никак нельзя!).

Все сказанное выше дает нам основания надеяться, что нашу дружбу и сотрудничество уже нельзя никак пресечь, а можно только продолжить и расширить (ведь нам так нужны молодые информанты-иностранцы из РУДН и ясные головы и ловкие руки аспирантов и магистрантов!).

А если отбросить корыстные интересы, то мы всегда рады видеть Вас, дорогая Нина Леонидовна, в нашем Институте – и в «Центре межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева», и в нашей 47-й комнате за всегда гостеприимно накрытым овальным столом.

Долгих лет Вам, здоровья и творческих озарений!

Отдел психолингвистики ИЯ РАН

УДК 81'23

**РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ:
«ОБЫДЕННАЯ ДРЕБЕДЕНЬ» & «МИР, СВЕТАЩИЙСЯ
СМЫСЛОМ»¹**

Чулкина Нина Леонидовна

профессор кафедры общего и русского языкознания
филологического факультета
Российского университета дружбы народов
Россия, 117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а
nina.chulkina@yandex.ru

В статье рассматривается социально-философская категория «повседневность» и ее отражение в русском обыденном языковом сознании. Данная статья представляет собой междисциплинарное исследование: поскольку повседневность является не только социально-философской категорией, но и культурологической, семиотической и исторической. В статье дается обзор основных направлений гуманитарных наук, внесших свой вклад в изучение данного феномена. Однако в центре внимания автора лингво-когнитивный и психолингвистический и лингвокультурологический подход к анализу материала. Важнейшей задачей автора статьи является определение статуса категории «повседневность» в русском обыденном языковом сознании. На конкретных примерах автор показывает «двуипостасность» повседневности, являющейся, с одной стороны, синонимом рутинности и стереотипности, а с другой – первоосновой постижения и преобразования окружающего мира. Эта неоднозначность, амбивалентность восприятия и оценки русской повседневности ее участниками – рядовыми носителями русской лингвокультуры и является обычно предметом дискуссий – как в профессиональных кругах, так и в обиходе. Материалом реконструкции концептосферы повседневности служит «Русский ассоциативный словарь», который создан силами двух ведущих российских научно-исследовательских институтов (Институтом языкознания РАН и Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН) и признан коррелятом обыденного языкового сознания русских.

Ключевые слова: повседневность, русское обыденное языковое сознание; ассоциативный словарь; слово-стимул, ассоциат; концепт.

---

¹ Статья впервые была опубликована в журнале «Ценности и смыслы», 2015, № 2(36), С.63-73.

Введение

Выбор такого объекта исследования, как повседневность, требует привлечения данных практически всех гуманитарных наук. Более того, именно на изучении этой социально-философской категории можно проследить, как формируется общее пространство гуманитарного знания. При этом, разумеется, каждая область имеет свой предмет исследования, однако, без обращения к методологии и данным других наук трудно, а иногда и невозможно, получить релевантные результаты и необходимую полноту интерпретации этих результатов. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Поскольку повседневность является важнейшей составляющей национальной культуры, то очевидно, что она должна изучаться в рамках культурологии (Г. Гачев, А. Генис и П. Вайль, Вяч.Вс. Иванов, В.Д. Лелеко, Л.В. Беловинский, К. Богданов и др.). Это же положение заставляет исследователя обращаться и к семиотике, так как культура, как известно, представляет собой символическую знаковую систему (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, У. Эко). Мир повседневности – это социальный мир, в котором ярко проявляется общественная сущность человека и достаточно четкая структуризация социальных ролей и ситуаций их функционирования. Значит, чтобы найти объяснения социального поведения человека в повседневной жизни, не обойтись и без социологии (И. Гоффман, Т. Лукман, Д. Лукач, А. Шюц, Л. Ионин). В повседневности ярко проявляется и динамика развития общества, межпоколенная связь людей, их действий и окружающего их предметного мира. А это область истории. Именно историческая наука впервые поставила вопрос о необходимости рассмотрения истории «снизу», поставив в центр исследований обычного человека и его повседневные практики («Школа Анналов», А.Я. Гуревич, С.В. Оболенская и др.). Повседневность – это и предмет философских штудий о смысле человеческой жизни и важнейших категориях бытия (пространстве, времени и т.п. (Н.Н. Козлова, Г.С. Кнабе и др.). В локусе обыденной жизни происходит накопление и хранение огромного запаса знаний и способов оперирования ими, что составляет предмет когнитивистики (Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов, В.В. Красных, Г.Д. Гудков и др.). Добавим, что повседневное существование всегда национально маркировано, и, более того, именно в обиходе ярче всего проявляется национальное своеобразие того или иного этноса. А это значит, что этнология также не может не заниматься повседневностью.

Наконец, лингвистика во всех ее ипостасях также не остается в стороне от изучения этого столь многостороннего объекта. Начало исследований повседневности в лингвистике было положено в работах, посвященных разговорной речи (Е.А. Земская, Т.В. Шмелева, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, О.А. Лаптева и др.). Однако вскоре стало очевидно, что многие важные аспекты мира повседневности «ускользают», не могут быть описаны полно и адекватно при использовании только лингвистических методов исследования, без выхода за рамки так называемой «чистой» лингвистики. Возникают и интенсивно развиваются такие смешанные области лингвистической науки, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, социолингвистика и этнопсихолингвистика.

Таким образом, уже тривиальный и весьма убедительный тезис о том, что междисциплинарность исследований (разумеется, не только гуманитарных) – необходимое требование и примета современной науки в целом, в полной мере приложим и к социально-философской категории повседневность. Ведь для того, чтобы изучать такой многомерный объект, как повседневность, исследователь должен, тем не менее, свободно ориентироваться в общем пространстве гуманитарного знания и уметь, в соответствии с потребностями анализа и интерпретации полученных результатов, привлекать эти знания. Такая методология вовсе не «размывает» предмет исследований, а позволяет увидеть многоаспектность изучаемого объекта.

Статус категории повседневность в обыденном языковом сознании русских

Одним из аспектов изучения был выбран «статус» категории повседневность в обыденном языковом сознании русских. Этот статус мы обозначили двумя антонимичными цитатами. «Обыденная дребедень» – слова Родиона Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Так презрительно герой назвал рутинную повседневную жизнь окружающих его людей, желая подчеркнуть свою обособленность и непричастность к ней. И, напротив, австрийский философ и социолог Альфред Шюц считал повседневность «миром, светящимся смыслом», имея в виду, что именно повседневность является ареной непосредственной человеческой жизни и самореализации индивидуума, подлинным локусом культуры.

Основная задача исследования

Свою исследовательскую задачу мы определяем так: выявить, проанализировать и описать ключевые смыслы единиц языкового сознания рядовых носителей русской лингвокультуры, касающиеся повседневности.

Материал исследования

В качестве материала, который принято считать коррелятом обыденного языкового сознания, мы использовали «Русский ассоциативный словарь» (РАС) (три его версии – «Словарь ассоциативных норм русского языка» А.Н. Леонтьева (САНРЯ), РАС-1 и РАС-2, созданные в разное время). Эти неординарные лексикографические произведения явились результатом проведения свободного пролонгированного ассоциативного эксперимента на территории Советского Союза (в 1977, 1988-1998 гг.) и в современной России (с 2008 года по настоящее время). В нашем исследовании мы обращаемся к понятию языкового сознания, поэтому следует дать необходимые пояснения. Не вдаваясь здесь в тонкости обсуждаемых научных проблем, приведем лишь некоторые определения данного термина. Например, Е.Ф. Тарасов пишет: «Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии “сознание и язык”, естественно, сознание» [Тарасов 2000: 26]. Т.Н. Ушакова, подчеркивая сложность и неоднозначность толкования данного понятия, отмечает, что этот термин «подчеркивает объединение, слитность главных составляющих речевой

деятельности: психологического и лингвистического элементов. <...> Понятие (термин) “языковое сознание” имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи – быть выразителем психического состояния говорящего» [Ушакова 2000: 22].

Чтобы определить «статус» повседневности в обыденном языковом сознании русских, зададимся простым вопросом: что думают о своей каждодневной жизни сами ее «участники»? Чтобы получить убедительный ответ на этот вопрос, необходимо было проделать довольно кропотливую работу – последовательно изучить все ассоциативные поля ядерного концепта «повседневность» и его синонимов (*обыденность, ежедневный, будни, будничность, быт, каждодневный, рутина, рутинность, рутинный, образ жизни, обиход*) в прямом (от стимула к реакции) и обратном (от реакций к стимулу) ассоциативных словарях – САНРЯ, РАС-1 и РАС-2.

Оставим «за кулисами» этот «технический» этап работы и представим лишь его результаты. Ассоциативные поля выделенных нами для изучения слов-стимулов представляют собой довольно большой словарный массив, в котором могут быть выявлены некоторые «семантические зоны». Одна из таких зон – это оценочные слова, показывающие отношение русских людей к самой категории «повседневность». Результат этой части исследования целесообразно привести в небольшой таблице, где все оценочные лексические единицы представлены в трех колонках:

Таблица № 1

Оценки категории «повседневность» в русских ассоциативных словарях

Положительная оценка	Негативная оценка	Нейтральная оценка
спокойный	серый (серость)	обычный
легкий	скучный (скучно, скука)	обыкновенный
отличный	надоевший	простой
хороший	нудный	нормальный
хороша	тоска	
дорога	банальный	
интересная	пустой	
веселый	трудный	
прекрасный	ненормальный	
богатый	суета	
достойный	надоело	
радость	монотонность	
в достатке	отупляющий	
	неинтересно	
	пошлая	
	убивает	

	помойка	
	заела	
	дурдом	
	мрак	
	тягостные	
	тяжела	
	пляска дикарей	
	ужас	
	дурной	
	унылый	
	темнота (темный, тьма)	
	нищенский	
	ненормальный	
	нездоровый	
	совковая	
	кошмар	
	мучение	
	болото	
	паутина	
	безысходность	
	ничего хорошего	
	утомительная	
	трясина	
	дремучая	
	однообразие	
	пугает	
	жестокая	
	невозможно	
	ложная	
	пустота	
	сложная штука	
	безотрадная	
	Борьба за	
	существование	
	суматошность	
	яма	
	завал	

Обсуждение

Приведенные данные, к сожалению, вызывают печальные мысли и практически не нуждаются в комментариях, подтверждая вынесенные в подзаголовок статьи беспощадные слова Родиона Раскольникова – «обыденная дребедень».

Чтобы доказать справедливость и обоснованность определения Альфреда Щюца, назвавшего повседневность «миром, светящимся смыслом», необходимо обратиться к изучению содержательной стороны обыденности. Прежде всего, нами были выделены базовые концепты повседневности, содержащиеся в ассоциативных полях всех слов-стимулов, обозначающих повседневность: *дом(жилище), семья, работа (учеба), отдых (досуг, развлечения), здоровье, еда*.

Ограниченные рамки статьи не позволяют нам раскрыть содержание всех выделенных базовых концептов. Но и анализа двух из них – *дом* и *семья* – достаточно для того, чтобы убедиться в насыщенности их различными смыслами.

Итак, начнем с концепта *дом*. Выбор данного концепта как базового концепта повседневности подтверждается тем фактом, что оно входит в ядро языкового сознания русских [Уфимцева1998:164-166], занимая в нем вторую позицию. Это говорит о высокой значимости концепта *дом* в системе ценностей русских людей.

В русском языковом сознании отражены несколько значений и смыслов концепта *дом*. Приоритетным является представление о *родном доме*: во всех трех ассоциативных словарях ассоциат *родной* является наиболее частотным. Это понятие конкретизируется в ассоциативных полях слова-стимула *дом* словами-реакциями: *семья, кров, очаг, уют*. Помимо этих понятий в РАС-2, созданном в последние годы, представлены такие характеристики, как: *убежище, спокойствие, защита, надежность, крепость*.

В ассоциативных полях стимула *дом* можно выделить несколько «семантических зон». Одну из них обозначим как «вид, или тип дома». Прежде всего, это *квартира* в городском многоэтажном доме. Это слово также содержит в себе множество смыслов, связанных с повседневной жизнью. Приведем здесь лишь два ассоциативных поля – из прямых ассоциативных словарей, избранных нами для анализа:

РАС-1

КВАРТИРА: дом 11/10.6; большая 6/5.8; пустая, трехкомнатная, хата 4/3.8; моя, своя 3/2.9; ключи, маленькая, шикарная 2/1.9; 3-комнатная, б. деньги, балкон, бронированная, в доме напротив, в новом доме, в центре, в центре Москвы, взломана, вор, город, дверь, дрема, друга, жилая, замок, запереть, зеркало, знакомая, клетка, ключ, коммунальная, комната, комфортабельная, кооперативная, корзина, красивая, крепость, крыша, кухня, мебель, мечта, не моя, неудобная, нехорошая, новая, ограблена, огромная, один, ожидание, отдельно, отсутствует, охраняется, плоский, поганая, покой, получена, потолок, с балконом, с удобствами, свободная, семья, тесная, удобная, уют, флэт, хорошая, хрущобы, шкаф 1/1.0; 104+69+4+59 // 0+29+4

РАС-2

КВАРТИРА: дом 131/24.3; большая 48/8.9; моя 33/6.1; жильё 23/4.3; комната 12/2.2; уют 10/1.9; уютная 8/1.5; маленькая, съемная 7/1.3; своя, семья, хата 6/1.1; огромная, пустая 5/0.9; 2-хкомнатная, в центре, двухкомнатная, ключ, помещение, пустая, трехкомнатная 4/0.7; 3-хкомнатная, дача, дверь, дорогая, жить, коммунальная, новая, номер, снимать, тепло, хорошая, чистая 3/0.6;

32, 4-хкомнатная, в Москве, **город**, деньги, диван, жилище, ипотека, комнаты, общая, общежитие, подъезд, приют, светлая, собственная, уборка, хрущевка, четырехкомнатная 2/0.4; 100 метров квадратных, 136, 2, 4 стены, 5, 57, 58, 9, N, N 27, N 60, N 62, N 7, апартамент, аренда, белое, богатство, в доме, в ипотеку, в новостройке, **в центре Москвы**, велика, **вор**, высоко, гараж, где деньги лежат, горит, городская, даром, долг, дом / крепость, Дом 2, дом родной, дорого, **друга**, есть, жена, жизнь, жилая площадь, жилплощадь, защита, знакомых, Зойкина, интерьер, кв.м., квадрат, кирпич, Китай, **ключи**, комфортная, коридор, коробка, **красивая**, купить, куплена, куплю в 27 лет, **кухня**, лучше дом, маленький, мая, **мебель**, многокомнатная, на 5-ом этаже, на ремонте, надо, напротив, невозможно купить, ненавижу, нет, **нехорошая**, новоселье, обеспеченность, обитель, общага, огонь, однокомнатная, окна, окно, отдых, открыта, отнятая, плата, площадь, подвал, подруги, покупка, помойка, приватизирована, пристанище, продана, прописка, просторная, просторный, работа, ремонт, родителей, родная, родственников, сгорела, сдается, сдана, Сибирь, снять, собственность, сорок, соседа, соседи, спать, стены, стиль, стол, стул, суд, съемочный, телевизор, трешка, туалет, убрана, убранная, уголок, **удобная**, удобно, уютный, хлам, хорошо бы!, хочу, чужая, чья-то, ячейка 1/0.2; **538+180+2+129 // 0+29+152**

Внимательное изучение представленных ассоциативных полей слова-стимула *квартира*, позволяет, во-первых, выделить в них общие ассоциаты, а во-вторых, проследить эволюцию данного понятия в обыденном языковом сознании русских за последние 25 лет.

Параметр, важный для русских людей во все времена, - это размер квартиры. Однако если в 90-е годы большей представлялась *трехкомнатная* квартира, то в РАС-2 представлены такие характеристики, как *четырёхкомнатная* и *100 метров квадратных*. При этом появились и такие реакции, которые отражают признак «способ владения квартирой»: *ипотека, приватизированная, купить (куплена, куплю), продана, собственность, снимать, аренда*.

Два ассоциата, представленные в обоих словарях, – *коммунальная* и *хрущевка (хрущобы)*, культурно маркированы, наполнены особыми смыслами и нуждаются в специальных комментариях. Так, подробное толкование слова *хрущобы* находим в «Толковом словаре русского общего жаргона»: «Пятиэтажный дом с малогабаритными квартирами дешевой застройки середины 50-60-х гг. По инициативе бывшего в 1953-1964 гг. 1-м секретарем ЦК КПСС Н.С.Хрущева такие дома строились для того, чтобы в короткий срок предоставить максимально большому числу семей отдельные квартиры с удобствами. В домах не было лифтов, высота потолков в квартирах не превышала 2-х метров 50см, планировка была неудобной, площадь кухни, совмещенного санузла и коридора была сведена к минимуму. В отличие от сталинских домов послевоенного периода, хрущобы не имели никаких архитектурных излишеств и были все на одно лицо». Помимо толкования значения этого слова в словарной статье содержатся также и пометы:

«УПОТР.: Презрит.

Коннот.: Отрицат. Оценка; ассоциация с трущобой.

СИНОНИМЫ: Хрущевка.

ПРОИСХОЖД.: Наложение друг на друга слов, имеющих фонетически совпадающие части, сопровождающееся усечением конца первого слова и начала второго: Хрущ(-ев) + (т-)рущоба; возможно, при этом значение является результатом метонимического переноса от трущоба» [Ермакова, Земская, Розина :1999].

Коммунальная квартира (коммуналка) – также ассоциат, в котором заключен целый конгломерат смыслов, превращающих данное слово в национально-культурный концепт. В толковом словаре (МАС) представлено лишь значение этого слова: «Квартира, предоставляемая городским хозяйством и занимаемая несколькими семьями (сьемщиками)» [МАС /Малый академический словарь/:Словарь русского языка: в 4-х томах. Т.2.1981:84]. В этом определении абсолютно отсутствует элемент «переживания», т.е. отражения данного концепта в обыденном языковом сознании русских. А между тем, именно это и составляет его национальную специфику. В прямых словарях РАС-1 и РАС-2 нет словарной статьи, в которой это слово выступало бы как стимул, но в обратных словарях мы находим небольшое ассоциативное поле слов-стимулов, для которых *коммунальная квартира (коммуналка)* является реакцией:

Коммуналка: *комната, коридор, общий, ржавое, ругань, соседка* **1; 3+3**

Даже в этих единичных ассоциатах можно обнаружить «дух» коммуналки: в ней каждой семье выделена *комната*, а *коридор* и другие места *общего* пользования – *кухня*, туалет (возможно, с *ржавым* унитазом), что создает страшные неудобства, а потому между соседями (*соседками*) нередко возникает *ругань*.

Подробное описание коммунальной квартиры (коммуналки), как бы раскрывающее отмеченные нами ассоциации, находим у Андрея Синявского в его книге «Основы советской цивилизации»: «Места общего пользования и составляют основной жизненный нерв и специфику коммунальной квартиры. На этом небольшом пространстве чужие друг другу люди вынуждены постоянно встречаться, общаться, ругаться и вести борьбу за клочок этой общей площади – каждый в свою пользу.

<...> В условиях коммунальной квартиры слово «соседи» звучит весьма зловеще... Здесь процветает взаимная подозрительность, взаимная ненависть, которая разрешается в скандалах, сплетнях, клевете, в драках, доносах» [Синявский 2001:238-239].

Даже такой беглый просмотр ассоциативных полей слов *дом* и *квартира* позволяет обнаружить целый мир, действительно светящийся даже не смыслом, а множеством смыслов, в основном культурно маркированных.

Перейдем теперь к концепту *семья*. Следует отметить, что в прямых и обратных словарях реакции **дом-семья** являются «зеркальными», что подтверждает важность двух концептов в ценностной шкале русских. Слово *семья* является многозначным. Однако в обыденном языковом сознании представлено в основном именно значение «Группа живущих вместе близких родственников».

Материал, содержащийся в ассоциативных словарях, позволяет нам реконструировать тот фрагмент концептосферы русской повседневности, который

связан со словом *семья* у русских людей, представить себе стереотип русской семьи и проследить эволюцию его содержания на протяжении последних трех десятилетий.

Самые частотные реакции в прямых словарях РАС-1 и РАС-2 на слово-стимул *семья* – *большая, дружная*, а также *дети*.

Прежде всего, просматривая ассоциативные поля, можно найти ответ на вопрос о **составе семьи**: он колеблется от минимального – 3-4 человека (*я+ты+ребенок; папа, мама, я; родители, мой муж и я; из трех человек*) до включения в ее состав всех родственников (*родственники, родня, родные; дети, ребенок, сын, дочь, родители, мама, мать, отец, муж, жена, супруги; родственница, дядька, тетка, зять, теща*). При этом представление о семье из трех человек можно считать приоритетным, несмотря на то, что одной из самых частотных реакций является слово *большая*.

Вторым аспектом, на который следует обратить внимание, является отношение русских к данному институту общества, его оценка. Элементарная выборка и подсчет «положительных» и «негативных» ассоциатов показывают, что концепт *семья* в русском обыденном языковом сознании имеет высокий положительный статус (общее соотношение позитивных и негативных слово-оценок ~ 2,5:1). Положительный образ семьи складывается из таких понятий, как *дружная, дружба; крепкая, счастлива, счастье; любовь, любовь и радость; союз любящих; уважение, гармония; все, что есть, тепло, теплое понятие; стабильная*. Отметим, что положительная оценка семьи за годы, разделяющие создание РАС-1 и РАС-2 заметно возросла, а количество оценочных слов-ассоциатов с негативным значением в РАС-2 сократилось по сравнению данными РАС-1 (24 → 6). Несколько раз в разных ассоциативных полях встречается ассоциат *крепость*, что, во-первых, подтверждает тесную связь концептов *дом* и *семья* («*Мой дом – моя крепость*»), а во-вторых, подчеркивает восприятие семьи как надежной защиты и прибежища человека в этом мире. Следует, однако, отметить, что некоторые положительные оценки семьи представляют собой клише новояза – стандартные стереотипы советских времен: *ячейка общества, здоровая, советская, социалистическая, союз любящих сердец, семейный подряд*. Большинство этих клишированных обозначений представляют собой семантически опустошенные словосочетания, так называемый *langue de bois*. Сегодня они уже не содержат в себе положительную коннотацию.

Характеристика семьи в русском лингвокультурном сознании представлена в различных по составу и грамматическому оформлению словосочетаниях. Так как слово-стимул **семья** – имя существительное, то, естественно, большую часть составляют ассоциаты имена прилагательные, которые характеризуют семью с различных сторон: **размер** (*большая/маленькая, многодетная, полная/неполная*); **степень благосостояния и благополучия** (*крепкая, не/благополучная, не/счастливая, голодная, идеальная, обеспеченная, стабильная, бедная, прочная, полноценная*); **моральный климат** (*дружная, веселая, благочестивая, красивая, трудолюбивая, семейный конфликт, семейный скандал*); **социальный статус семьи**

по профессии ее главы или обоих супругов (*военнослужащего, колхозников, машиниста, депутата, офицера, тракториста, учителей, филологов, историков*).

Некоторые ассоциаты в паре со словом-стимулом **семья** образуют короткие грамматически правильные предложения, которые могут представлять фреймы типичных ситуаций или отдельные слоты таких фреймов: **семья** – *распалась*; **семья** – *перед разводом*; **семья** – *празднует*; **семья** – *в сборе*; **семья** – *на работе*; **семья** – *в беде*; **семья** – *на прогулке*.

Наконец, некоторые ассоциации на слова, образованные от слова *семья*, – *семейная, семейное, семейный*, а также на форму род.падежа – *семьи*, образуют словосочетания, обозначающие концепты, относящиеся к сфере семьи: *семейная традиция, семейная пара; семейное положение; семейный альбом, семейный праздник, семейный бюджет; глава семьи, доход семьи*.

Выводы

Подведем итоги нашего небольшого исследования. С одной стороны, наличие большого числа негативных оценок категории повседневность, которые представлены в виде таблицы в начале статьи, как будто бы заставляют нас согласиться с определением Достоевского, вложенным в уста его героя Родиона Раскольникова: повседневность – это «обыденная дребедень». С другой стороны, анализ содержательной стороны повседневности, заключенной в ее базовых концептах *дом* и *семья*, позволяет обнаружить множество смыслов, в том числе, национально маркированных. И это подтверждает характеристику повседневности как «мира, светящегося смыслом», данную А.Щюцем. Такая «двуипостасность» обыденного мира составляет его сущность.

Подчеркивая значимость категории повседневность, венгерский философ Дьердь Лукач писал: «Именно стихия повседневной, материальной, приближенной к практике жизни человека является истоком, нерасчленимой основой и единым объектом всех самых сложных форм дифференциации общественного сознания (например, науки, искусства, религии). <...> Повседневная жизнь – начало и конец всякой человеческой деятельности. Ее можно представить как поток, разделяющийся на протоки и рукава. Такими ответвлениями являются высшие виды восприятия и воспроизведения действительности – наука и искусство... Порожденные потребностями общества, самой обыденной жизнью, влияя на нее и испытывая ее влияние, они вновь вливаются в ее поток» [[3] – Лукач: Т.1: 7]/

Литература

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Толковый словарь русского общего жаргона/под общ.рук. Р.И.Розиной. М.,1999.

МАС /Малый академический словарь/:Словарь русского языка: в 4-х томах/ Под ред. А.П.Евгеньевой. М.,1981. – Т.2. С.84.

Лукач Д. Своеобразие эстетического. М.,2012. Т.4. С. 7.

Синявский А. Основы советской цивилизации. М.,2001. С.238-239.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания//Языковое сознание и образ мира: сб.статей./ отв. ред. Н.В.Уфимцева. М.,2000. С. 26.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских// Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб.ст. М.,1998. С.164-166.

Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования// Языковое сознание и образ мира: сб.статей./ отв.ред Н.В. Уфимцева.- М., 2000. С.22.

**EVERYDAY LIFE IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS:
“EVERYDAY CRAP” vs. “A WORLD GLOWING WITH SENSE”**

Nina L. Chulkina

Professor

Department of General and Russian Linguistics

Philological Faculty

Peoples' Friendship University of Russia

10-2A Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia

nina.chulkina@yandex.ru

The article considers the social-philosophical category of “everyday life” and its reflection in the Russian language consciousness. The paper presents an interdisciplinary study, since the concept of everyday life is regarded as a socio-philosophical category, as well as cultural, semiotic, and historical. The main directions of the liberal arts having contributed to the study of the phenomenon are reviewed. The author focuses on linguo-cognitive, psycholinguistic, and linguo-cultural approaches while analyzing the material obtained from the Russian Associative Dictionary. The author’s objective is to define the status of the “everyday life” category in the trivial Russian language consciousness. The author shows the duality of everyday life, which is, on the one hand, synonymous to prosiness and commonness, and, on the other, is regarded as a fundamental principle of understanding and transforming the world. The ambiguity, the ambivalence of perception and evaluation of Russian everyday life by its participants, common native speakers of the Russian linguistic culture, is usually a subject of debate, both by professionals and nonprofessionals.

Key words: everyday life, trivial Russian linguistic consciousness, associative dictionary, word-stimulus, associate, concept.

References

Ermakova O.P., Zemskaja E.A., Rozina R.I. Tolkovyj slovar russkogo obshnego jargona [Russian Dictionary of Common Slang]. Pod obshs. ruk. R.I. Rozinoj. M., 1999

MAS / Malyj akademicheskij slovar: Slovar Russkogo jazyka v 4-h tomah [MAS / Small Academic Dictionary: The Dictionary of the Russian Language in 4 volumes]. Pod red. A.P. Evgenievoj. M., 1981. V.2. p. 84.

Lukach D. Svoeobrazie esteticheskogo [The Unique Aesthetics]. M., 2012. V.4. p. 7.

Sinjavskij A. Osnovy sovetskoj tsivilizatsii [Soviet Civilization Fundamentals] M., 2001. Pp. 238-239.

Tarasov E.F. Aktualnye problemy yazykovogo soznaniya [Challenges of language consciousness analysis] // YAzykovoe soznanie i obraz mira: Sb.statej [Language Consciousness and Image of the World]. Otv. red. Ufimtseva N.V. M., 2000. p. 26.

Ufimtseva N.V. Etnicheskij karakter, obraz sebja i yazykovoe soznanie russkih [Ethnic character, image of self, and linguistic consciousness of Russians] // YAzykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie: Sb.st. [Language Consciousness: Formation and Functioning]. M., 1998. Pp. 164-166.

Ushakova T.N. YAzykovoe soznanie i printsipy jego issledovanija [Language consciousness and its operations] // YAzykovoe soznanie i obraz mira: Sb.statej [Language Consciousness and The Image of The World]. Otv.red. N.V. Ufimtseva. M., 2000. p.22.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ВЕРБАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В СОСТАВЕ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ЯЗЫК, ТЕКСТ, АВТОР, ИНТЕРПРЕТАТОР

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса
языковой модели», в Институте языкознания РАН

Вдовиченко Андрей Викторович

Ведущий научный сотрудник
Сектор теоретического языкознания
Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
профессор ПСТГУ
anlvdo@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович

Заведующий отделом психолингвистики
Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
профессор
efi34@mail.ru

В статье на основании двух экспериментов-наблюдений выявляются характеристики вербальных данных и коммуникативного действия, их соотношение в естественных условиях коммуникации. Авторы считают, что коммуникативное действие и вербальные данные соотносятся как целое и его несамостоятельная часть, наделяемая функциями в процессе вписывания (интегрирования) в коммуникативное действие. Вербальные данные (взятые на различных уровнях анализа – от звука до предложения и текста) могут считаться смыслообразующими элементами только при условии вовлечения в коммуникативные действия, организованные конкретными говорящими (пишущими). В естественном коммуникативном процессе (с использованием или без использования вербального канала) понимаются личные коммуникативные действия (семиотические поступки) в сколь угодно сложных (иногда вовсе недоступных интерпретатору) условиях, а не слова или иные «знаки» (жесты, рисунки, несловесные звуки и пр.). Поскольку знак выделяется и получает тождество только в личном коммуникативном действии, его дискретное существование можно считать условным, а его конституирование – утилитарной процедурой. Обязательные признаки естественного семиотического действия (поступка) – коммуникативность, акциональность, ситуативность, когнитивность, интерпретируемость – полностью игнорируются языковой

моделью смыслообразования, в которой обладающими значением и смыслом признаются сами «знаки» (слова и др.). В естественном коммуникативном процессе всегда «работают» несколько каналов воздействия. Попытки обособления канала коммуникации (например, признание актов «только речевыми») не отвечают реальности коммуникации и не могут способствовать построению адекватной модели смыслообразования.

Ключевые слова: естественный коммуникативный процесс, вербальные данные, эксперимент, семиотический поступок, коммуникативное действие, коммуникативная модель, смыслообразование, когнитивное состояние, история о собирании груш, интерпретация

Данная статья не только содержит *описание эксперимента* (во второй части), но ее первая часть сама представляет собой *эксперимент*, в котором предлагается поучаствовать тому, кто читает сейчас эти строки.

Свою задачу я вижу в том, чтобы в ходе предлагаемого взаимодействия с читателем (или наблюдателем, то есть с Вами) зафиксировать существенные различия между, с одной стороны, *вербальными данными* (взятыми на различных уровнях анализа) и, с другой, – *коммуникативным действием*, произведенным с участием вербального канала.

Начиная эксперимент, предлагаю вниманию наблюдателя две последовательные реплики, которые представляют собой вопрос и ответ:

[а чего он у него своровал не знаешь
не знаю наверно плохой мальчик].

Эти высказывания взяты из актуальной ситуации взаимодействия двух коммуникантов (имеется аудиозапись). Состоявшийся диалог завершился этими двумя фразами, которые – можно обоснованное предположение – в настоящей форме наблюдателю *невозможно интерпретировать в тождестве*. Однако именно эти слова были действительно сказаны и поняты в рамках реального диалога.

Констатировать непонимание (со стороны наблюдателя) в данном случае принципиально важно, поскольку это составляет условие продолжения эксперимента.

Если наблюдатель признает факт непонимания, эксперимент продолжается.

Если же наблюдатель считает эти реплики понятными, то я как экспериментатор, чтобы убедиться в заявленном понимании, готов задать несколько вопросов: кто [он]? У кого [своровал]? Кто [ты], к которому обращается автор первой реплики? «Мальчик» сказано иронично или серьезно? И пр.

Если на эти вопросы у наблюдателя определенных ответов нет (согласимся, по меньшей мере, на то, что возможные ответы будут гораздо менее уверенными и определенными, чем у самих коммуникантов, которые в момент речи ни в чем не сомневались, и что эти ответы вряд ли совпадут с мнением самих коммуникантов), тогда эксперимент все равно продолжается.

Перед наблюдателем графическую фиксацию обрели реплики, некогда сказанные на русском языке, которые были наполнены смыслом для самих коммуникантов (см., вернее, сл. аудиозапись). Однако наблюдателю, чтобы понимать эти русскоязычные вербальные данные, чего-то недостает. Очевидно, что русский язык в этой элементарной ситуации по каким-то причинам не справляется с главным своим делом, к которому призван, казалось бы, любой язык – *производить понимаемые осмысленные высказывания* (давать правила их построения, предоставлять семантические элементы, т.е. значимые слова, быть инструментом порождения высказываний, производить смыслообразование, и пр.; вспомним генеративную грамматику Хомского, в которой роль языка как устройства состоит в порождении вербальных структур по заданным правилам [Хомский 1998]; или теореме Патнэма, где способность языка производить осмысленные предложения не подвергается сомнению [Putnam 1981]; или роль языка во французской школе, напр., у Барта, когда умерло все, включая диаду субъект-объект, за исключением языка (и его двойника «письма»), который все нивелирует и порождает тексты [Барт 1994], и др.).

Поскольку перед наблюдателем в данном случае, несомненно, имеет место *факт «языка»*, а русский язык, можно быть уверенным, безусловно, известен тому, кто дочитал настоящую статью до данного места, то, вероятно, *именно «язык»* нам и следует *заставить работать*, чтобы он реализовал, наконец, смыслы в приведенном фрагменте диалога.

Попытаемся сделать это, восходя по уровням анализа вербальной структуры, от мельчайших выделяемых элементов к более масштабным.

На уровне звуков, фонем и графем наблюдается довольно странная ситуация: вербальные данные («слова», а точнее «клише») произносятся совсем не так, как пишутся, а пишутся совсем не так как произносятся. Это происходит в подавляющем большинстве случаев, вследствие чего звуки, фонемы и графемы, обеспечивающие организацию элементов в этом сегменте «системы языка», ввергаются в хаос неопределенности и в этих условиях теряют способность строить систему (об утилитарности выделения знаков, см. [Вдовиченко 2016: 172]).

Так, фонетическая картина текста, которая выглядит приблизительно следующим образом (условно):

[А чиво он у ниво сваравал, ни знаиш ни знайу, навернаэ плахой мал'чик], заметно отличается от принятого графического способа фиксации этих данных. Получается, что аутентичный коммуникант (например, говорящий с детства по-русски житель Москвы) беззаботно произносит [чиво], а пишет почему-то [чего]. Когда же ему нужно прочесть написанное [чего], он снова возвращается к [чиво] [Вдовиченко 2017].

Разобраться в том, как в слове [чего] ([чиво]) соотносятся звуки, графемы и фонемы, оказывается, совсем не просто, поскольку 1) звуки не точно соответствуют графемам (здесь, например, звук [в] не соответствует графеме [г]), 2) фонемы не точно соответствуют графемам (здесь, например, фонема [э] не соответствует букве [е]), 3) звуки не точно соответствуют фонемам (здесь, например, тот же звук [в]

не соответствует фонеме [г], а звук [и] не соответствует фонеме [э], представленной на письме графемой [е]).

Даже этот небольшой элемент (слово [чего]) демонстрирует, что русское письмо нельзя назвать ни строго фонематическим, ни, тем более, фонетическим. К тому же фонемы, с помощью которых постулировавшие их исследователи пытались обеспечить концептуальные основания для инвариантности слова, в относительно единообразном виде (и то не всегда) появляется почему-то только *на письме*, которое глубоко вторично по отношению к устной стихии бытования вербальных клише. В устной – главной и базовой – форме вербальной коммуникации фонем не наблюдается, поэтому легендарный фонетический комплекс [сама паймала сама] принципиально ничего не сообщает о том, где рыба, а где рыбачка, если не становится написанным.

При этом характерно, что говорящие вовсе не задумываются и не осознают, как пишется то, что они говорят: произнося в актуальной ситуации [чиво], они понимают это клише и не испытывают необходимости в фонетически протivoестественном варианте [чего]. Странность как раз и состоит в том, что только в графической репрезентации звучащей речи – глубоко вторичной и несамостоятельной – фонемы можно хотя бы неуверенно наблюдать (если, правда, не иметь в виду иные способы графической фиксации – скажем, китайский или белорусский, где увидеть фонемы на письме еще более проблематично).

Пожалуй, самый конструктивный пример, освобождающий от запутанности, – возможность написать русскоязычный текст латиницей, или каким-то иным не столь распространенным способом, где присутствие фонем будет так же сложно констатировать, как и в сознании говорящего, но вербальная форма высказывания при этом будет *воспринята и понята аутентичным коммуникантом*: например, *fonemy vedut sebjа stranno*.

Ясно, что смысл графической фиксации, осуществляемой более или менее распространенными способами, состоит в том, чтобы *вызвать из памяти аутентичного коммуниканта уже существующие в ней клише*, и как-нибудь воссоздать то, что произносил (мог бы произнести) аутентичный коммуникант: он пишет [чего], чтобы прочитали заранее известное [чиво].

Тот же механизм возвращения к звуковому образу, заранее известному из устной коммуникативной типологии, мы застаем в случае, когда используются сокращения: распознать за знаком [см.] целое слово может только тот, кто знает его заранее (см. выше), иначе кроме двух букв и точки он не увидит ничего.

Тот же механизм работает, когда на письме слово обозначается без знаков ударения. В русской орфографии так происходит в подавляющем большинстве случаев, каждый из которых мог бы вызвать вопросы (например, [вопрасы] или [вапрóсы]?), если бы не образы фонетических клише, изначально известные аутентичным коммуникантам (и изначально недоступные иностранцам).

Любая графическая фиксация, будучи глубоко вторичной по отношению к естественной коммуникативной практике, всего лишь стремится возратить

(приблизить) к ней сознание читающего. Письмо (в русском случае непонятно какое – одновременно фонетическое и фонематическое, с использованием элементов иероглифического, типа [с.] или [см.], а также совсем не-фонетических и не-фонематических стрелочек, точек, тире, знаков вопросов, двоеточий, многоточий и пр.) представляет собой всего лишь *намек на комплексные формы коммуникации*, которые, несомненно, *первичны по отношению к написанному*.

Поэтому звуковая, фонематическая и графическая форма двух интересующих нас реплик как бы указывает направление поиска смыслов, но сама не может быть более информативной, чем естественный (в том числе звуковой) архетип (сл. аудиозапись).

На уровне звуков, фонем и графем мы, по-видимому, не можем заставить язык порождать смыслы.

На уровне морфем нас постигнет та же участь. Морфология форм в двух интересующих нас репликах, доступная современному исследователю, в том числе по специальным справочникам, укажет такие подробности, которые явно были не известны говорящим в момент интеракции. Однако они, участники диалога, в отличие от исследователей, *понимали, о чем они говорили*, всецело игнорируя знание корневой семантики, соединительных гласных, суффиксов, окончаний, и пр. Слова известны аутентичным говорящим как целостные вербальные клише, «вписанные» в коммуникативные синтагмы [Вдовиченко 2008]. Зато состав и внутреннее строение самих фонетических комплексов (слов) не воспринимается аутентичными коммуникантами в дискретном виде.

Кроме того, здесь, как и повсюду, где вербальные клише находятся в естественном («рабочем») состоянии, этимология этих форм не просматривается и не помогает наблюдателю, поскольку значимые единицы этимологических дериваций («этимоны») в естественном коммуникативном процессе полностью отсутствуют, а слова, будто бы обладающие этимонами, в естественной коммуникации полностью деэтимологизированы: говорящие не знают ни единого индоевропейского или иного корня; этимологической перспективы употребляемых слов они не осознают. Максимум, что позволяют себе говорящие – строить риторичку своих коммуникативных действий с использованием методов «народной» этимологии, от которых «академическая» принципиальным образом не отличается (первая, впрочем, хотя бы риторически «срабатывает») [Вдовиченко 2008].

Кроме того, как уже было замечено, не вполне понятно, какие единицы, составляющие морфемы, становятся значимыми в конкретных случаях. Так, в слове [своровал] была произнесена, скорее, «семантема» [вар], а не [вор]. Но она, очевидно, не вызвала у коммуникантов недоумения и не стала причиной непонимания, несмотря на совершенно иную «семантику корня» [вар]. При такой постановке вопроса приходится признать, что [вар] «работает» вместо [вор], смешивая, таким образом, все морфологические и этимологические карты.

Похоже, морфология не эффективна в прояснении сказанного. Для смыслообразования в конкретном естественном эпизоде использования вербальных клише необходимо что-то иное.

Видно, что естественный процесс смыслообразования игнорирует морфемный уровень, который, как и уровень звуков (фонем, графем), оказывается бесполезным в объяснении смыслопорождения.

На уровне лексем застаем похожую ситуацию: выделенные элементы данного уровня не дают тождественного понимания, которое, тем не менее, следует констатировать в естественной ситуации коммуникации (как у участников диалога). Так, в попытках приписать какие-то собственные значения лексемам наблюдатель (если он имеет такое желание) сталкивается в нашем случае с заведомо непреодолимой проблемой: понять [он] и [у него] – совершенно понятные участникам диалога – наблюдатель определенно не способен. Причина этого, безусловно, содержится не в лексемах как таковых, и не в различном знании «языка» наблюдателем и коммуникантами-авторами реплик, а в *различной мере владения параметрами коммуникативной ситуации* (которая все рельефнее проступает как реальность, которая действительно имеет значение для смыслообразования).

Заметим, что не только «пустые слова» (вспомним Бенвениста [Бенвенист 1998: 296]), но и «наполненные» (такие как [своровал], [мальчик], [плохой], [наверное]) не становятся более понятными от своей «наполненности». Они, так же как и слово [он], с точки зрения наблюдателя, относятся неизвестно к чему, означают неизвестно что. Соответственно, они также пусты, как и подмеченные в начале местоимения [он], [у него]. Если эти слова что-то и означают, то их «значения» известны только участникам коммуникации (авторам рассматриваемых реплик), но почему-то непонятны знающему «язык» наблюдателю. Такое положение дел заставляет снова искать подлинные причины смыслообразования за пределами выделенных нами объектов анализа (вербальных клише), ввиду их несамостоятельности и неспособности к автономному смыслообразованию.

Уровень лексем, таким образом, не позволяет приблизиться к смыслу и процессу его порождения, несмотря на иллюзию большей осмысленности единиц.

На уровне предложения эти фразы можно, пожалуй, записать уже более привычным образом:

«– А чего он у него своровал, не знаешь?

– Не знаю, наверное, плохой мальчик.»

Здесь мы имеем в виду, что графический способ представления коммуникативной интеракции (с использованием вербального канала) уже учитывает *комплексность* коммуникативной процедуры. Он включает не только буквы, приблизительно обозначающие реальные звуки, но и намеки на целый ряд иных параметров: деление на слова и предложения обозначается большими-маленькими буквами и пробелами; интонационные паузы и остановки – запятыми и точками; интонационные варьирования тона – знаком вопроса; распределение ролей в диалоге – разделением на реплики и строки, а также постановкой тире в начале новой реплики.

Уровень предложения (высказывания) убеждает в том, что графически оформленная «законченная мысль» не может быть достаточным «контекстом»

для воссоздания смысла в отдельно взятом слове. Необходим более обширный контекст, в котором будет понятным хотя бы слово [он] – одно из главных в двух рассматриваемых репликах (ведь коммуникантам оно было понятным в момент говорения).

Кроме того, заметно, что, несмотря на целостность предложения, синтаксические функции элементов – особенно во второй фразе – не определяются с уверенностью (заметим, забегая вперед, что и в первой фразе все не так просто).

Имея в виду динамику эксперимента (взаимодействия с читателем этих строк), можно сделать предположение (а затем проверить), каковы «синтаксические функции элементов» и как, соответственно, эти реплики понимались коммуникантами. Для этого попытаемся переформулировать высказывания, сделать их более понятными, рассчитывая на свой опыт восприятия русских коммуникативных клише.

Итак, первую реплику, по-видимому, можно интерпретировать следующим образом: «А ты не знаешь, *что* он у него своровал?». В свою очередь, вторую реплику – следующим образом: «Я не знаю, *что* он у него своровал. Он, как мне кажется, плохой мальчик».

Согласимся, что иные варианты интерпретации будут менее правдоподобными (если вообще возможными), если основывать свои заключения на данной форме этих двух реплик.

Снова отметим, что в рассуждениях о синтаксическом понимании двух естественных реплик присутствует некая странность. Она состоит в том, что синтаксис данных актуальных предложений («законченных структур») остается почему-то непонятым, требующим прояснений и гаданий. Кроме синтаксиса, непонятым остается и общий смысл предложений – к чему относятся вопросы? Какие обстоятельства могут характеризовать «его» как «плохого мальчика»? и пр.

Впрочем, здесь же стоит отметить, что ощущение непонимания испытывает только наблюдатель, в то время как участники диалога были вполне удовлетворены сказанными фразами и без труда понимали их.

(Замечу, что такая ситуация – когда одним понятно все, а другим не понятно ничего, не может иметь место на территории одинаково известного всем «языка». Очевидно, что мы находимся в какой-то иной области, требующей иных, неязыковых, инструментов для исследования смыслообразования. Наши попытки действовать в рамках «языка», на уровнях «языка», предпринимаются только для того, чтобы показать, что такой путь неэффективный и недостаточный).

Как видно, уровень синтаксиса, привлеченный к анализу данных реплик, также не дает уверенности в понимании, вслед за звуками, морфемами и словами, и вместе с ними.

Уровень текста предоставляет возможности несколько сузить диапазон поисков смысла:

- (1) – Помнишь... мне Настя говорила... Какой-то фильм она тебе показывала... Ты помнишь? Там такой... кто-то груши собирает...
- (2) – Да...
- (3) – А ты мне можешь рассказать про него?

- (42) – Четверо.
(43) – А сколько у дяди было корзин с грушами? Помнишь?
(44) – Две.
(45) – Две всего было корзины?
(46) – Да.
(47) – И одну мальчик своровал? Или три у него было?
(48) – Нет, две. И одну своровал.
(49) – **А чего он у него своровал, не знаешь?**
(50) – **Не знаю, наверное, плохой мальчик.**
(51) – Плохой мальчик? Понятно... Ну, ладно, спасибо большое.

По крайней мере, становится ясно, что самое вероятное предположение о смысле двух интересующих нас реплик, сделанное на уровне предложений, оказалось *неверным*. Очевидно, что на фоне только что случившегося обсуждения о том, сколько корзин было «у дяди» и сколько было украдено (реплики 43-48), следующий за этим вопрос «А чего он у него своровал?» (49) не может означать «Что он у него своровал?». Это можно истолковать только как «А почему он у него своровал?». Именно так и понимает эту реплику второй коммуникант (именно это и означает реплика 49).

В своей ответной реплике (50) второй говорящий не оставляет сомнений в том, что слова «наверное, плохой мальчик» представляют собой не указание на то, что кто-то («он») плохой, а содержат объяснение, *почему* «он у него своровал»: *потому*, что он «плохой мальчик».

Из этого текста можно также понять, что участники диалога говорят о каком-то «фильме», в котором происходят некоторые события. Главным из них, замеченных вторым коммуникантом, было похищение корзины с грушами, и пр. и пр.

И все же, несмотря на ощущение большей вразумительности, диалог по-прежнему остается не вполне понятным: кто его участники? кто такая Настя и зачем она упомянута в начале диалога? зачем инициирован данный диалог? о каком «мальчике», «мальчиках» и «дяде» они говорят (ведь коммуниканты видели их в фильме, а наблюдателю их облик и видимое поведение полностью неизвестны, если он не смотрел тот же фильм); правильно или не правильно определяет число объектов («корзин» и «мальчишек») второй коммуникант, отвечая на вопрос первого; говорит ли неправду первый коммуникант, когда просит рассказать о фильме, поскольку «не смотрел его, но очень интересуется», и пр.

Заметим, что главную причину далеко не полной вразумительности текста можно видеть в том, что 1) наблюдатель не присутствовал и не видел сам момент коммуникативных действий, и что 2) изначально этот «текст» не был предназначен для такой коммуникативной процедуры, в которой в настоящий момент он оказался, а экспериментатор (т.е. я, автор данной последовательности коммуникативных действий), вовлекающий данный текст в свою процедуру, следом которой, или намеком на которую являются читаемые Вами слова и предложения, – только и делает, что стремится исполнить свою риторическую задачу – показать *неавтономность* данного «текста» в деле смыслообразования.

Иными словами, *никто не заботился и не заботится* о том, чтобы этот «текст» (как след череды коммуникативных действий) способствовал смыслообразованию в иных (за пределами доступных аутентичным коммуникантам) условиях и ситуациях.

Но здесь автор не отслеживал когнитивное состояние адресата для успешного коммуникативного воздействия. «Подслушанный текст» в значительной мере выглядит так же, как случайно услышанная фраза из разговора двух незнакомых прохожих (например, «Да, он ни за что этого для него не сделает» и пр.), – и даже еще менее определенно, поскольку в данном случае наблюдатель не наблюдает ни внешнего облика коммуникантов, ни обстоятельств коммуникативной интеракции. Поэтому, несмотря на аккуратно представленную точную запись произнесенных слов (клише), упакованных в предложения, упакованные, в свою очередь, в текст, вся эта совокупность продолжает остро нуждаться в *источниках смыслообразования*, которые, по-видимому, не могут быть восстановлены вне ориентации на *когнитивные состояния конкретных коммуникантов* (что они видели перед собой, о чем знали в момент интеракции, какие мыслимые объекты вовлекались в коммуникацию, каковы были изначальные отношения и распределение ролей между ними, каковы были общие для них фреймовые и фоновые знания, актуализованные в момент коммуникации, и пр. и пр.).

Здесь нужно сделать оговорку, что текст – в том виде, в каком он приведен выше, как, впрочем, и любой текст – может ввести наблюдателя в соблазнительное состояние *интерпретационной экзальтации*: наблюдатель резонно осознает, что процессы понимания (смыслообразования) происходят в нем, и нигде более совершаться лично для него не могут. В силу своей обособленности от автора, породившего «текст», одновременно в силу очевидной невозможности превратиться в него, наблюдатель констатирует для себя факт смерти автора, оставаясь с единственным несомненно не умершим и доступным – с собой (ср., например, усилия Р. Барта [Барт 1994]). После этого «текст» становится добычей любого «одиночки», теряя ориентиры, вложенные в него в момент создания. Что же до автора, то он оказывается всего лишь одним из прочих интерпретаторов.

Однако здесь же, чтобы избавиться от экзальтации и не узурпировать больше свободы, чем это дозволительно в отношении другого субъекта, нужно заметить, что 1) интерпретатор все же – вольно или невольно – стремится к автору как источнику коммуникативного действия, который знаменует собой предел смыслообразования; в этом стремлении интерпретатор 2) неизбежно демонстрирует различную меру приближения к когнитивному состоянию автора, что само по себе устанавливает своего рода *шкалу интерпретационной (де)экзальтации*.

С одной стороны, *полное знание* авторской интенции и мысли, очевидно, недоступно никому иному, кроме самого автора. Можно считать авторскую коммуникативную интенцию желательным, хоть и недостижимым *пределом* усилий интерпретатора, и одновременно *одним из двух крайних значений* на данной шкале.

С другой стороны, *полное игнорирование* автора оказывается столь же невозможным (см. ниже), поэтому можно, в свою очередь, считать полное

игнорирование недостижимым *пределом* усилий тех, кто настаивает на смерти автора, и *противоположным крайним значением* на шкале.

Интерпретатор, находясь в своем «возможном мире», может устремляться по этой шкале в различных направлениях, тем самым, свидетельствуя о собственных приоритетах смыслообразования и способов его обнаружения. При этом само наличие шкалы и возможность выбора направления принципиально оставляют настоящего автора в игре на поле смысла.

Иными словами, поиск источников смыслообразования, скажем, в «тексте» [октябрь уж наступил] начинается с ответа на прямой вопрос: он был написан кем-то или не написан никем?

Ответ, так или иначе брезжащий в рамках *языковой* интерпретации (а именно, что «текст существует написанным на языке, значит, в нем присутствуют значения и смыслы независимо от автора») не может быть принят, поскольку в таком случае «язык» заранее вобрал в себя все возможные тексты, и тогда ни писать, ни говорить на «языке» не имеет никакого резона. Но автор, несмотря на всеохватность языка, зачем-то произвел данный «текст» (в составе соответствующего коммуникативного действия), и значит, именно он видел в этом какую-то предикативность. Явление вербальных данных, как и любого иного компонента коммуникативного действия, можно объяснить *только интересами данного субъекта* осуществить целенаправленное коммуникативное влияние, а не породить стандартную, существующую по законам «языка», словесную структуру (заметим, что любой «язык» потому и является *пустым и бессмысленным*, что в нем отсутствует личность – подлинный источник любого смыслообразования).

Таким образом, на заданный вопрос стоит все же ответить утвердительно: данный текст явился в результате лично организованной кем-то коммуникативной процедуры, следом которой стала данная вербальная последовательность. Так, «язык» не может ответить на вопрос, наступил ли уже октябрь или еще нет, и зачем нужно вообще об этом говорить. Прояснить, наступил ли октябрь и зачем об этом сказано, может только автор того действия, в состав которого входит это высказывание.

Иными словами, кто-то должен маркировать собой *опорную точку* для данной «констатации» (зафиксировать систему семиотических координат) и дать шанс для дальнейшего многофакторного оценивания соответствующего коммуникативного поступка. В этом и состоит 1) неизбежность фокусирования интерпретации на когнитивном состоянии *того, кто* производит данное коммуникативное действие: семиотический поступок (с вербальным компонентом) кто-то все-таки совершил, и это не просто факт языка (нужно иметь в виду, что язык не может создавать тексты, и тексты сами себя тоже не пишут).

Несмотря на это, по-прежнему остается возможным 2) продвижение по шкале интерпретационной экзальтации в сторону *исчезновения автора*, которое позволяет интерпретатору почувствовать себя креативно, скажем, признать, что эта строка говорит (то есть «почти никем не сказана») о революции 1917 г.:

«Великий Октябрь уж наступил». На нашей условной шкале это соответствует положению *максимальной интерпретационной экзальтации*, в котором настоящий автор полностью отсутствует, «мертв» для интерпретатора. Живой интерпретатор с готовностью занял его место, но, кажется, оказался в довольно глупом положении: ему все равно не удастся убедить свою аудиторию, – если она составлена из *homines sapientes*, – что в данном тексте просматривается «революция», заложенная в него – среди всего прочего – от природы или из соглашения (откуда якобы берутся все «значения слов в языке»). Если же интерпретатор припишет этот «текст» себе и будет настаивать на его «революционном» содержании, вложенном в текст уже лично им, и будет настаивать на своем праве так поступить, то тотчас превратится в банального плагиатора – ведь именно этот «текст слов» уже был однажды создан и интегрирован в чужое коммуникативное действие.

Интерпретатору остается сделать вид, что он изящно и просто пошутил про революцию, вовлекая «для красоты» строчку из Пушкина. При этом запланированные ранее поминки по автору все же придется признать не состоявшимися.

Наоборот, продвижение по шкале в сторону *выявления автора* сразу обещает избавление от подобного когнитивного тупика (на нашей шкале это соответствует положению *максимально возможной дезэкзальтации*): вполне определенный автор (А.С. Пушкин) совершил коммуникативный поступок в некогда мыслимых условиях. Поэт, побывав в плену у интерпретатора, к счастью «выжил» и благодаря этому хотя бы отчасти конкретизировал смысловое поле данного «текста»: то действие, в составе которого он некогда произнес [октябрь уж наступил], нельзя мыслить соотношенным с большевистским переворотом 1917 г. ввиду очевидных (укорененных в его, авторском, когнитивном состоянии) причин. Ясно, что содержанием своего сознания и своим поступком автор ввел смыслопорождение данного высказывания в достаточно тесные рамки: *текст* (ряд «следов» коммуникативных поступков) *не может содержать больше смыслов, чем сам авторский замысел* данного поступка.

Иными словами, понимать автономный «текст» (написанный на «языке») в принципе невозможно, поскольку *пониманию подлежит только личная деятельность того, кто организовал коммуникативную процедуру; в самом же тексте источники смыслообразования полностью отсутствуют*. Текст представляет собой лишь *намек* на личное коммуникативное действие (вернее, *последовательные намеки на ряд коммуникативных действий*), и без возведения намека к объекту намека (или без воссоздания по следу того, что оставило этот след) смысл не может осознаваться в тождестве. Зато коммуникативный поступок (личное действие), в отличие от текста, уже можно понимать.

Как видно, «язык», состоящий из самоорганизующихся звуков, фонем, морфем, слов, предложений и текстов, невозможно заставить производить смыслы. Там, где оно все же гадательно просматривается сквозь мутное стекло уровней «языка», на самом деле «работает» локализованное в сознание субъекта коммуникативное действие с его мотивациями, мыслимыми объектами, установленными связями, констатированными адресатами и пр.

Уровень коммуникативной ситуации, или семиотического действия, как раз делает доступным максимальное (насколько возможно) приближение к когнитивным состояниям говорящих, усвоение их мотиваций и, соответственно, смысла совершаемых семиотических поступков. Чтобы представить коммуникативную ситуацию и семиотическое действие в ней, можно воспользоваться вербальным описанием (или, скажем, видеосюжетом, при наличии). Чем больше мыслимых коммуникантами параметров коммуникативного действия будет осознаваться интерпретатором, тем дальше продвинется он в понимании авторского семиотического поступка.

Участниками рассматриваемой здесь интеракции выступают автор данной статьи (в ролевой функции «отца своего ребенка») и его дочь, Анна В., возраст 8 лет и 2 месяца, ученица первого класса. Более чем за неделю до данного диалога старшая сестра Анны, Анастасия («Настя», 17 лет), имитируя непринужденность, по моей просьбе дала посмотреть своей младшей сестре фильм У. Чейфа о похищении груш (<http://pearstories.org/docu/narrative.htm>). Дата просмотра фильма Анной В. 29.04.2017.

Затем, больше чем через неделю, автор статьи, также имитируя непринужденность (см. запись диалога), попросил Анну В. пересказать просмотренный фильм (08.05.2017, 16 часов 25 минут), чтобы заручиться материалом для предполагаемой статьи. При этом Анна В. сидела в комнате одна, за компьютером, и играла, забыв про уроки, в увлекательную игру. Экспериментатор вошел, мешая ей заниматься любимым делом, и попросил рассказать о фильме, не обнаруживая записывающий диктофон. Анна В. в течение разговора продолжала время от времени смотреть в монитор, исполняя какие-то игровые действия, и желала побыстрее исполнить просьбу – чтобы ее, наконец, оставили в покое.

(См. выше «текст диалога»).

Понятно, что наличие изображений участников коммуникации, а также их диспозиция в пространстве, разделяющее их расстояние, окружающие предметы, тембр их голоса и интонации, выражение лиц, движения рук, паузы и пр. могли бы еще ярче передать обстоятельства интересующих нас последовательных интеракций. Некоторые из подробностей, вероятно, могли бы сыграть в интерпретации свою роль, такие как, например, присутствующие в сознании старшего и младшего участников единые образы – «груш», «дяденьки», «мальчика», «мальчиков», «корзин», «велосипеда» и всего того, что не обсуждалось, но также нашло свое отражение в сознании участников единой практики (просмотра фильма). Эти образы, в отличие от сугубо индивидуального контента сознания, наделяют участника (и даже интерпретатора) частичной прогностической способностью: так, например, рассчитывая на знание единого видеоряда, участник диалога с гораздо большей уверенностью может рассчитывать на определенные реакции собеседника, поддерживать заинтересованный разговор, осознанно задавать вопросы и демонстрировать знание сути дела, учитывать последовательность образов в сознании собеседника, и пр.

После констатации параметров состоявшейся коммуникации многое в рассматриваемом тексте становится ясным: от образов объектов, вовлекаемых в диалог, до личных отношений и интонаций участников. Так, например, любой, кто посмотрел фильм У. Чейфа, может гораздо эффективнее «проникать в сознание» данных коммуникантов и понимать их интеракции, или, зная о вовлеченности Анны В. в компьютерную игру, интерпретировать ее реакции и реплики, например, «Ну-у-у-у-у-у...» (6) или остановки речи (2, 10, 16), и др.

Интерпретатор, кроме того, непременно ощущает себя перемещающимся по упомянутой шкале (назовем ее нейтрально - *шкалой интерпретации*), что в самом деле дозирует смыслы: их возникает больше или меньше, в зависимости от глубины погружения в «чертоги сознания» аутентичных коммуникантов (авторов «текстов»).

Ввиду всего этого исследователь данного диалога (читатель, или наблюдатель) должен, наконец, пережить немалую радость от обилия смыслов, хлынувших и наводнивших собою доселе пустоватый «текст реплик», – совершенно иное чувство, нежели то, которое владело им в продолжении тягостного скитания по бесплодным пустыням букв, звуков, морфем, слов, предложений и даже пустыне самого текста, где смыслы не определялись.

В этом потоке понимания, который был вызван приливом жизненного коммуникативного контента, привязанного к личному сознанию и действию коммуникантов, можно видеть кардинальное *различие между естественным (коммуникативным) и языковым* смыслообразованием, а одновременно – *между коммуникативным действием* (с участием вербального канала) и *языковой структурой* (вербальными данными – словом, предложением, текстом).

Как видно, вербальные клише, составляющие текст, оставались пустыми и неопределенными до тех пор, пока на сцену не явилось *личное сознание и личный семиотический (коммуникативный) поступок*.

Здесь важно отметить, что весь разъясняющий контент «обильно хлынул» только в нашей нарочито (ради эксперимента) созданной ситуации: искусственно возведенную плотину, не допускавшую подлинные факторы смыслообразования в естественную коммуникативную интеракцию, наконец, столь же искусственно прорвало, – рассуждение вышло на уровень семиотического поступка и мыслимой ситуации его совершения.

Но – очень важно заметить – *в естественном состоянии* (в отличие от только что устроенного игрового квеста) коммуникант и интерпретатор *с самых первых шагов коммуникативной процедуры уже оснащены всеми возможностями и инструментами смыслопорождения*. Смыслообразование семиотического поступка (с участием слов или без), порождаемого или интерпретируемого, как раз и начинается с констатации мыслимых параметров действия. На этой стадии у коммуникантов уже имеется все то, что нами только в конце было замечено как «хлынувшее» и «наполнившее».

Так, при порождении коммуникативного действия, в состав которого, скажем, входят слова [просьба к присутствующим выключить сотовые телефоны] автор сразу

обладает комплексом данных, которые задают возможности воздействия на адресата, а также некоторые способы (в том числе вербальные коммуникативные клише), которые обыкновенно в похожих коммуникативных синтагмах (типологических условиях коммуникации) вызывают в сознании адресата нужные автору изменения. Понять эти и другие слова можно только как *действие коммуниканта в данных условиях*, то есть только в составе мыслимой коммуникативной синтагмы, двигаясь по шкале интерпретации *в сторону коммуниканта*.

Понимание всегда будет сводиться к интерпретации его осмысленного поведения. Именно поэтому действие коммуниканта, который адресует данное «предложение» ([просьба к присутствующим выключить сотовые телефоны]), скажем, таможеннику при прохождении границы или продавцу, спрашивающему, «будете ли Вы это покупать», *окажется слишком сложным для истолкования*, при том что в «самом предложении», казалось бы, нет никаких нарушений или избыточной сложности.

В свою очередь, при интерпретации «текста» читатель все время пребывает в одном, не вполне линейно (скорее, многомерно) воссозданном, моменте авторского коммуникативного действия, с соответствующим набором параметров. Его сознание способно анализировать единомоментно *только одно авторское действие*, на что и рассчитывает автор, продвигающий читателя, посредством вербальных «намеков», от действия к действию. Набор параметров при переходе от одного семиотического поступка к другому формируется как изменяющееся (нарастающее) множество данных, из которого сознание интерпретатора, подчиняясь автору, избирает актуальные элементы, необходимые для производства и интерпретации данного действия (в этом и состоит нелинейность процедуры смыслообразования). Понятно, что для успешной интерпретации каждого действия в «тексте» необходимо не количество предложений, предшествующих данному, а мыслимый невербально набор данных, составляющих арсенал интерпретатора, то есть мыслимый постоянно меняющийся дискурс, в постоянном обладании которым нуждается автор действия и затем истолкователь.

Участник коммуникативной ситуации *с самого начала* получает (или уже имеет) значимые для порождения или интерпретации параметры, которыми он так и не смог бы до последнего момента заручиться, если бы начинал порождение (интерпретацию) семиотического поступка от уровня звуков и морфем (как в приведенном игровом поиске факторов смыслообразования по уровням). В отличие от реализованной здесь условной процедуры, начатой от звуков и морфем, коммуникант и интерпретатор в актуальной ситуации все делают *прямо наоборот*: в мыслимом моменте коммуникативной ситуации и ее параметрах уже содержится огромный набор возможностей (и ограничений) для порождения или интерпретации авторского действия.

Нужно отметить, что только после установления данной системы координат (то есть после понимания личного действия в мыслимых условиях коммуникации) становится возможным *приписывать значения и смыслы элементам вербальной структуры*, как со стороны автора, так и интерпретатора (так, слово [я] может

быть признано понятным только после констатации мыслимого в данный момент источника говорения). Впрочем, элементарный состав действия может и не проявляться в сознании участников, поскольку замысел действия имеет невербальное содержание и поэтому не разложим на коммуникативные клише или иные единицы. Если он уже «обработан» сознанием независимо от единиц, возникшее когнитивное тождество уже не нуждается в бесполезной «элементаризации».

Литература

Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.

Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. (Репринт 1974). 362 с.

Вдовиченко А.В. «Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008. 512 с.

Вдовиченко А.В. Вербальный процесс в зеркале чтения и письма // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. Вып. 52. С. 62–75.

Вдовиченко А.В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии, 2016 №6. С. 164-175.

Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М., 1996. 190 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры / Пер. К.И. Бабицкого. Благовещенск, 1998. 139 с.

Morris C.W. Signs, Language and Behavior. N. –Y., 1946. 365 p.

Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981. 117 p.

VERBAL DATA AS A PART OF COMMUNICATIVE ACTION: LANGUAGE, TEXT, AUTHOR, INTERPRETER

Andrey V. Vdovichenko

Leading researcher

Department of Theoretical Linguistics

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

Professor at Department of Philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

anlvdo@mail.ru

Eugeny F. Tarasov

Head of Psycholinguistics Department

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoj Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

professor

efi34@mail.ru

In the article based on two experiments (or observations) the authors regard the characteristics of verbal data and communicative action, their relations in natural conditions of communication. The authors state that communicative action and verbal data correspond as the whole and its dependent part allocated with functions in the course of inscribing (integrating) them into communicative action. The verbal data (taken at different analysis levels – from sound to sentence and text) can be considered sense producing elements only if they are involved in a communicative action organized by a speaker (writer). In the natural communicative process (which is realized with or without verbal channel used) nothing but personal communicative actions (semiotic acts) can be understood, performed in complex (sometimes unavailable to the interpreter) conditions, but not words or other ‘signs’ (gestures, figures, nonverbal sounds and so forth). As the sign is selected and receives identity only in a personal communicative action, its existence can be assumed as conditional, and its institutionalization can be assumed the utilitarian procedure. The language model completely ignores the mandatory characteristics of natural semiotic action (act) – communicativity, actionality, situativeness, cognitivity, interpretiveness. It postulates signs possess value and sense by themselves (words and others). In natural communicative process several channels of influence always “work”. The attempt of separating and isolating one of communication channels (for example, recognizing the speech acts) does not correspond to reality of communication and cannot promote creation of an adequate model of sense production.

Key words: natural communicative process, verbal data, experiment, semiotic act, communicative action, communicative model, sense production, cognitive status, story of collecting pears, interpretation.

References

Bart R. Smert' avtora [Author's Death] // *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika*. [Selected Works on Semiotics and Poetics]. M., 1994 Pp. 384-391.

Benvenist E. O sub'ektivnosti v jazyke [On subjectivity in language] // *Benvenist E. Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. Blagoveshhensk: Blagoveshhenskij Gumanitarnyj kolledzh im. I.A. Boduena de Kurtene, 1998. (Reprint 1974). 362 p.

Vdovichenko A.V. «Rastavanie s «jazykom». *Kriticheskaja retrospektiva lingvisticheskogo znaniya* [Parting with language. A critical retrospective of linguistic knowledge]. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2008. 512 p.

Vdovichenko A.V. Verbal'nyj process v zerkale chtenija i pis'ma [Verbal process in the mirror of reading and writing] // Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija Review of Orthodox St Tikhon University for Humanities. Ser. III: Philology]. 2017. Vyp. 52. Pp. 62-75.

Vdovichenko A.V. O nesamotozhdestvennosti jazykovogo znaka. Prichiny i sledstvija «lingvisticheskogo imjaslavija» [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the “linguistic onomatodoxia”] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2016 No. 6. Pp. 164-175.

Makeeva L.B. Filosofija H. Patnema. [H.Putnam's Philosophy]. M., 1996. 190 p.

Chomsky N. Sintaksicheskie struktury [Syntactical Structures] / Per. K.I. Babitskogo [Tr. K.I. Babitsky]. Blagoveshhensk, 1998. 139 p.

Morris C.W. Signs, Language and Behavior. N. –Y., 1946. 365 p.

Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981. 117 p.

УДК 81'23

**ВЛИЯНИЕ ПРЕТЕКСТА НА ВОСПРИЯТИЕ АКТУАЛЬНОГО
ТЕКСТА**

Маховиков Денис Викторович

научный сотрудник отдела психолингвистики

Института языкознания РАН

125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

denisrich2708@yandex.ru

Статья актуализирует проблему восприятия гипертекста как повседневной коммуникативной реальности и разработки психолингвистической модели его смыслового восприятия. В связи с этим рассматриваются некоторые онтологические характеристики гипертекста. В качестве объекта анализа выступает печатный гипертекст, который образуется комбинациями актуального текста с претекстами и посттекстами.

В статье описываются результаты психосемантического эксперимента, направленного на выявление влияния претекста на восприятие актуального текста. В ходе эксперимента испытуемые (студенты московских вузов) воспринимали и оценивали (для этого использовался метод шкалирования) два объекта — актуальный текст и гипертекст. Последний формировался из актуального текста и претекста — тезисов, выражающих основные идеи актуального текста. Полученные от испытуемых оценки были проанализированы, и была построена семимерная категориальная структура восприятия гипертекста, образованная следующими категориями: оригинальность, шаблонность, сложность, образность, непредсказуемость, упорядоченность и реалистичность. Были выявлены некоторые значимые различия при восприятии линейного текста и гипертекста. В качестве задачи на ближайшую перспективу рассматривается исследование влияния типа претекста на восприятие актуального текста.

Ключевые слова: гипертекст, смысловое восприятие гипертекста, психосемантический эксперимент, факторный анализ.

Введение

Расширение функционирования гипертекста в современном коммуникативном пространстве способствует его изучению с разных сторон. Психолингвистику, традиционно ориентированную на исследование порождения и восприятия (понимания) текста, интересует прежде всего процессуальный аспект этой проблемы. Моделирование текста как деятельности по его созданию требует специфических методов и исследовательских процедур, поэтому актуальными являются проблемы приложения существующих психолингвистических методов и методик к анализу гипертекста, их оценки и адекватности по отношению к изучаемому феномену, а также разработки новых методов исследования гипертекста.

Онтологический статус гипертекста возможно установить исходя из его сущностных свойств. Анализ литературы по теме показывает, что к таковым относят:

1. (смысловую) содержательную нелинейность гипертекста;
2. дисперсность его структуры (информация представлена в виде блоковых гнезд и войти в нее можно с любого блока);
3. разнородность и мультимедийность гипертекста (применение всех средств воздействия на читателя, таких как шрифт, иллюстрации, звук, анимация).

Однако при разработке психолингвистической модели смыслового восприятия гипертекста необходим учет, по крайней мере, еще двух его онтологических характеристик. Одной из основополагающих онтологических характеристик гипертекста является то, что его понимание приближается к ситуации устного общения, к процессу порождения высказывания [Митирева, Иванова, Нистратов, Тарасов 2015]. В упрощенном виде процессы порождения и восприятия (понимания) гипертекста можно описать так: автор идет от сети идей (ментальной схемы) к линейному тексту, а читатель совершает обратный процесс — от линейного текста к сети идей. Напомним, что в процессе производства и понимания высказывания совершаются подобные рекурсивные переходы: коммуникант, производящий высказывание, идет от смысла к значению, а реципиент идет от значения к смыслу.

Второй онтологически важной характеристикой гипертекста является то, что его понимание близко к структуре переработки информации человеческим мозгом и основано на ассоциативном мышлении [Там же].

Наше понимание гипертекста согласуется с представлением Н. В. Беляевой [2010], которая рассматривает гипертекст как когнитивно-коммуникативную единицу. Вслед за С. А. Стройковым [2008: 7] гипертекст можно определить как «нелинейно организованный объем поликодовой информации, обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий пересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки». Таким образом, гипертекст состоит из нескольких текстов, объединяет которые гиперссылка. В печатном гипертексте гиперссылка может быть материально не выражена.

Объектом нашего исследования является не электронный, а печатный гипертекст, который образуется комбинациями актуального текста с претекстами и посттекстами.

В процессе смыслового восприятия гипертекста, состоящего из нескольких текстов, формируется ментальное межтекстовое образование — интертекст. В работе Н. Ф. Ковалёвой [2004: 9] справедливо указывается, что смысловое восприятие гипертекста идет по схеме:

$$ГТ = \dots (T1) + T2) + T3) + T4) + T5) + \dots$$

$$\begin{array}{c} \text{---} \text{A} \\ \text{---} \text{B} \\ \text{---} \text{C} \end{array}$$

ГТ — гипертекст, А — интертекст, T1 — одна лексия гипертекста

Поскольку текст воспринимается субъективно, процесс его восприятия может быть описан с помощью семантического пространства, которое дает возможность провести оценку содержания как знания об объекте и воспроизвести структуру восприятия гипертекстового материала. Построение семантического пространства опирается на метод шкалирования. Эвристический потенциал метода шкалирования раскрывается в том, что он позволяет исследователю задавать мерность, в рамках которой (и только в ней) профанный реципиент речевых сообщений может дать отчет в своих действиях. Мерность при шкалировании задается градуированными антонимическими шкалами.

Для того чтобы в перспективе построить модель смыслового восприятия гипертекста мы проводим серию экспериментов. В данной работе мы описываем один из таких экспериментов.

Экспериментальная часть

Описание эксперимента

Испытуемые

В качестве испытуемых выступили студенты московских вузов, средний возраст которых составил 18–23 года.

Материал

Материалом для эксперимента явился текст энциклопедического характера (см. Приложение).

Экспериментальные процедуры

Одной группе испытуемых предъявлялся актуальный текст, другая группа шкалировала актуальный текст в комбинации с претекстом (тезисами, выражающими основные идеи актуального текста). Инструкция к заданию формулировалась следующим образом: «Оцените по шкале от 0 до 5, насколько предложенные тексты ассоциируются с данными качествами». Для фиксации оценки тестируемых объектов испытуемому давался бланк анкеты.

Результаты эксперимента и их обсуждение

В результате обработки экспериментальных данных была построена семимерная категориальная структура восприятия гипертекста. Было выявлено семь факторов. Ниже факторы перечислены в порядке убывания вклада в общую дисперсию.

Первый фактор включал в себя следующие шкалы, перечисляемые в порядке убывания факторной нагрузки: *яркий, обычный, оригинальный, интересный, выразительный, глубокий*. Этот набор шкал можно назвать фактором «Оригинальность». Это наиболее значимый фактор.

Следующий по значимости фактор содержит шкалы: *лживый, примитивный, шаблонный, коварный*. Данный фактор можно назвать фактором «Шаблонность».

Третий по значимости фактор включает шкалы: *сложный, понятный, легкий, ясный*. Этот фактор можно назвать фактором «Сложность».

Четвертый фактор представлен шкалами: *символический, естественный, образный*. Этот фактор можно назвать фактором «Образность».

Пятый фактор представлен шкалами: *хитроумный, непредсказуемый*. Этот фактор можно назвать фактором «Непредсказуемость».

Шестой фактор представлен шкалами: *упорядоченный, четкий, абстрактный*. Этот фактор можно назвать «Упорядоченность».

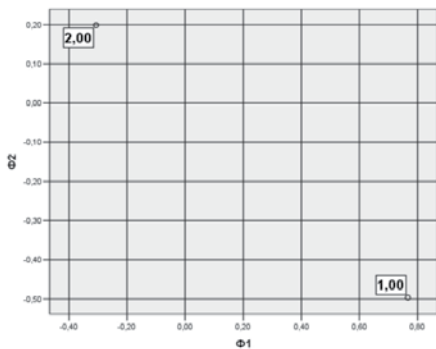

Рис. 1

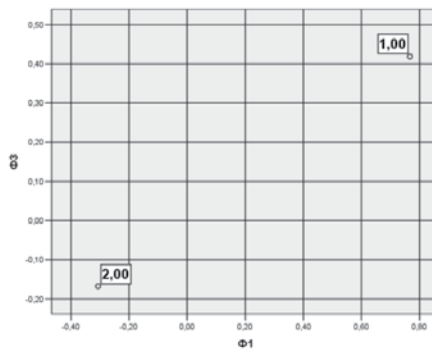

Рис. 2

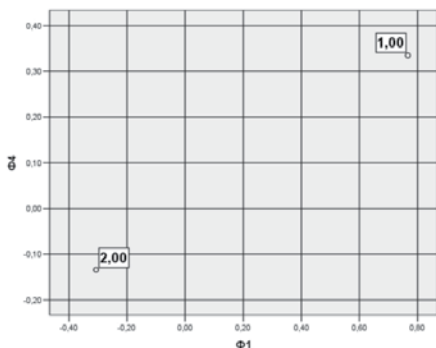

Рис. 3

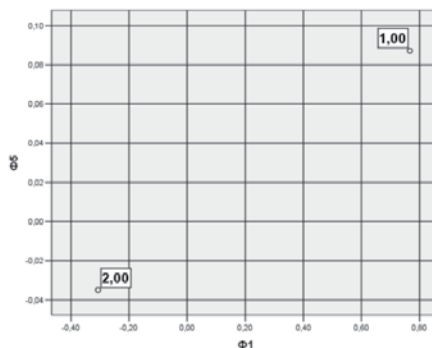

Рис. 4

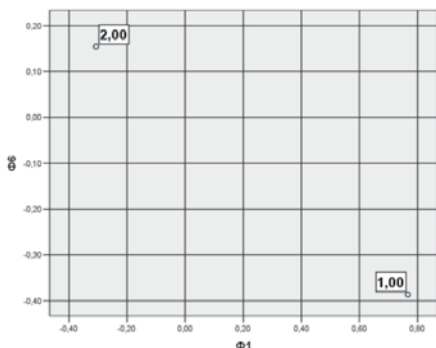

Рис. 5

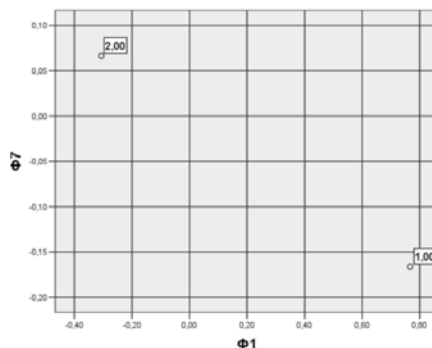

Рис. 6

Седьмой фактор представлен шкалами: *спокойный, реалистичный, изоциренный*. Этот фактор можно назвать «Реалистичность».

Таким образом, в результате эксперимента была выявлена семимерная категориальная структура восприятия гипертекста и построены семантические пространства гипертекстов (рис. 1–6). Объектами, расположенными в пространстве, являются оцениваемые варианты гипертекста.

Сделаем пофакторный анализ.

Оригинальность

Значение этой категории наиболее выражено для актуального текста. Актуальный текст воспринимается испытуемыми как яркий, необычный, оригинальный, интересный, выразительный. Несколько меньше выраженность этой категории наблюдается по шкале «глубина». Текст с претекстом (гипертекст), напротив, не воспринимается как оригинальный и глубокий. Возможно, это происходит потому, что читатель строит проекцию текста, опираясь на претекст, который с большей долей вероятности помогает спрогнозировать содержание актуального текста. Читатель сориентирован в содержании текста, поэтому тест теряет для него характеристику оригинальности.

Шаблонность

Анализ дескрипторов, составляющих эту категорию, показывает, что в ее рамках можно выделить две субкатегории: ложность, образованную шкалами «лживый» и «коварный», и шаблонность, образованную шкалами «примитивный» и «шаблонный».

Ожидаемо, что эта категория не выражена при восприятии актуального текста, но находит выражение при восприятии текста с претекстом. Последний воспринимается как лживый, примитивный и шаблонный.

Сложность

Актуальный текст воспринимается как понятный, легкий и ясный. Напротив, для гипертекста эти характеристики оказываются слабо выраженными. Таким образом, усложнение формы объекта (актуальный текст + претекст) осложняет его восприятие. Иначе говоря, читателю проще воспринимать актуальный текст без опоры на претекст.

Образность

Актуальный текст воспринимается как символический, образный и естественный. Текст с претекстом практически не наделяется этими характеристиками.

Непредсказуемость

Актуальный текст оценивается испытуемыми как хитроумный и непредсказуемый. С одной стороны, это соотносится с выраженностью по категории «Оригинальность», но не соотносится с категорией «Сложность». Актуальный текст воспринимается как понятный и ясный, непредсказуемый.

Упорядоченность

Упорядоченным воспринимается текст с претекстом, он упорядоченный, четкий и не абстрактный.

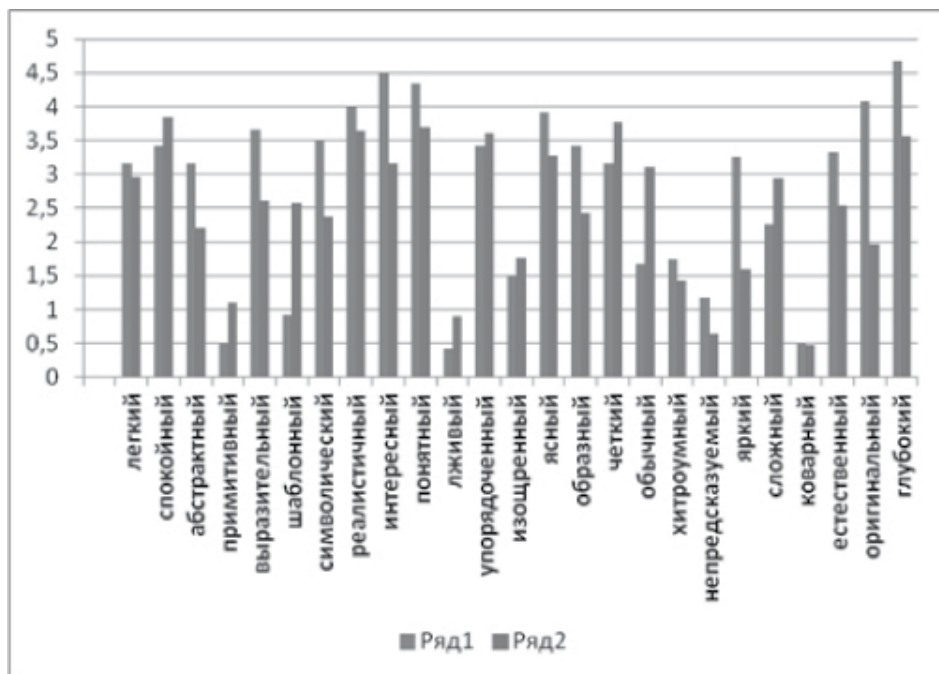

Рис. 7

Реалистичность

Гипертекст воспринимается как спокойный, реалистичный и неизощренный.

Обобщенно результаты экспериментальных данных можно представить в виде диаграммы (рис. 7).

Заключение

Данные исследования носят во многом предварительный характер. Объектами для сравнения выступили только два текста — актуальный текст и текст с претекстом (гипертекст). Этого недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы. Однако анализ экспериментальных данных показывает, что наблюдаются существенные различия при восприятии линейного текста и текста в комбинации с претекстом. Вероятно, что процесс восприятия текста с претекстом во многом обусловлен типом претекста. Все высказанные в статье предположения формируют программу дальнейшего исследования проблемы смыслового восприятия гипертекста.

Литература

Беляева Н.В. Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 18 с.

Иванова О.Ю., Митирева Л.Н., Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Восприятие гипертекста // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2015. № 3. С. 62–67.

Ковалёва Н.Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 22 с.

Стройков С.А. Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста: на материале словаря-энциклопедии “The Free Dictionary”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 23 с.

Приложение

РУССКАЯ ИДЕЯ

Вопросу о Русской идее принадлежит важное место в истории русской философской и общественно-политической мысли. Полемика вокруг того, что понимать под Русской идеей, шла на протяжении большей части XIX и XX вв., приводя к разным результатам. Необходимость обращения к данной теме в историко-философском плане ни у кого не вызывает сомнения.

Иное дело, когда тот же вопрос ставится применительно к сегодняшней России. В такой формулировке он вызывает к себе разное отношение, вплоть до резко негативного. В том же духе высказываются некоторые деятели культуры и политики, принадлежащие, как правило, к либерально-демократическому лагерю. Русская идея для них — чуть ли не синоним русского национализма, сталкивающего Россию с другими странами Запада. Но вот иное мнение: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Оно принадлежит Достоевскому, а вслед за ним было поддержано многими другими выдающимися русскими мыслителями и писателями, коих никак не заподозришь в узко понятом национализме.

Русская идея трактуется обычно как национальная идея. Но что, собственно, следует понимать под национальной идеей? Ее следует, видимо, отличать от национального интереса, играющего важную роль в современной политической практике, в частности, в области межгосударственных отношений. Каждое государство обладает своими национальными интересами, защита которых — преобладающий тип политики в современном мире. Россия здесь не исключение.

Различие между идеей и интересом трудно установить в границах существования отдельной нации, но оно становится очевидным, как только мы ставим вопрос о принадлежности данной нации к более широкой исторической общности — цивилизации. Можно спорить, в чем состоит эта идея, но она, несомненно, существует в каждом народе, связанном с другими сознанием своей

цивилизационной идентичности. Так, любой европеец независимо от своей национальной принадлежности знает, что он европеец.

О духовном родстве народов Европы писали многие выдающиеся мыслители Запада.

Идея — это система ценностей, имеющая более универсальное значение, чем национальный интерес. Интерес — то, что каждый хочет для себя, идея — то, что он считает важным, нужным не только для себя, но и для других, в принципе — для всех. Каждый народ, как и человек, имеет свой интерес, но далеко не каждый имеет идею, которую может предложить людям в качестве общей для них ценности.

Проблема поиска Русской идеи встала и перед Россией — с момента, как она стала осознавать себя частью европейской цивилизации. Пока она, подобно всем цивилизациям древности, не выходила в своем самосознании за пределы религиозной и государственной символики (православие и самодержавие), вопрос о Русской идее никого не волновал. Только после победы над Наполеоном, когда Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, мыслящая часть российского общества задумалась о том, что отличает Россию от Европы и что связывает с ней. Тогда-то и заговорили о Русской идее.

Вопрос о Русской идее был поставлен и решался в составе философского знания, появление которого в России само по себе свидетельствовало о сближении с Европой. О Русской идее писали преимущественно философы, причем до того, как Россия стала предметом экономического и социологического исследования. В отличие от Европы, в которой философский поиск ее цивилизационной идентичности давно закончился, обрел материальное воплощение и сменился чисто научными разработками, в России он затянулся вплоть до настоящего времени и сейчас еще владеет нашими умами. По известному выражению Л. Н. Толстого, в России еще ничего не сложилось и только начинает складываться. Россия жила и живет в состоянии постоянного ожидания грядущих перемен, с надеждой или тревогой всматриваясь в будущее. Она — как бы не в настоящем и даже не в прошлом, а в будущем. Не отсюда ли тютчевское — «умом Россию не понять», «в Россию можно только верить»? Понять можно то, что уже есть, верить — в то, что только будет. Желание придать этому будущему более или менее отчетливую перспективу и рождало потребность в Русской идее, разумеется, по-разному трактуемой нашими радикалами и консерваторами, западниками и почвениками.

Сама постановка вопроса о Русской идее была продиктована вначале не столько желанием отделить Россию от Европы, сколько, наоборот, стремлением найти то общее, что связывает ее с нею поверх всех национальных границ. В таком понимании Русская идея не заключала в себе никакого национализма, не оправдывала превосходство одного народа над другими, не призывала к национальному обособлению России, к ее замыканию на себя. Наоборот, величие России она связывала с преодолением ею своего национального эгоизма, даже с ее национальным самоотречением во имя сплочения и спасения всех христианских народов.

THE INFLUENCE OF PRETEXT ON ACTUAL TEXT PERCEPTION

Denis V. Makhovikov

Ph. D., research fellow,

Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoj Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

denisrich2708@yandex.ru

The paper foregrounds the problem of hypertext perception as an everyday communicative reality and the development of the psycholinguistic model of its semantic perception. Therefore, we consider some ontological characteristics of hypertext. The object of analysis in the paper is printed hypertext which is formed by combinations of the current text with pre-texts and post-texts.

The paper describes the results of a psychosemantic experiment aimed at revealing the influence of pre-text on the perception of the current text. In the experiment respondents (students of Moscow universities) perceived and evaluated (using the scaling method) two objects — the current text and a hypertext. The latter was formed from the current text and a pretext — theses expressing the main ideas of the current text. We have analyzed the data obtained from the respondents and built a seven-dimensional categorical structure of the perception of the hypertext which has been formed by the following categories: originality, banality, complexity, figurativeness, unpredictability, orderliness and realism. We have revealed some significant differences in the perception of linear text and hypertext. An objective for the near future is to study the influence of pretext type on the perception of the current text.

Key words: hypertext, hypertext semantic perception, psychosemantic experiment, factor analysis.

References

Beljaeva N.V. Gipertekst kak kognitivno-kommunikativnaja edinica: jeksperimental'noe issledovanie [Hypertext as a cognitive and communicative unit: experimental study]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2010. 18 p.

Ivanova O.Ju., Mitireva L.N., Nistratov A.A., Tarasov E.F. Vosprijatie giperteksta [Hypertext perception]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire* [Bulletin of the Russian New University: Person in the modern world], 2015, no. 3, pp. 62–67.

Kovaljova N.F. Kommentarii k tekstu kak lingvisticheskiy gipertekst: na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka [Comments on modern English texts as a linguistic hypertext]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2004. 22 p.

Strojkov S.A. Lingvopragmaticheskie harakteristiki anglojazycznogo jelektronnogo leksikograficheskogo giperteksta: na materiale slovarja-jenciklopedii "The Free Dictionary" [Pragmatic characteristics of "The Free Dictionary" as an English electronic lexicographic hypertext]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2008. 23 p.

УДК 81'23
«ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК МЕТОД ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДОМИНАНТЫ
РЕЦИПИЕНТА В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ
ИНОСТРАННОГО ТЕКСТА

Нестерова Наталья Михайловна

Доктор филологических наук, профессор
Кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
nest-nat@yandex.ru

Котельникова Анастасия Николаевна

аспирант
Кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
ketova.anastasiya@yandex.ru

Поздеева Екатерина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент
Департамент иностранных языков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»
614070, Пермский край, г. Пермь, ул. Студенческая, д.38
epozdeeva@hse.ru

Статья посвящена изучению процесса восприятия и понимания текста на иностранном языке с использованием методики «встречного текста», предложенной и разработанной А.И. Новиковым. Данная методика, а также принцип доминантности А.А. Ухтомского легли в основу психолингвистического эксперимента, описание которого представлено в статье. На наш взгляд, «методика встречного текста» позволяет выявить и вербализовать доминанты, имеющиеся в сознании тех, кто воспринимает текст, и которые влияют на процесс смыслообразования. Цель исследования заключалась в нахождении доминанты, в той или иной степени общей для определенной группы испытуемых. В ходе эксперимента были выявлены и проанализированы реакции испытуемых при восприятии двух (общих для всех испытуемых) текстов – публицистического и художественного. В исследовании приняли участие 20 человек (студенты-филологи, учащиеся старших классов, технические специалисты). Результаты эксперимента подтверждают гипотезу об «активной роли реципиента» и позволяют в какой-то мере эксплицировать процесс смыслообразования, выявить определенные закономерности этого процесса и факторы, влияющие на него. Анализ полученных «контртекстов» позволяет сделать вывод о наличии некой «коллективной» доминанты среди испытуемых одной социальной группы.

Ключевые слова: понимание, восприятие, смысл, содержание, индивидуальные реакции, «встречный текст», принцип доминантности, очаг доминанты.

*Мы можем воспринимать лишь то,
к чему подготовлены наши доминанты.
Ухтомский А.А.*

Введение

Десять лет прошло с того момента, как вышла в свет монография Анатолия Ивановича Новикова «Текст и его смысловые доминанты». К сожалению, сам автор не успел закончить начатую рукопись при жизни, но в 2007 году она все-таки увидела свет. Выход книги, несомненно, стал событием в области исследований текста, в частности, в том направлении, которое сам ученый назвал «психолингвистикой текста». Книга была издана со всеми незавершенными фрагментами рукописи, представленными как «заметки на полях», в которых содержатся те вопросы, на которые автор искал ответы. Это можно считать своеобразным «научным завещанием» А.И. Новикова, определяющим перспективы дальнейших исследований. Одной из таких перспектив ученый считал обращение к теории доминантности А.А. Ухтомского с целью рассмотрения природы смыслообразования в процессе восприятия и понимания текста. Именно принцип доминантности, считал А.И. Новиков, может во многом объяснить природу смысла. О том, что в обращении именно к теории доминантности А.И. Новиков видел ключ к разгадке феномена смысла, уже отмечалось не один раз после его ухода (в частности, см. «Вопросы психолингвистики», 2009, № 9).

Принципиальным для раскрытия сущности процессов восприятия и понимания текста можно считать следующее утверждение А.А. Ухтомского: «Нам кажется, что мы принимаем решение и действуем на основании того, как представляем себе положение вещей в мире, а фактически мы и существующее положение вещей в мире **видим сквозь призму наших доминант**» (здесь и далее выд. Наше. – А.К., Н.Н., Е.П.) [Ухтомский 2002: 39].

Представляется, что тезис ученого о том, что «мы можем воспринимать лишь то и тех, к чему подготовлены наши доминанты», вынесенный в эпиграф, может быть положен в основу экспериментального исследования, направленного на изучение процесса смыслового восприятия текста.

Теория доминанты А.А. Ухтомского

Прежде чем описать проведенный эксперимент, назовем основные положения учения о доминанте, которые и позволили А.И. Новикову заключить, что «интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том понимании, которое в него вкладывал известный физиолог А.А. Ухтомский» [Новиков 2007: 55]. Понимал же А.А. Ухтомский доминанту как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский 2002: 18]. При этом ученый особо подчеркивал, что принцип доминантности

имеет универсальную природу. Именно этот «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров» управляет всеми мыслительными процессами (включая понимание и восприятие), поскольку «в высших этажах и в коре полушарий принцип доминанты является **физиологической основой акта внимания и предметного мышления**» [Ухтомский 2002: 46]. При этом **основными свойствами** доминантного очага Ухтомский считал следующие: повышенная возбудимость, инерция во времени и, самое главное, способность суммировать внешние раздражители, «самоподпитываться ими».

На низшем уровне очаг доминанты определяет удовлетворение простейших физиологических потребностей: жажда, голод, сон. В «высших этажах» центральной нервной системы принцип доминанты, как уже было отмечено, является основополагающим для акта внимания. Интересен тот факт, что на примере концентрации внимания можно увидеть четкий пример того, как действует механизм суммирования или «стягивания» всех раздражителей к доминантному очагу возбуждения: посторонние раздражители (не слишком сильные, конечно) способствуют углублению в размышления. А.А. Ухтомский в своей статье 1924 года «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» приводит пример рассуждений И. Канта на эту тему: «Изменчивые, подвижные фигуры, которые сами по себе, собственно, не имеют никакого значения, могут приковывать к себе внимание; так, мелькание огонька в камине или капризные струйки и накипь пены в ручейке, катящемся по камням, занимают воображение целыми рядами представлений... и погружают зрителя в задумчивость. Даже музыка того, кто слушает ее не как знаток, например, поэта, философа, может привести в такое настроение, в котором каждый, соответственно своим целям или своим склонностям, сосредоточенно ловит свои мысли и часто овладевает ими и создает такие мысли, которых он никогда так удачно не уловил бы, если бы он одиноко сидел в своей комнате...» [Ухтомский 2002: 45].

Очень важным представляется замечание ученого о том, что доминанта – не некое абстрактное «неподвижное» образование, а след в цепочке нейронных связей, который может изменяться в зависимости от приобретенных знаний, изменения мировоззрения, пережитого опыта, т.е. доминанта обладает инертностью или, другими словами, «склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние поводы к реакции ушли». «Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, и воспроизвожу мои доминанты, насколько узнаю соответствующие предметы среды» [Ухтомский 2002: 102]. Простейшим примером, иллюстрирующем вышеописанное, может послужить способность музыки или ароматов воспроизводить в сознании конкретного человека точные воспоминания о тех или иных событиях.

К сожалению, из-за советской цензуры идеи А.А. Ухтомского стали доступны широкой публике только в начале 90-х годов прошлого века, когда вышел сборник статей и выступлений разных лет. Однако только в последнее время принцип «доминантности» приобрел популярность в научном сообществе и благодаря своей универсальности используется в гуманитарных исследованиях различных направлений. В психологии, как известно, подробно изучено и описано

влияние доминанты на внимание, абстрактное мышление, различные эмоции (А.А. Ухтомский), также во многих работах подчеркивается связь доминанты с психологической установкой (Д.Н. Узнадзе) и с акцентуированными личными чертами человека (Л.С. Выготский).

Психолингвистическая теория текста А.И. Новикова

В исследованиях текста, как уже было отмечено, к понятию **доминантности** обратился А.И. Новиков, который увидел непосредственную связь принципа доминантности с такими базовыми понятиями психолингвистики текста, как смысл и содержание текста. «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми. Применительно к тексту внешним проявлением такой доминантности, очевидно, является оперирование такими единицами, как ключевые слова, смысловые вехи, опорные пункты, создающие своеобразный «рельеф» формирующегося в сознании семантического пространства» [Новиков 1999: 45].

Наша работа – это попытка (вслед за А.И. Новиковым) дальнейшего исследования процесса смыслообразования сквозь призму принципа доминантности. Как известно, феномен смыслообразования был и остается в центре внимания исследователей – философов, лингвистов, психологов: Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Н.А. Слюсаревой, Р.И. Павилёниса, С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского, С.А. Васильева, Д.А. Леонтьева и других.

Как известно, сложность исследования процесса смыслообразования связана с невозможностью непосредственного его наблюдения. Традиционно о понимании / непонимании текста судят по результату процесса, например, по пересказу «своими словами». Последнее является очень распространенным методом оценки понимания. Но в данном случае, как отмечает А.И. Новиков, мы видим только итог понимания, но не процесс. Чтобы наблюдать сам процесс мыслительной деятельности, нужен иной подход к проведению экспериментального исследования. В поисках такого подхода, А.И. Новиков обратился к методике **«встречного текста»**, в основу которой положена гипотеза об активности и динамичности процесса смыслового восприятия текста.

Подробно данная методика была описана ученым в его статье «Текст и “контртекст”: две стороны процесса понимания». В статье представлены результаты эксперимента, проведенного с использованием данной методики. Проанализировав полученные данные, Новиков констатирует тот факт, что в ходе эксперимента полностью подтвердилась гипотеза об активной роли реципиента в процессе восприятия текста, который, ведя своего рода диалог с исходным текстом, действительно создает свой внутренний текст, или **«контртекст»** по терминологии Н.И. Жинкина [1982: 27]. В таком «контртексте» находят выражение определенные закономерности, которые характеризуют процесс восприятия текста более непосредственно и прямо. Результаты эксперимента дают наглядное представление о том, как это происходит. Выявлено, что с восприятия первой же

фразы делаются попытки моделирования наиболее общей, глобальной ситуации, которая, даже будучи гипотетической, на каждый определенный момент восприятия текста выступает как целостность. Принципиальную значимость здесь имеет то, что такая ситуация по своей сути является экстралингвистической. Она задает своего рода алгоритм интерпретации языковых средств текста, преломления их языковых значений сквозь призму этой целостности и тем самым дает способ постижения их смысла [Новиков 2004: 67]. Также в ходе эксперимента выявлено большое разнообразие реакций, сделана попытка их классификации (всего в работе выделено и описано 15 видов реакций).

Исследование А.И. Новикова было продолжено и продолжается до настоящего времени в рамках уфимской школы психолингвистики под руководством Н.П. Пешковой. Мы также продолжаем исследование механизмов восприятия и понимания текста с использованием методики «контртекста», но в несколько ином русле.

Процедура исследования и обсуждение результатов

Целью нашего эксперимента является определение (оценка) роли принципа доминантности в формировании встречного текста и, в конечном итоге, смысла воспринимаемого текста. Хотелось бы подчеркнуть, что именно на этапе восприятия стоит говорить о доминантности, но при этом взглянуть на нее не с точки зрения выделения ключевых слов и смысловых вех, а именно сквозь призму той теории, о которой писал Ухтомский. Ведь именно главенствующий очаг доминанты в головном мозге читателя и определяет, какой смысл он «припишет» тексту. Интересно, что, исходя из возможностей доминантного очага угасать, но при этом оставлять в нервной системе неизгладимый след, чтобы затем при появлении аналогичных условий «разгореться» с новой силой, а также видоизменяться в зависимости от новых знаний или пережитых ощущений, можно предположить, что восприятие одного и того же текста одним и тем же человеком будет кардинально отличаться в разные периоды его жизни. Именно поэтому человек, читая и перечитывая один и тот же текст в разные периоды своей жизни, каждый раз «открывает» для себя новые смыслы. Вот почему так отличаются переводы одного текста, выполненного переводчиком в разные периоды его жизни.

Как уже говорилось, мы ставили перед собой задачу провести экспериментальное исследование с использованием предложенной А.И. Новиковым методики для того, чтобы полученные «встречные тексты», представляющие зафиксированную в письменном виде внутреннюю речь реципиента в процессе восприятия текста позволили бы увидеть, как работает доминантный очаг головного мозга, подчиняя себе процесс формирования смыслов. Материалом для эксперимента послужили тексты на иностранном языке. Данный выбор оправдывается тем фактом, что при понимании иноязычного письменного сообщения в процессе перехода от первичного восприятия текста к окончательному пониманию (с уровня формирования содержания на уровень смыслообразования), реципиенты используют различные промежуточные операции преобразования одного текста в другой. В данном случае процесс можно считать усложненным, поскольку он включает в себя три (как минимум!) фазы: «понимание исходного

текста, “отмысливание” от форм исходного языка и выбор форм языка перевода» [Сыроваткин 1978: 18]. Автор одного из первых герменевтических исследований в русском переводоведении А.Н. Крюков назвал понимание (что и является первой фазой переводческого процесса) «законом перевода». Как процесс понимания, так и процесс перевода можно охарактеризовать термином «декодирование», т.е. переход от формальной структуры к совершенно иному коду, который формируется в сознании реципиента. Гипотетически, именно очаг доминанты определяет, какой «код» будет сформирован.

В качестве испытуемых в нашем эксперименте участвовали 20 человек из различных групп: студенты-филологи (переводчики), учащиеся выпускных классов средней школы, инженеры-выпускники аэрокосмического факультета. Испытуемым последовательно предлагались для восприятия два текста на английском языке. Один из них – рассказ Р. Брэдли «All Summer in a Day». В нем описывается фантастическое будущее, в котором человечеству пришлось покинуть Землю и отправиться на Венеру, где постоянно идут дожди, и только раз в 7 лет выглядывает солнце. Но главная тема повествования заключается в описании переживаний маленькой девочки Маргот, отвергнутой коллективом. Другой текст — публицистический (отрывок из статьи «Who’s Best at Living Longest? The Secrets of Longevity» из журнала National Geographic). Тексты предъявлялись в письменном виде, причем каждое предложение было отдельно пронумеровано.

Задание было сформулировано следующим образом:

Для выполнения задания Вам необходимо:

1. *Записать номер предложения (некоторые предложения для удобства уже объединены).*
2. *Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения (вопросы, возникшие в вашем сознании, ассоциации и пр.).*
3. *Допускается интерпретация группы стоящих рядом предложений, если они составляют смысловое единство. В этом случае номера предложений записываются через запятую.*
4. *После составления «встречного текста» кратко сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста.*

Следует отметить, что испытуемым не сообщили, кто является автором воспринимаемого ими текста. Не сообщали и названий, что могло бы упростить задачу. Также не оговаривалось, на каком языке следует писать комментарии, таким образом, некоторые испытуемые использовали родной язык, а остальные делали замечания на иностранном языке, либо же оставляли комментарии, «переключаясь» с русского на английский. Принципы выбора того или иного языка также представляют интерес для исследования.

Итак, каждый испытуемый записывал на отдельном листе номер предложения исходного текста, который играл роль стимула, а затем все ассоциации, мысли, вопросы, являющиеся как бы реакцией на данный стимул. Совокупность реакций на один исходный текст одного испытуемого и составляет «контртекст» данного испытуемого.

Приведем для примера несколько «контртекстов», составленных при восприятии публицистического текста.

Таблица № 1

Примеры «контртекстов» на статью «Who's Best at Living Longest? The Secrets of Longevit

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
1. What if I said you could add seven or eight years to your life? What would that be worth?	1. Как это может быть возможно? Наверное, цена будет слишком велика.	1. Love
2. First the Good News. For the past century and a half, life expectancy in this country has only gone up.	2. Это очень хорошая новость. Прогресс и развитие науки подняли уровень жизни.	2. In which country?
3. James Vaupel, a demographer at the Max Plank Institute, figures that life expectancy has increased by about two years a decade since 1840—and he sees no reason for it to stop. By 2050, he estimates, half of all the women born in the developed world will reach age one hundred.	3. Что именно вызывает такие благоприятные изменения? Как можно сохранить или даже ускорить увеличение средней продолжительности жизни?	3. My dream
4. Now the bad news. Last March a team of researchers led by Jay Olshansky at the University of Illinois found that life expectancy in the U.S. may have started to level off—or even to dip.	4. Это может быть вызвано неправильным образом жизни или питания.	4. Why?
5. The culprit: childhood obesity and ailments such as diabetes and heart disease that result from it later in life	5. «Болезни 21 века» являются виновниками этого.	5. Fast food and sedentary lifestyle...as always
6. But you do have the power to add time to your life and—more significantly, life to your time.	6. Звучит заманчиво. Мне будет предложено вести здоровый образ жизни и правильно питаться?	6. I think, that I know what you're going to tell me
7. No matter what your genetic inheritance, there are things you can do to make the most of your body's potential.	7. Какие вещи человек может сделать, чтобы полностью раскрыть потенциал своего организма?	7. I've read a lot about it
8. Tom Perls of Harvard estimates that if you adopt an optimal diet, lifestyle, and level of physical activity, you can add as many as eight years to your life. And most of them would likely be good years.	8. Как было проведено исследование, позволяющее сделать такой вывод?	8. Yes, I was right!

Первый взгляд на «контртексты» позволяет отметить кардинальное различие реакций у разных групп испытуемых, хотя внутри группы они в какой-то мере аналогичны. Это свидетельствует о том, что, гипотетически, можно говорить о некой коллективной доминанте, благодаря чему появляется в какой-то степени общий смысл у испытуемых, принадлежащих одной социальной группе. Данная картина была вполне ожидаема. Сам А.И. Новиков писал: «Смысл – это внутреннее, личностное, но которое может быть и **общим** через общее переживание жизни, быт, культуру и др.» [Новиков 2007: 134].

Такой «общий смысл» позволил разделить реакции всех испытуемых на три группы по принципу аналогии: реакции учеников старших классов, реакции студентов-филологов и технических специалистов. Данное разделение реакций на группы как раз и свидетельствует о наличии коллективной (в какой-то степени) доминанты в рамках определенной социальной группы. Для примера приведем отрывок из художественного текста, который в связи со своими специфическими особенностями (метафоричность описания, имплицитность) вызвал наибольший (по сравнению с публицистическим текстом) разброс реакций, и примеры «типичных» реакций реципиентов, относящихся к разным группам.

Таблица № 2

Примеры индивидуальных реакций на отрывок из художественного текста «All Summer In a Day» представителей разных групп

<i>Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair.</i>		
Реакции учащихся старших классов школы	Реакции студентов-филологов	Реакции технических специалистов
<ul style="list-style-type: none"> ● Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. ● Margot was a girl who had weakness and it seems that once she walked under the rain and it washed away all the bright colours from her face. ● Margot felt alone. She didn't have friends. 	<ul style="list-style-type: none"> ● Myself! ● Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэбери, все выцветало. ● Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me ● На Земле тоже есть такие люди, выстиранные и вымытые, потерявшие свое лицо. ● Awesome description 	<ul style="list-style-type: none"> ● Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки. ● It's not surprising... ● Печально! ● Безысходность ● Девочка одинока и выглядит болезненно.

Анализ реакций, полученных в ходе восприятия художественного текста дает основание считать, что смысл становится значительно более личностно-индивидуальным, о чем свидетельствует существенный разброс реакций.

Итак, на первом этапе анализа была проведена классификация всех «контртекстов» и разделение их на три группы. Следующим шагом является детальный анализ «встречных текстов» с целью выявления типичных для той или

иной группы реакций. Приведем в качестве примера «контртексты», составленные одним испытуемым из каждой группы при чтении публицистического и художественного текста, чтобы рассмотреть, как принцип доминантности влияет на уникальность восприятия.

Таблица № 3

«Контртексты» испытуемого 1 группы (ученик 11 класса)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
<ol style="list-style-type: none"> 1. Life expectancy in our country is growing. 2. Life expectancy is increasing by about two years a decade. 3. Life expectancy in the United States may begin to decline. 4. Children's health is at risk. 5. We are able to extend our life. 6. There are things we can do to make the most of our body's potential. 7. An optimal diet, lifestyle and physical activity can help you to extend your life. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Children were like flowers in the flowerbed. 2. It rained without end. 3. The rocket men and women had come to a raining world of Venus to live out their lives. 4. Children of nine years old can't remember a time when there wasn't rain, but may be they could ever do this. 5. Children wrote some stories in school about what sun is it 6. Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. 7. She lived here less than the other children, and she remembers the real sun. 8. The other children forget the sun, but Margot remembered. 9. It was the reason she was apart from all.

Как мы видим, испытуемый (назовем его типичный представитель своей группы) использует, в основном, пересказ своими словами, употребляя при этом неродной язык, стараясь не включать личное мнение, либо же собственные выводы. Со слов испытуемого, на ход эксперимента повлияла установка преподавателя на «отличный» результат, восприятие данного задания как этап подготовки к ЕГЭ по английскому языку, желание написать без ошибок. Можно сделать вывод, что груз ответственности выпускного класса, выпускные экзамены – это очаг доминанты, активный на данный момент. Реакции остальных участников этой группы были аналогичны: также использовались преимущественно лексика исходного текста, полные предложения. В целом это был пересказ содержания. Это значит, что, согласно теории текста А.И. Новикова, испытуемые решали «задачу на содержание», не переходя на уровень смысла.

Данные таблицы №4 показывают совсем другое восприятие. В данном случае можно говорить, что испытуемый переходит на уровень смысла, это уже проекция его сознания на текст. Его «контртекст» представляет собой размышление, «перекладывание» данной ситуации на свой жизненный опыт. Понимание текста облегчено более высоким уровнем владения иностранным языком, а также тем фактом, что данное произведение ему знакомо. Характеристики остальных «встречных текстов», полученных в данной группе были аналогичны: **образное абстрактное мышление, обилие сравнений, стилистических оборотов,**

Таблица № 4

«Контртексты» испытуемого 2 группы (студент-переводчик гуманитарного факультета)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
<p>1. Absolutely nothing, you could waste them too.</p> <p>2. Something bad is yet about to be announced; уровень жизни человечества растет, но упомянутая страна скорее всего относится к первому миру, предложение воспринимается скептически.</p> <p>3. Popular science. К 2050 растают арктические ледники.</p> <p>4. Какое происхождение этой фамилии? Визуально представляется график с резким падением линии.</p> <p>5. Конфетти падают, открывается занавес, мрачная статистика.</p> <p>6. Inspiring speech, new possibilities.</p> <p>7. Yoga, spiritual stuff, mindfulness, bright light.</p> <p>8. Картинки идеальной жизни, «американская мечта», отдых с детьми в парке, собака, спорт, пикники.</p>	<p>1. Два человека готовятся к прыжку, но в итоге не прыгают. Ощущение недосказанности, тайна, интрига.</p> <p>2. Падение метеорита, погаснет солнце, взорвется суперновая звезда, случится катастрофа.</p> <p>3. Дети сидят в кустах, тесно, страшно, любопытно. Жарко, середина лета.</p> <p>4. Как в рассказе у Брэдбери про бесконечный дождь + образ моря, маяка и сильного шторма. Качает деревья, под ними лужи.</p> <p>5,6 На Венере не может быть дождя, там слишком жарко и слишком много CO₂, фантастика, отчаяние, дети не видели ничего, кроме дождя</p> <p>7. Как цветок папоротника.</p> <p>8. Страх, моя картина мира совсем не похожа на их, в жизни этих детей все было очень по-другому.</p> <p>9. Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало.</p> <p>10. Все становится еще более грустно, хочется, чтобы эта девочка вернулась на Землю. На ее месте я бы хотела обратно сильнее всего.</p> <p>11. Марго трудно жить среди таких детей. Это как объясняться другим языком, как язык животных для людей, которые все равно не понимают и не осознают понятий, отличных от своих.</p> <p>12. Если бы это было средневековье на Земле, ее бы сожгли за такое. Дети как будто беснуются, завидуют ей.</p> <p>13. Она как в тюрьме. Дождь стучит по окнам, все серое.</p>

эмоциональность. Студенты-филологи готовы к восприятию художественного текста на иностранном языке. Процесс восприятия шел параллельно с узнаванием. След в цепочке нейронных связей активизировал прошлый опыт, что привело к более активной свободной интерпретации текста. В формулировке реакций преобладает **экзо-лексика** (также термин А.И. Новикова «отстраненная лексика, выражающая определенные концепты»), что согласно его теории и свидетельствует о переходе на смысловой уровень.

«Контртексты» испытуемого 3 группы (инженер)

The Secret of Longevity	All Summer In a Day
1. Это какой-то слоган! Реклама витаминного препарата? 2. Япония? 3. Статья видимо научная 4. Ну так и есть, это же Америка, у них неблагоприятные условия, неправильное питание. 5. Все про Америку верно, поколение гаджетов и Макдоналдса. 6. Разнообразить, изменить жизнь, измениться самому. 7. Все в твоих руках, каждый решает, что делать со своей жизнью. 8. Правильные слова. Я их поддерживаю. Добавил бы отсутствие алкоголя.	1. Спортивное состязание. 2. Упадет метеорит? 3. Солнечное затмение? 4. Безысходность. Вспомнил фильм Интерстеллар. 5. Венера что ли? На Венере жить точно нельзя. Там метановые дожди! 6. Они, наверное, жалеют, что прилетели на эту планету. 7. Представляю, как ребенок стоит возле доски с листком и описывает то, что никогда не видел. 8. Я теперь понял, что это девочка! 9. Печально! Безысходность. 10. Мне стала ясна причина ее грусти. Она лишилась того, что знала, в отличие от тех, кто не был на Земле. 11. Она была одна, потому что они друг друга не понимали. 12. То же самое. 13. Значит, солнце скоро взойдет. Она в предвкушения восхода солнца.

В данном случае также можно говорить о проекции сознания на текст, т.е. переходе на смысловой уровень. Однако «контртексты» этой группы испытуемых отличаются от «встречных текстов» студентов-филологов. Здесь иные характеристики, а именно: краткость, точность формулировок, простые синтаксические конструкции, интерпретация содержания текста с научной точки зрения. Можно предположить, что такое восприятие текста объясняется техническим складом ума специалиста, возможно, отсутствием интереса к заданию и сложностью в понимании текста на неродном языке. Как мы видим из анализа, в процессе восприятия также существенную роль играют научные знания специалиста. Скептицизм, сдержанность эмоций и, соответственно, сдержанность в употреблении языковых средств – основные характеристики «контртекстов» этой группы испытуемых. При восприятии текста активизируется доминантный очаг рецепиента, ответственный за научную картину мира.

Выводы

Как мы видим, процесс восприятия, а вместе с ним и смыслообразования, в каждом конкретном случае уникален, что подтверждает влияние личного опыта, сферы деятельности в конкретный момент, начитанности, общего кругозора (что и является доминантами) на восприятие нами не только текстов, но и мира в целом.

В заключение хотелось бы привести цитату А.А. Ухтомского: «Что такое доминанта? Связный в себе тип мышления, в котором ход дальнейших выводов и даже интуиции предопределен. Все равно, будет ли это особый “метод”, или

“предрассуд”, или “предубеждение”, – дело в некоем руководящем стержне, который, будучи дан, влечет за собою прочее как плоды» [Ухтомский 2002: 249].

Воспринимая информацию, реципиент ведет внутренний «диалог» с текстом, порой и с его автором, и одновременно с самим собой (именно этот момент наиболее подчинен влиянию очага доминанты). Этот процесс и регистрируется «встречным текстом». Использование методики построения «контртекста» (или «встречного текста»), на наш взгляд, позволяет в какой-то мере эксплицировать процесс «вкладывания смысла в текст». Как уже отмечалось, этот процесс А.И. Новиков называл «проекцией сознания на текст». Представляется, что использование методики «встречного текста» позволит выявить определенные закономерности процесса формирования смысла и факторы, влияющие на него. Идея А.И. Новикова обратиться в исследовании процесса смыслообразования к принципу доминантности представляется весьма перспективной, открывающей возможности провести серьезные интегративные исследования процессов восприятия и понимания текста.

В дальнейшем мы планируем обратиться к исследованию влияния принципа доминантности на формирование замысла текста перевода. Предполагается, что методика «встречного текста» позволит «отследить» ход мыслей конкретного переводчика и понять, как «следы прожитого» влияют на то или иное переводческое решение.

Литература

Авакян А.А. Стратегии и операции перекодирования при понимании иноязычного текста и его переводе // Вестник МГЛУ. Вып. 541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Сер. Лингвистика. М.: МГЛУ, 2007. С. 8-13.

Анохина Н.В. ИмPLICITность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 23 с.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 19 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.

Нестерова Н.М. Sensum de Sensu: смысл как объект перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. № 4. С. 83-93.

Нестерова Н.М., Поздеева Е.В. Об опыте использования методики «think-aloud protocols» при принятии переводческого решения // Вестник МГЛУ. Вып. 541. Ч. 2. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Сер. Лингвистика. М.: МГЛУ, 2007. С. 155-163.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. М., 2001. С. 44.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 43-48.

Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Сыроваткин С.П. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Калининск. ун-т, 1978. 84 с.

Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968. 248 с.

**“COUNTER-TEXT” AS A METHOD TO VERBALIZE THE RECIPIENT’S
DOMINANT IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEXT
COMPREHENSION**

Natalya M. Nesterova

Doctor of Philology, Professor
Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomol’skij Prospekt Str, Perm, Russia 614990
nest-nat@yandex.ru

Anastasia N. Kotelnikova

Postgraduate student
Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomol’skij Prospekt Str, Perm, Russia 614990
ketova.anastasiya@yandex.ru

Ekaterina V. Pozdeeva

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages
National Research University
Higher School of Economics
38 Studencheskaya Str, Perm, Russia 614070
epozdeeva@hse.ru

The article reports the results of a psycholinguistic experimental study carried out to investigate comprehension of a text in a foreign language. This research is based on A.A. Ukhomsky’s principle of dominance as well as the “counter-text” method suggested and developed by A.I. Novikov. We applied the “counter-text” method to identify and verbalize the dominants which are present in mind of those who comprehend the text. We assume that these dominants influence the process of meaning creation. The aim of our experimental study was to find a dominant focus common to a certain group of subjects. We analyzed the reactions of the recipients having been introduced to and having comprehended two texts, a journalistic and a literary one. The study involved 20 people (philologists, senior school students and technical specialists). The research findings confirm the hypothesis of the “recipient active role” and help to explicate the process of meaning creation, reveal its regularities as well as factors influencing it. The analysis of the obtained “counter texts” allows us to conclude that there exists a certain “collective” dominant common to all participants of one social group.

Key words: understanding, comprehension, meaning, content, individual responses, “counter text”, the dominant principle, dominant focus.

References

Avakjan A.A. Strategii i operacii perekodirovaniya pri ponimanii inozazychnogo teksta i ego perevode [Transcoding strategies and operations in the process of understanding and translating a foreign language text] / A.A. Avakjan // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Moscow State Linguistic University] Vyp. 541. Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa: psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty [Linguistic existence of a man and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects]. Ser. Lingvistika [Linguistics]. M.: Mosk. gos. lingvist. un-t., 2007. Pp. 8-13.

Anohina N.V. Implicitnost' kak komponent struktury sodержaniya teksta i sostavljajushhaja processov ego ponimaniya [Implicitness as a Component of the Text Content Structure and the Factor Influencing Text Understanding Process]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2010. 23 p.

Davletova Ja.A. Psiholingvisticheskoe issledovanie osobennostej ponimaniya biblejskih tekstov [Psycholinguistic Study of Biblical Texts Understanding Process]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2012. 19 p.

Zhinkin N. I. Rech' kak provodnik informacii [Speech as a Conductor of Information]. M., 1982. 159 p.

Kirsanova I.V. Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizacija individual'nyh strategij ponimaniya [Text Polysemy as Realization of Individual Strategies of Understanding]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2007. 21 p.

Nesterova N. M. Sensum de Sensu: smysl kak ob'ekt perevoda [Sensum de Sensu: meaning as an object of translation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda. 2009. No.4. Pp. 83-93.

Nesterova N.M., Pozdeeva E.V. Ob opyte ispol'zovaniya metodiki «think-aloud protocols» pri prinjatii perevodcheskogo resheniya [The experience of using the «think-aloud protocols» method while making a translation decision] // Vestnik MGLU. Vyp. 541. Ch.2. Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa: psiholingvisticheskij i kognitivnyj aspekty [Linguistic Existence of a Man and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive aspects]. Serija Lingvistika. M.: MGLU, 2007. Pp. 155-163.

Novikov A. I. Dominantnost' i transpozicija v processe osmysleniya teksta [Dominance and transposition in the process of text comprehension//] // Problemy prikladnoj lingvistiki [Problems of Applied Linguistics]: sb. st. M., 2001. P. 44

Novikov A.I. Tekst i ego smyslovyje dominanty [Text and Its Semantic dominants] / Pod red. N.V. Vasil'evoj, N.M. Nesterovoj, N.P. Peshkovojoj. — M.: Institut jazykoznanija RAN, 2007. 224 p.

Novikov A.I. Tekst i «kontrtekst»: dve storony processa ponimaniya [Text and “counter-text”: two aspects of comprehension process] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. M., 2003. No 1, Pp. 64-76.

Novikov A.I. Tekst, smysl i problemnaja situacija [Text, meaning and problem situation] // Voprosy filologii [Journal of Philology]. No 3, 1999. Pp. 43-48.

Ukhtomsky A.A. Dominanta. Stat'i raznyh let [Dominant. Articles of Different Years] SPb.: Piter, 2002. 448 p.

Syrovatkin S.P. Teorija perevoda v aspekte funkcional'noj lingvosemiotiki [The theory of Translation in the Aspect of Functional Linguistic Semiotics]. Kalinin: Kalininsk. un-t, 1978. 84 p.

Sokolov A.N. Vnutrennjaja rech' i myshlenie. [Inner Speech and Thinking] M.: Prosveshenie, 1968. 248 p.

УДК 81'22

**МЕДИАДИСКУРС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА:
МОЛОДЕЖНЫЙ КОНТЕНТ**

Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований по проекту №15-36-12000.

Пильгун Мария Александровна

профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028, Москва, Хитровский пер., д. 2/8, корп. 5,
mpilgun@hse.ru

Статья посвящена анализу медийного аспекта репрезентации в сознании российской молодёжи событий 1917 г., исторической памяти как смысловой основе национальной и гражданской идентичности.

В ходе реализации проекта была собрана в социальных сетях (Фейсбук, ВКонтакте, livejournal) и проанализирована база сообщений, посвящённых 1917 г. Следующим этапом стало массовое анкетирование. Опрос проходил в 12 городах, репрезентирующих все федеральные округа России (кроме Крыма); опрошены 1548 человек. На последнем этапе было проведено фокус-групповое интервьюирование.

В ходе исследования было выявлено, что контент современных социальных сетей, посвящённый событиям 1917 г., повторяет социальное напряжение событий вековой давности. Конфликт, расколовший 100 лет назад общество на враждебные непримиримые лагеря, продолжает разделять людей и сегодня. В виртуальном пространстве оценка исторических событий становится ещё одним способом маркировки «свой – чужой», приводит к конфликтной коммуникации и росту социального напряжения.

Изучение особенностей восприятия современной российской молодёжи событий в России в 1917 г. поможет выявить факторы, влияющие на формирование оценок главных исторических событий в истории страны, а также решить целый ряд важных идеологических и образовательных проблем.

Ключевые слова: медиадискурс, исторические события, 1917 год.

Введение

В представленной статье в качестве объекта исследования выступает историческая память российской молодёжи. Одной из основных задач исследования стало выявление отношения молодёжи к ключевым событиям истории России XX в.

1. Спустя столетие интерес к русским революциям не ослабевает, а потому неудивительно, что до сих пор отечественная история и тем более публицистика остаются ареной борьбы разных трактовок происходивших в тот период событий [VIP-опрос: какой была бы Россия, если бы большевики не пришли к власти?; Красные» против «белых»: Гражданская война в России не закончена?; Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты 2007; Горбачёвские чтения 2008 и др.].

В данном исследовании проводится анализ «остаточных знаний» об Октябрьской революции 1917 г. у московских студентов. С одной стороны, это люди, изучавшие школьный курс отечественной истории, с другой – для большинства нынешних студентов революция 1917 г. – просто одно из исторических событий, изученных по программе.

Неформальное общение с большим количеством молодых людей дало основание для формулирования гипотезы, согласно которой социалистические идеи всеобщей справедливости до сих пор актуальны для значительной части российской молодежи. Однако их неосуществимость становится все более очевидной, что вызывает ментальную фрустрированность, выражающуюся в неприятии той действительности, в которой приходится жить.

В этом плане специальный интерес представляет анализ как деятельности средств массовой информации по формированию образа 1917 г., так и восприятие медийного образа 1917 г. современными поколениями молодых людей. Необходимость выделения именно медийного аспекта этой многогранной проблемы объясняется тем, что большую часть своих знаний и представлений молодые люди получают сегодня именно через медиа. Однако распространение современных информационных технологий не только открывает новые возможности, но и создает дополнительные проблемы в сфере социального развития и вовлечения в него молодежи.

В качестве основных методик, с помощью которых был получен эмпирический материал, использовались анализ медиаконтента, массовое анкетирование, фокус-групповое интервьюирование, метод свободного сочинения на заданную тему и др.

Для анализа медиаконтента использовалась программа QDA Miner v.2.0.8 с модулем WordStat v.5.1.12, разработанные компанией Provalis Research (Canada) [White, Marsh 2006; Krippendorff 2012]. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программного обеспечения Automap и Tableau Public.

Для определения индекса влиятельности мы использовали формулу: [число лайков]*0.8 + [число репостов]*1.7 + [число комментариев к посту]*1.1.

Следующим этапом было массовое анкетирование. Респонденты должны были – не прибегая к каким-либо дополнительным материалам и подсказкам – назвать 10 важнейших событий, которые, по их мнению, потрясли Россию в XX в.

Опрос проходил в 12 городах, репрезентирующих все федеральные округа России (кроме Крыма). Крымский федеральный округ не был включен в число территорий для проведения исследования, так как молодые люди в этом регионе до последнего времени учились по другим образовательным программам, пребывали в ином медийном поле, поэтому их ответы на вопросы анкеты на данном этапе не могут быть признаны репрезентативными для анализа отношения российской молодежи к событиям XX в. Всего были опрошены 1548 человек.

Что касается метода свободного сочинения на заданную тему, то его главное преимущество, по сравнению с анкетированием и фокус-групповой дискуссией, заключается в том, что респондент не может обнаружить замысел исследователей, свободен в своих описаниях и на него не оказывает давления группа. Студентам трёх московских вузов (МГУ, НИУ ВШЭ и РГГУ) предложили написать в аудито-

рии, без подготовки свободное анонимное сочинение (эссе) на тему «Как вы оцениваете октябрьские события 1917 года?». На выполнение задания отводилось всего 20 минут. В эксперименте участвовали по 100 студентов из каждого вуза.

Затем предоставленные респондентами тексты подверглись количественному и качественному анализу, в ходе которого выяснялись отношение к революции, ее оценка, причины и исторические последствия.

Анализ семантического наполнения сообщений, собранных из социальных сетей (Фейсбук, ВКонтакте, livejournal), позволил выделить такие кластеры, как 1917 г. в исторической и сравнительной перспективе; 1917 г. в мировой истории (Великая французская и Великая Октябрьская революции; последствия 1917 г.; VI съезд РСДРП(б); последний российский император; переименования, связанные с 1917 г., и др.

Отметим, что контекст революционных событий начала XX в. в России для современной молодежи, как правило, остается далеким и чрезвычайно туманным. Так, максимальный показатель индекса влиятельности (5787,6) и наибольшее количество лайков (6070) получил материал: *Мам, а когда Ленин умер, ты плакала? – Да, блин, и когда динозавры вымерли, тоже рыдала...* (https://vk.com/wall/-39410028_101139). Далее в рейтинге по указанным параметрам стоят материалы о сексуальной революции (индекс влиятельности – 5326,5; количество лайков – 4871), 60 фактов о последнем русском императоре Николае II и его правлении (индекс влиятельности – 4572,2; количество лайков – 4232), интересные факты о Сталине (индекс влиятельности – 2930,9; количество лайков – 2497), Генеральная прокуратура РФ рассматривает вопрос о законности признания независимости прибалтийских республик (индекс влиятельности 2078,5; количество лайков – 1984), демонтаж памятников Ленину (индекс влиятельности 789,4; количество лайков – 838).

Число комментариев к постам в социальных сетях указывает на интерес, который вызвал материал у пользователей, поэтому анализ по данному критерию представляется достаточно значимым. Важной характеристикой коммуникативной среды оказывается тот факт, что максимальное количество комментариев имеют агрессивные по тональности тексты. А в комментариях к ним градус агрессии, как правило, еще более возрастает.

2. Лидерами рейтинга по количеству комментариев стали материалы по теме «История СССР», ресурс «Россия – Российская Федерация – Russia» (<https://www.facebook.com/12795478538/posts/10154613036343539>). – 18 893 комментариев [Пильгун, Дзялошинский 2016; Пильгун 2016 (а)].

Другим критерием, отражающим важность материала, является репост [Lipschultz 2014; Miller 2013; Sauter 2014; Verboord 2014]. Подобным образом пользователи выражают своё одобрение и согласие с материалом, который тиражируется. Рефлексия в отношении такого достаточно сложного для восприятия материала, каким является контент, посвящённый событиям 1917 г., преобладает в Фейсбук [Пильгун 2016 (б)].

Результаты массового анкетирования

В целом по массиву все опрошенные выделили 146 событий отечественной истории XX в., оказавших, по их мнению, существенное влияние на развитие страны. Для дальнейшего анализа были отобраны наиболее часто упоминаемые события (рис. 1).

Рис. 1. События, набравшие более 1% (включительно) от суммарного количества событий, упомянутых респондентами

Наибольшее число участников опроса вспомнило о таких событиях, как Великая Отечественная война, Октябрьская революция, распад СССР, полёт в космос Ю. Гагарина, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, перестройка, создание атомного/ядерного оружия, взрыв на Чернобыльской АЭС.

Как показал анализ, в исторической памяти молодых современников закрепились факты, связанные либо со значительным числом вовлеченных людей, либо с масштабом последствий для дестабилизации социальной системы.

Следующее задание, которое должны были выполнить участники опроса, заключалось в необходимости проранжировать по 10-балльной шкале те десять событий, которые они сочли самыми важными для России XX в. Обобщенные результаты ранжирования представлены на рис. 2.

Рис. 2. Средние ранги значимости событий

Приведенные выше усредненные данные дают общее представление о том, какие события и в какой степени были признаны значимыми всеми респондентами. Однако научный интерес представляют и данные о том, какое количество респондентов присвоили тому или иному событию конкретное ранговое место. В таблице 1 приведены статистические данные, представляющие собой кластерные распределения, «сгущения» мнений респондентов о важности событий, попавших в десятку самых значимых для России в XX в.

Таблица № 1

Количество респондентов, поставивших событие на соответствующее ранговое место (в целом по массиву)

Событие	Ранговое место									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Великая Отечественная война	623	247	165	47	47	15	15	15	11	0
Октябрьская революция	329	365	141	94	92	49	53	35	11	15
Вторая мировая война	163	126	84	63	16	21	21	16	4	21
Февральская революция	56	51	99	38	27	24	3	14	24	3
Образование СССР	46	64	39	78	32	14	43	4	11	25
Распад СССР	57	147	237	192	147	68	90	79	57	34

Первая мировая война	87	156	87	138	112	87	52	52	52	43
Расстрел царской семьи	38	9	62	26	56	26	18	15	26	18
Гражданская война	4	50	71	43	43	32	32	46	18	25
Буржуазная революция 1905–1907	18	18	12	12	32	18	34	26	8	12

Так, например, «сгущение» на первом ранговом месте события «Великая Отечественная война» очевидно. Событие «Октябрьская революция» большее количество респондентов поставило на второе ранговое место; однако немалое число респондентов не сочли это событие особенно значимым, поставив его на 7-ое, 8-ое и даже 10-ое ранговые места. Событие «Вторая мировая война» набрало меньшее количество «голосов», но уверенно вышло на третье ранговое место. При этом интересно, что одинаковое количество респондентов поставило это событие на 5-ое и 8-ое места, а также на 6-ое, 7-ое и 10-ое. Очень интересную картину дают кластеры события «Распад СССР»: степень его значимости сконцентрировалась на 3-ем и 4-ом ранговых местах, что позволило ему войти в десятку значимых, но занять только шестое место. Примерно такая же ситуация и с событием «Первая мировая война». Еще более любопытна ситуация с событием «Образование СССР», которое не вошло в первую десятку важных событий, но оказалось на 5-ом месте по значимости, так как выбрали это событие не очень большое количество респондентов, однако выбравшие присвоили ему достаточно высокое ранговое место. Кстати это событие включили в список важных столько же участников опроса, сколько вспомнили про событие «Гражданская война», однако степень значимости последнего оказалась значительно ниже.

Результаты фокус-группового интервьюирования

Основными целями данной части исследования были получение и анализ информации об особенностях восприятия современной российской молодежью событий 1917 г., роли медиа в формировании интерпретаций исторических событий, месте событий 1917 г. в иерархии значимых исторических дат по мнению российской молодежи.

Фокус-группы должны были выполнить несколько заданий: выявить, проанализировать и систематизировать значимые даты и события в восприятии российской молодежи в истории России; определить место событий 1917 г. в сформулированной системе значимых дат и событий у целевой аудитории исследования; выявить факторы, влияющие на формирование оценок исторических событий 1917 г. у групп молодежи.

Особый интерес представляет анализ как деятельности средств массовой информации по формированию образа 1917 г., так и восприятия медийного образа 1917 г. современными поколениями молодых людей.

Интервьюируемые были распределены по возрасту в две группы: от 15 до 20 лет и от 21 до 30. Анализ представлений участников фокус-групп о значимых событиях XX в. показывает их совпадение с результатами массового анкетирования.

В целом молодежь назвала все основные события, обосновала их значимость и необходимость появления в такого рода списке, лидерами являются наиболее трагические для истории страны даты. Как показали результаты анализа, участники фокус-групповых дискуссий признают Революцию 1917 г. весьма значимым событием в истории России XX в., она делит лидерство с Великой Отечественной войной.

На вопрос, кто были *основными участниками событий*, первым в обеих группах был назван В.И. Ленин. Далее шли перечисления основных политических сил: «кадеты, эсеры, левые, правые, большевики, меньшевики».

К этому списку в ходе обсуждения добавился Николай II. Далее назывались такие революционные деятели, как Троцкий, Колчак, Деникин, Молотов, Корнилов, Каменев, Зиновьев, Милюков.

Лозунги, которые были объявлены организаторами революции, более молодым участникам удалось воспроизвести практически дословно. Именно они вспомнили, что было обещано и что, по их словам, не оправдалось: «Власть народу! Земли крестьянам! Фабрики рабочим! Власть Советам!»

Наибольший интерес представляет интерпретация реализации декларированных лозунгов. По мнению участников дискуссий, в результате революций поставленные задачи были реализованы, но «не для народа, а для власти, которая говорила, что власть у народа».

Анализ мнений участников фокус-групп относительно их медийного поведения и источников информации, из которых они черпают знания об истории, позволяет выделить несколько тенденций.

Первая закономерность связана с практически тотальным отказом от просмотра телевидения в пользу других альтернативных каналов информации. Заменой телевизора стал Интернет, именно он приобретает популярность и завоёвывает аудиторию, в том числе в части получения новостей. Предпочтение онлайн новостей является второй заметной тенденцией.

Проведённый анализ показал разнообразие источников информации об истории, в частности о событиях 1917 г. Самым первым источником назывались книги, а это — учебники истории, разнообразные методические издания и брошюры по подготовке к экзаменам. Далее вспоминались художественные произведения, причем не только, входящие в школьную программу (поэма «Двенадцать» А. Блока, «Доктор Живаго» Б. Пастернака), но и литературные произведения, действие которых охватывает большой исторический период («Угрюм-река», «Поднятая целина», «Белая гвардия»). Большой интерес вызывают исторические романы Б. Акунина, которые в деталях воссоздают рассматриваемую эпоху.

Другим весьма действенным инструментом для формирования представлений о российской истории являются художественные и документальные фильмы, спектакли, тематические выставки. Молодежь посещает их, находит для себя интересную информацию.

Еще одним распространённым источником сведений являются «значимые другие»: родители, родственники, друзья.

Результаты свободного сочинения

Практически все опрошенные упомянули о том, что революция была одним из крупнейших событий XX в., повлиявших на отечественную и мировую историю, поворотным моментом и точкой отсчёта для дальнейшего исторического развития.

Для формализации оценки отношения к этому событию была использована шкала из 5 вариантов, плюс вариант «затрудняюсь ответить» (рис. 3).

Рис. 3. Отношение к событиям 1917 г. (% от числа опрошенных)

Почти 30% опрошенных затруднились дать какую-либо оценку события, что вполне ожидаемо. Они объяснили тем, что сложно судить о событиях, в которых сам не участвовал и не разговаривал с очевидцами, исторических источников очень много, существуют множество противоречивых оценок, трудно составить свое мнение.

В своих сочинениях многие респонденты рассматривали историческую ситуацию, сложившуюся к ноябрю 1917 г., и называли причины произошедшего. Большинство студентов согласно с тем, что в тех условиях социальный взрыв был неизбежен. Это было обусловлено как внешними, так и внутренними проблемами страны (рис. 4).

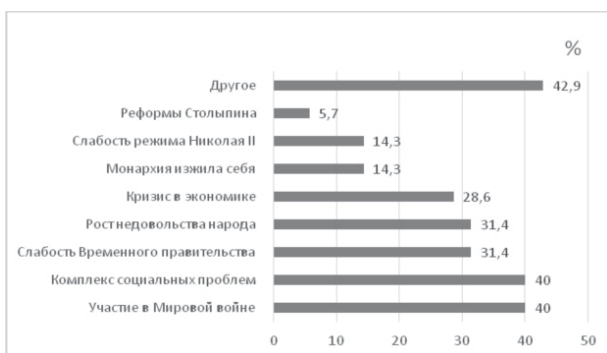

Рис. 4. Причины событий в 1917 г. (% от числа ответивших)

Наиболее часто встречающиеся в сочинениях причины — участие России в Первой мировой войне (40%) и комплекс нерешённых социальных проблем (40%), в том числе социальное неравенство, сильное расслоение общества, бесправие и обнищание простого народа.

Респонденты отметили и положительные исторические последствия событий 1917 г. (рис. 5).

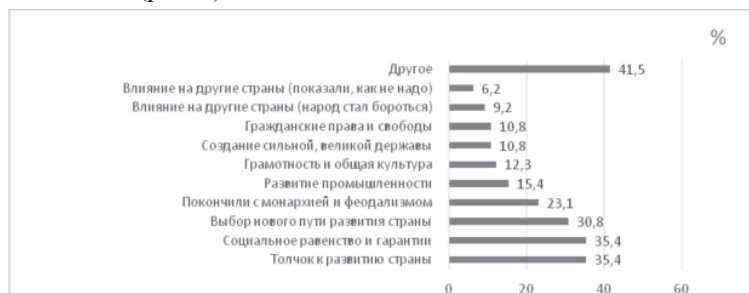

Рис. 5. Положительные исторические последствия событий 1917 г. (% от числа ответивших)

Обобщив комментарии студентов к изучаемым событиям, можно выделить ещё несколько характерных мнений: революция положила начало социальному эксперименту, который в итоге потерпел поражение; революция была неизбежна, но оказалась слишком жестокой и кровопролитной, можно было реформировать страну в более щадящем варианте; эта дата ассоциируется с праздником, который до сих пор важен для старшего поколения.

Выводы

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Важное значение для формирования системы знаний и мнений современной молодёжи имеет медийный дискурс. Молодое поколение ищет интерактивный способ подачи информации. Вместе с тем следует отметить, что источники информации о событиях 1917 г. крайне разнообразны: это книги (как учебные, так и художественные), интернет-ресурсы, художественные и документальные фильмы, а также выставки и театр.

2. В ходе исследования было выявлено, что контент современных социальных сетей, посвящённый событиям 1917 г., повторяет социальное напряжение событий вековой давности. Конфликт, расколовший 100 лет назад общество на враждебные непримиримые лагеря, продолжает разделять людей и сегодня. Поле битвы переместилось в виртуальное пространство, где оценка исторических событий становится ещё одним способом маркировки «свой—чужой», приводит к конфликтной коммуникации и росту социального напряжения.

3. Выполненное исследование подтверждает тезис о том, что для 1917 г. в сознании респондентов преобладает двойственная символика: как знак радикальных изменений в судьбе российского государства и как символ тупикового пути, на который свернула Россия.

4. Коммуникативное взаимодействие по этой тематике активных акторов в социальных сетях может быть определено как антидиалогическое, конфликтное. Участники общения рассматривают оппонентов не как суверенных личностей с

определённой политической и аксиологической парадигмой, а как объект политического противодействия. Отрицаются возможности поиска общих базовых позиций и диалога.

5. Идеи всеобщей справедливости, определяющие социалистическую доктрину, по-прежнему имеют важное значение для значительной части российской молодежи.

Таким образом, можно заключить, что последствия Октябрьской революции и сегодня остаются актуальным полем общественных дискуссий и активной идеологической борьбы.

Литература

Горбачёвские чтения. Вып. 6: Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летию Октябрьской революции. Демократическое движение и интеллигенция в современной России / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований. (Горбачёв-Фонд). М.: Горбачев-Фонд, 2008. 182 с.

«Красные» против «белых»: Гражданская война в России не закончена? (<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1922>).

Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2007.

Пильгун М.А. Репрезентация исторических событий в языковом сознании: 1917 год // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 241–259. (а).

Пильгун М.А. События 1917 года в виртуальной среде: между белыми и красными — как и сто лет назад // Россия в 1917 году в восприятии современной российской молодежи – медиадискурс: Материалы второй Международной научно-практической конференции. М.: АПК и ППРО, Ф-т журн. МГУ, 2016. С. 49–59. (б).

Пильгун М.А., Дзялошинский И. М. Интерпретация событий Октябрьской революции в языковом сознании современных пользователей: анализ контента // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30) С. 181–193

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. N.Y.: Polity; Bennett L. (ed.) (2008). Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth, 2012. Cambridge, MA: MIT Press.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II, 2009, London: Wiley-Blackwell.

Krippendorff K. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012.

Lipschultz J.H. Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics. New York and London: Routledge, 2014.

McCracken G. Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture, 2008. Urbana: Illinois University Press.

Miller D. Tales from Facebook. Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 2013.

Sauter T. 'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation. New Media & Society. August 2014. № 16. Pp. 823–839.

Verboord M. The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews // Ibid. September 2014. № 16. Pp. 921–940.

VIP-опрос: какой была бы Россия, если бы большевики не пришли к власти? (http://diletant.media/vip_opros/26048456/).

White D.M., Marsh E.E. Content analysis: a flexible methodology // Library trends. 2006. 1(55). P. 22–45.

MEDIA DISCOURSE REPRESENTATION OF THE EVENTS OF 1917: YOUTH CONTENT

Maria A. Pilgun

Professor

National Research University

Higher School of Economics

5, 2/8 Khitrovsky per., Moscow, 109028 Russia

mpilgun@hse.ru

The article analyzes the media aspect of the 1917 events representation in the consciousness of the Russian youth, and it regards historical memory as the semantic basis of national and civic identity.

While implementing the project, firstly, a database of social networks messages (Facebook, Vkontakte, livejournal), related to the events of 1917, was collected and studied. Secondly, there followed a mass survey. The survey was conducted in 12 cities representing all Federal Districts of Russia (except for the Crimea). The number of respondents totaled 1548. The study was completed with focus-group interviews.

The investigation revealed that the content of modern social networking on the events of 1917 in terms of social tensions repeats the events of a century ago. The conflict, that split the society into hostile camps 100 years ago, continues to divide people today. In the virtual space, the assessment of historical events is turning into another way of marking “friend or foe”, it leads to conflict communication and increases social tensions.

The study how modern Russian youth perceives the events of 1917 will help to determine the specificity of its identity, outline the factors influencing the formation of historical events assessments in the country’s history, as well as overcome a number of important ideological and educational issues.

Key words: media discourse, historical events, 1917.

References

Gorbachevskie chtenija [The Gorbachev Readings.]. Vyp. 6.: Mify o sovetskoj ehpohe rasprostranjajutsja segodnja: k itogam diskussii o 90-letii Oktjabr'skoj revoljucii. Demokraticeskoe dvizhenie i intelligencija v sovremennoj Rossii / Mezhdunarodnyj fond social'no-jekonomicheskikh i politologicheskikh issledovanij [Vol. 6: Myths about the Soviet era apply today: to the outcome of the discussion on the 90th anniversary of the October revolution. Democratic movement and the intelligentsia in modern Russia / International Foundation for Socio-economic and Political Studies] (Gorbachev-Fond). M.: Gorbachev-Fond, 2008. 182 p.

«Krasnye» protiv «belyh»: grazhdanskaja vojna v rossii ne zakonchena? [The Reds against the Whites: the Civil War in Russia Is Not Over?](<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1922>).

Molodezh' novoj Rossii: obraz zhizni i cennostnye priorityety [The youth of the new Russia: lifestyle and value priorities] M.: Institut sociologii RAN, 2007.

Pil'gun M.A. Rerezentacija istoricheskikh sobytij v jazykovom soznanii: 1917 god [Representation of historical events in the language consciousness: the year of 1917]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] M.: 2016. No 3 (29). Pp. 241–259.

Pil'gun M.A. Sobytiya 1917 goda v virtual'noj srede: mezhdru belymi i krasnymi – kak i sto let nazad [The events of 1917 in the virtual space: in-between the Whites and the Reds as a hundred years ago]. *Rossija v 1917 godu v vosprijatii sovremennoj rossijskoj molodezhi mediadiskurs. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [The 1917 Russia perception of modern Russian youth in media discourse // Proceedings of the Second International Scientific-Practical Conference]. M.: APK i PPRO, F-t zhurn, MGU, 2016. Pp. 49–59.

Pil'gun M.A., Dzialoshinskij I.M. Interpretacija sobytij Oktjabr'skoj revolucii v jazykovom soznanii sovremennykh pol'zovatelej: analiz kontenta [The interpretation of the events of the October revolution in language consciousness of modern users: analysis of content]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. M.: 2016. No 4 (30). Pp. 181–193.

Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. N.Y.: Polity; Bennett L. (ed.) (2008). Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth, 2012. Cambridge, MA: MIT Press.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II, 2009, London: Wiley-Blackwell.

Krippendorff K. Content Analysis. An Introduction to Its Methodology. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2012.

Lipschultz J.H. Social Media Communication: Concepts, Practices, Data, Law and Ethics. New York and London: Routledge, 2014.

McCracken G. Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture, 2008. Urbana: Illinois University Press.

Miller D. Tales from Facebook. Cambridge and Oxford, UK: Polity Edition, 2013.

Sauter T. 'What's on your mind?' Writing on Facebook as a tool for self-formation. *New Media & Society*. August 2014. № 16. Pp. 823–839.

Verboord M. The impact of peer-produced criticism on cultural evaluation: A multilevel analysis of discourse employment in online and offline film reviews // *Ibid*. September 2014. No16. Pp. 921–940.

VIP-опрос: какой была бы Россия, если бы большевики не пришли к власти? (http://diletant.media/vip_opros/26048456/).

White D.M., Marsh E.E. Content analysis: a flexible methodology // *Library trends*. 2006. 1(55). Pp. 22–45.

УДК 81'23

**СЕМЬЯ В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ
(ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов РГНФ №15-04-00378а и №15-3414007а(ц).

Свинчукова Елена Геннадьевна

доцент Кафедры иностранных языков

Института языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

elena-neutral2@rambler.ru

Семья как ценность и как отражение состояния конкретного общества с определенной культурой является объектом исследования ученых из различных областей знаний. Именно в семье формируются первые, а значит и самые главные, представления человека об окружающем мире. То, как родители научат ребенка воспринимать действительность, и то, какими знаниями и умениями они его снабдят, окажет влияние на всю его дальнейшую жизнь. Отношения между членами семьи могут складываться по-разному. И в зависимости от тесноты контактов между родственниками и авторитета семьи как социальной структуры можно строить предположения о том, насколько устойчива передаваемая из поколения в поколение культурная информация. Объектом исследования в нашей статье является ассоциативное поле «семья» в трех разных группах испытуемых: татары в Татарстане с родным татарским языком, татары с родным русским языком и русские в Татарстане. Целью является сравнение представлений о семье у русских и у татар, которые используют в качестве родного языка русский или татарский.

Ключевые слова: региональное языковое сознание, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт.

Введение

«Семья» как группа родственных людей, живущих вместе или группа людей, объединенных общими интересами, согласно Большой Советской Энциклопедии [1969-1978] характеризуется общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. Из этого определения можно сделать вывод о том, что у членов семьи должна наблюдаться некая общность: как в плане биологических, так и социальных характеристик. По нашему мнению, именно по представлению человека о семье как о ценности можно сказать многое о его приобщенности к культуре своего народа. Ведь семья может как стараться передать культуру предков, так и не заботиться о преемственности поколений. В этой связи, интересно сравнить, насколько схоже или отлично представление о семье у русских

на Европейской части России и в Татарстане, существует ли вообще какая-то разница, ведь респонденты этих групп относятся к русской нации, разговаривают на одном языке. Кроме того, мы попытаемся рассмотреть ассоциативное поле «семья» в представлении татар, живущих в Татарстане.

Традиционное представление о семье в русской культуре

Основными типами русской семьи в разные эпохи были:

- семьи простые, малые, состоящие из двух поколений родственников по прямой линии (родители-дети)
- семьи сложные, объединявшие по 2-3 или 4 поколения родственников по прямой и боковой линиям (патриархальная семья)
- семьи складнические, договорные, семейные кооперации, объединяющие не обязательно родственников, но и неродных людей, вызванные хозяйственными потребностями [Власова 1997: 416].

Семья в глазах землевладельца считалась первым условием благосостояния, такое воззрение исходило из функций семьи крестьян – обеспечении преемственности многовековых знаний, опыта, народной культуры последующим поколениям. «Брак считался моральным долгом» [Власова 1997: 419]. В городах дело обстояло несколько иначе. Финансовая и бытовая самостоятельность российских горожанок «породила у некоторых из них иллюзию необходимости расторжения (а не сохранения и упрочнения) брака в случае его конфликтности. Кроме того, в настоящее время отмечается главенствующая роль женщины в семье, объясняющаяся ведущей ролью женщин не только в домашних, но и во многих внесемейных делах, высоким уровнем образования, финансовой независимостью [Власова 1997: 464-465].

Традиционное представление о семье в татарской культуре

В татарской культуре принято отношение к браку как к священной обязанности мусульманина. При этом, брачный выбор осуществляется родителями среди представителей своего социального круга.

Важными качествами для женщины в семейной жизни считаются доброта и заботливость, а для мужчины – решительность и самостоятельность. Помимо этого, в сельской местности предпочтительна возрастная очередность вступления в брак среди братьев и сестер. Однако, за последние 40 лет наблюдается тенденция «омолаживания» брака (т.е. понижение брачного возраста) [Татары 2001: 330].

Сын рассматривается татарами как продолжение рода, поэтому рождение сына – желаемое событие. Кроме того, у татар наблюдается сдержанность в общении родителей с детьми (особенно со стороны отца).

Интересно отметить высокую ценность образования и образованности среди мальчиков и девочек в равной степени. Причем для девочек хорошее образование рассматривается как приданое.

Согласно статистическим данным татарская семья довольно устойчива (уровень разводов в 1,5 – 2 раза ниже, чем в среднем по РФ).

Родственники часто общаются друг с другом, и высок уровень взаимопомощи всем членам «большой» семьи. Таким образом, даже дальние родственники считаются частью семьи и участвуют в важных для семьи ритуалах (свадьба, похороны).

Несмотря на всемирные процессы глобализации, согласно авторам, в последние годы наметилась тенденция к возрождению национальной татарской культуры в искусстве, музыке, литературе [Татары 2001: 410].

Материалы и методика

Чтобы оценить сходства и различия содержания ассоциативного поля «семья», мы будем использовать данные свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в Татарстане с представителями русской и татарской культуры.

Рассмотрим ответы трех групп испытуемых: татары на татарском (ТТ), татары на русском (ТР) и русские в Татарстане (РР).

Для анализа экспериментального материала мы используем метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю.Н. Карауловым. По мнению ученого, «семантический гештальт» отражает особую внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле «как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности [Караулов 2000: 194]. Семантический гештальт складывается из нескольких зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу)». Вслед за нашими коллегами [Уфимцева Н.В., Балясникова О.В., Черкасова Г.А.] будем выделять следующие основные зоны: субъект, объект, действие, состояние, характеристика (положительная, отрицательная и нейтральная); и три дополнительные зоны: эго-зона, устойчивые словосочетания (т.е. фразеологические единицы) и зона «другое» для реакций, которые не попали ни в одну из вышеперечисленных зон.

Проанализируем данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента в Республике Татарстан.

Таблица №1

Ответы на стимул «семья» в группе Татары (ТТ)

Человек		20,2%
Родственники	Родители (ата-ана) 18, мама (эни) 7, родственники (туганнар) 7, близкие (якыннар) 5, ребенок (бала) 4, родители (көч) 2, дети (балалар) 2	17,8%
Конкретный человек	друг (дус) 3, глава (башлыгы) 3	2,4%
Нейтральная коннотация		

Объект		40,7%
Ценности	Любовь (мәхәббәт) 10, жизнь (гормыш) 3	5,1%
Место	Дом (өй) 8, покой (тынычлык) 4, очаг (өй) 4, очаг (ярату) 10, свой дом (үз йорт) 2	11%
Качество	Единство (бердәмлек) 3, опора (таяныч) 3, сила (көч) 2, теплота (жылылык) 2	3,9%
Эмоция	Счастье (бәхете) 31, счастье (тату) 14, радость (шатлык) 5	17,8%
Атрибут	Род (нәсел) 2	0,8%
Действие		9,5%
Самого субъекта		
Другого лица		
Без указания деятеля	Заряжать (кору) 13, любить (ярату) 11	9,5%
Состояние	надо (кирәк) 2	0,8%
Характеристика		23,3%
<u>Положительная:</u>	дружная (тату) 14, единая (бердәм) 10, тёплая (жылы) 4, счастливая (бәхетле) 2, вместе (бергә) 2, крепкая (нык) 2, близкая (якын) 2	14,2%
<u>Отрицательная:</u>		
<u>Нейтральная:</u>	Большая (зур) 23	9,1%
Локус		
Фразеологизм		
Эго	Моя (минем) 8, мы (без) 4, я (мин) 2	5,5%
Другое		

Таблица № 2

Ответы на стимул «семья» в группе татары в Татарстане (на русском языке) (ТР)

Человек		16,3%
Родственники	Родные 13, родители 11, близкие 9, дети 8, мама 6, сестра 3, отец-мать 2, родня 2, родственники 2	15,2%
Конкретный человек		
Нейтральная коннотация	Люди 4	1,1%
Объект		36,5%
Ценности	Любовь 33, забота 6, брак 3, доверие 2	11,9%
Место	Дом 27	7,3%

Качество	Тепло 16, богатство 5, крепость 4, ценность 4, свет 2, сила 2, смысл 2, уют 2, драгоценность 2	10,6%
Эмоция	Счастье 14, радость 5	5,1%
Атрибут	Общество 2, основа 2, потомство 2	1,6%
Действие		2,1%
Самого субъекта	Ждет 2	0,5%
Другого лица	Люблю 3, скучаю 3	1,6%
Без указания деятеля		
Состояние	Есть 3	0,8%
Характеристика		33,9%
<u>Положительная:</u>	Дружная 12, главное 11, любимая 11, важна 6, родная 6, крепкая 5, это всё 5, родное 4, все 3, главное в жизни 3, дорогая 3, самое главное 3, богатая 2, в сборе 2, вместе 2, дорожке всего 2, лучшее что у тебя есть 2, навеки 2, надежная 2, святое 2, счастливая 2, счастлива 2, теплая 2	25,5%
<u>Отрицательная:</u>		
<u>Нейтральная:</u>	Большая 29, одна 2	8,4%
Локус	Рядом 2	0,5%
Фразеологизм	7я 2, полная 3	1,4%
Эго	Моя 19, мое всё 4, мы 4, моя жизнь 2, это мое всё 2	8,4%
Другое		

Таблица № 3

Ответы на стимул «семья» в группе русские в Татарстане (РР)

Человек		17,1%
Родственники	Родные 12, дети 11, мама 10, близкие 5, родители 5, родственники 3, родня 2, сестра 2	16,5%
Конкретный человек		
Нейтральная коннотация	Люди 2	0,6%
Объект		42,0%
Ценности	Любовь 41, забота 8, жизнь 3, защита 2	17,8%
Место	Дом 21, мир 3	7,9%
Качество	очаг 7, уют 9, богатство 4, тепло 4, теплота 2, надежность 2	11,3%
Эмоция	счастье 11, радость 4, ценность 2, честь 2	4,2%
Атрибут	группа 2	0,6%
Действие		0%
Самого субъекта		
Другого лица		
Без указания деятеля		
Состояние		0%

	Характеристика	32,4%
<u>Положительная:</u>	всё 10, главное 8, родная 8, дружная 7, одна 7, навсегда 8, важна 5, любимая 5, крепкая 4, святое 4, важное 2, родное 2, самое дорогое 2, близкая 2, важно 2, дорогая 2, на первом месте 2, счастливая 2	27,1%
<u>Отрицательная:</u>		
<u>Нейтральная:</u>	Большая 12, маленькая 2, огромная 2	5,3%
Локус	Рядом 3, далеко 2	1,7%
Фразеологизм	Полная 3, ячейка 2	0,9%
Эго	Моя 12, мое всё 2, семья меня 2	5,3%
Другое		

Таблица № 4

Распределение реакций по зонам, в процентах

Зона	Количество ассоциаций по группам		
	ТГ	ТР	РР
Субъект	20,2	16,3	17,1
Родственники	17,8	15,2	16,5
Конкретный человек	2,4		
Нейтральная характеристика	0	1,1	0,6
Объект	40,7	36,5	42,5
Ценности	5,1	11,9	17,8
Место	11,1	7,3	7,9
Качество	3,9	10,6	11,3
Эмоция	17,8	5,1	4,2
Атрибут	0,8	1,6	0,6
Действие	9,5	2,1	0
Самого субъекта	0	0,5	0
Другого лица	0	1,6	0
Без указания деятеля	9,5	0	0
Состояние	0,8	0,8	0
Характеристика	23,3	33,9	32,4
Положительная:	14,2	25,5	27,1
Отрицательная:	0	0	0
Нейтральная:	9,1	8,4	5,3
Локус	0	0,5	1,7
Фразеологизм	0	1,4	1,4
Эго	5,5	8,4	5,3
Другое	0,8	0,8	0

Результаты

Следует отметить, что процентное распределение реакций по группам довольно близко, т.е. вне зависимости от национальности, места проживания и употребляемого языка проявляется большая схожесть в структуре ассоциативного гештальта.

Первая зона «субъект» составляет от 16,3% до 20,2% реакций и таким образом стоит на третьем месте по значимости среди всех зон по всем группам. Подавляющее большинство реакций относится к подзоне «родственник».

Самой многочисленной по количеству ответов является зона «объект» - от 36,5% до 42% ответов. То есть можно сказать, что эта зона является центральной для ассоциативного гештальта «семья». Распределение по подзонам в этом случае неодинаково по группам: например, татары на русском и русские выделяют подзону «ценности» как основную, а татары на татарском – подзону «эмоция».

Зона «действие» имеет некую важность только для группы татар на татарском (9,5%), в остальных группах реакций-глаголов практически нет.

Зона «характеристика» занимает второе место во всех группах. При этом особое значение имеет подзона «положительная», также присутствуют нейтральные характеристики, но отрицательных нет совсем.

Довольно многочисленна зона «эго» (от 5,3% до 8,4%).

По остальным зонам распределение реакций приблизительно одинаково во всех группах, и общее количество реакций в них очень невелико.

Реакции в зоне «субъект» очень схожи по всем группам и не представляют особого интереса с точки зрения анализа, т.к. представляют собой простое перечисление членов семьи: *родные, родителя, близкие, дети, мама, сестра, отец/мать, родня, родственники*.

Рассмотрим подробнее зону «объект», самую большую по количеству ответов во всех группах. Подзона «ценности» как центральная в этой зоне представлена очень положительными реакциями: *забота, поддержка, любовь, помощь*. Интересно, что в ответах татар на татарском языке большее внимание уделяется подзоне «эмоция», и среди реакций мы даже видим пару синонимов, что говорит о богатстве эмоций, испытываемых при восприятии слова «семья»: *счастье (бахете), счастье (тату), радость*.

Также интересно, что зона «действие», которая мало значима для респондентов на русском языке, в ответах татар на татарском набрала 9,5%, причем подбираются глаголы именно в безличной, начальной форме: *любить, заряжать*.

Крепкая, дружная, любимая, сплоченная, родная, главное, дороже всего – реакции, которые можно встретить у всех групп испытуемых в подзоне «положительная характеристика». К нейтральным реакциям мы отнесли ассоциацию *большая*, хотя мы допускаем, что размер в данном случае – это прототип хорошей, правильной семьи.

Интересно также отметить, что помимо того, что респонденты очень

положительно отзываются о таком понятии как семья, довольно существенный процент из них при восприятии данного слова в первый момент думает именно о своей семье. Об этом мы можем судить по числу реакций из зоны «эго»: *моя, наша, моё всё*.

Из полученных данных мы видим, насколько семья важна для представителей обеих культур. Вне зависимости от употребляемого языка татары имеют очень схожий образ семьи. Для представителей русской культуры акцент несколько смещен: для них семья в большей степени – это место, живут родные люди (*дом*), для татар – многочисленные родственники. Можно предположить, что в русское понятие «семья» часто входят только близкие родственники, живущие вместе. Для татар же это понятие включает и более дальнюю родню. Одновременно с этим стоит отметить, что различия в процентах между реакциями по группам невелико, что говорит о постепенном стирании культурных различий у представителей разных национальностей, живущих на одной территории.

Литература

- Большая советская энциклопедия в 30-ти томах. М., 1969-1978.
- Власова И.В.* Брак и семья //Русские / Отв. ред. Александрова В.А. М., 1997. 828 с.
- Караулов Ю. Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191-206.
- Татары. М.: Наука., 2001. 583 с.
- Уфимцева Н.В., Балясникова О.В., Черкасова Г.А.* Содержание и структура образа «закон» в языковом сознании татар-билингвов (экспериментальное исследование) // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы, ЗАОр НПП «Джангар», Элиста, 2016. С. 228-237.
- Уфимцева Н.В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. № 1(27) 2016. С. 238-249.

FAMILY IN RUSSIAN AND TATAR CULTURES
(PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS)

Elena G. Svinchukova

Associate professor

Department of Foreign Languages

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

elena-neutral2@rambler.ru

Family as the value and the reflection of a particular society with the definite culture has been the object of numerous studies of various sciences. It is the family where a person gets his first and thus the most important notions of the world around him. The way parents teach the baby to perceive the reality and the knowledge and the skills they give him make tremendous contribution to all his future life. Relations between the members of the family may differ. Based on the closeness of family members' relations and the authority of the family on the whole we can suppose the stability of cultural information transported from one generation to another. The object of our paper is the associative field "family" in three different groups of respondents: Russian people living in Tatarstan, Tatars in Tatarstan speaking Russian and Tatars speaking the Tatar language. The main purpose is to compare the image of the family of Russians and of Tatars from Tatarstan, speaking different languages, and to find similarities and differences of their language consciousness (this is the so called regional language consciousness).

Key words: regional language consciousness, associative experiment, language consciousness, semantic pattern.

References

Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya v 30-ti tomah [Great Soviet Encyclopedia In 30 volumes]. M., 1969-1978.

Vlasova I.V. Brak i sem'ya // Russkie [Marriage and Family // Russians] / Otv. red. Aleksandrova V.A. M., 1997. 828 p.

Karaulov YU.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti [National mentality indicators in associative verbal net] // YAzykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and Picture of the World]. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2000. Pp. 191-206.

Tatary [Tatars]. M.: Nauka, 2001. 583 p.

Ufimceva N.V., Balyasnikova O.V., CHerkasova G.A. Soderzhanie i struktura obraza «zakon» v yazykovom soznanii tatar-bilingvov (ehksperimental'noe issledovanie) [The structure and content of the image "law" in language consciousness of Tatars-bilinguals]

(experimental research)] // Russkij yazyk v inoyazychnom okruzenii: sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya, kul'turno-rechevye problemy [The Russian Language in Foreign Language Speaking Environment: Contemporary Status and Perspectives, Cultural and Speech Issues]. PZAOr NPP «Dzhangar», EHlista, 2016. Pp. 228-237.

Ufimceva N.V. YAzykovaya kartina mira: problemy modelirovaniya [Linguistic Picture of the World: Simulation Problems] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. No 1(27), 2016. Pp. 238-249.

УДК 81'23

**ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАЕМОСТИ)**

Степанова Анна Александровна

Научный сотрудник Института языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
st.anna@bk.ru

Атрибутивное словосочетание и его лексическая сочетаемость, как частотная и продуктивная модель языка флективного типа, можно отнести к хорошо исследованным проблемам современной лингвистики. Изучение этого вопроса с позиций психолингвистики дает нам возможность выявить особенности сочетаемости такой модели в языковом сознании носителей русского языка, которые не отражены в традиционных лексикографических источниках, но могли бы оказаться полезными изучающим русский язык как иностранный.

В данной статье приводится анализ ассоциативных гештальтов, построенных на основе ассоциативных полей, сформированных на материале свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в регионах России (Коми, Татарстан) среди испытуемых, определивших себя как русские.

Ранжирование семантических зон и выявление наиболее частотных дает возможность уточнить лексическую сочетаемость прилагательного, так как при превалировании объектной зоны можно сделать вывод о том, что прилагательное имеет преимущественно объектную сочетаемость, в то время как при значительной процентной доли субъектной зоны можно говорить о субъектной сочетаемости слова-стимула.

Стратегия достраивания стимула-прилагательного до атрибутивного словосочетания при помощи реакции в виде имени существительного, выявлена как самая частотная в ассоциативном эксперименте.

Поскольку зона **Характеристика** занимает также высокий ранг в ассоциативном гештальте прилагательного, можно отметить и другие стратегии реагирования как частотные: подбор антонимичных и синонимичных реакций.

Ключевые слова: русское языковое сознание, имя прилагательное, свободный ассоциативный эксперимент, сочетаемость.

Многочисленная мировая литература по вопросу сочетаемости лексических единиц свидетельствует о том, что современная лингвистика накопила богатый опыт по данному вопросу, подробно и детально изложенный с разных позиций, с использованием большого количества методов, на разнообразном языковом материале. Проблема освещается как в работах отечественных (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, И.М. Богуславский, В.В. Виноградов, М.В. Всеволодова, В.Г. Гак, Н.З. Котелова, Е.С. Кубрякова, И.А. Мельчук, В.В. Морковкин, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Н.Н. Прокопович, Е.В. Рахилина, М.Д. Степанова, В.Н. Телия, В.А. Федосов, В.И. Фурашов, Д.Н. Шмелев и мн. др.), так и зарубежных лингвистов

(M. Bierwisch, D. Bolinger, W. Bondzio, D. Dixon, H. Kamp, J.J. Katz, G. Lakoff, G.L. Murphy, B. Partee, D. Pitt, G. Redeker, E. Sweetser, J.R. Taylor, Z. Vendler и др).

В данной работе мы хотим обратиться к сочетаемости не как на проблеме лингвистической, но как психолингвистической. Цель работы – проследить особенности сочетаемости имен прилагательных в русском языковом сознании посредством рассмотрения механизмов ассоциирования, реализуемых русскими испытуемыми в свободном ассоциативном эксперименте. Материалом исследования стали результаты экспериментов, проведенных в регионах России в 2016-2017 гг. среди студентов, определивших себя как русские.

В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте 17-23 лет, проживающие на территории Республики Коми (464 человека, отметивших свою национальность как русские). Кроме того, исследование проводилось в Республике Татарстан (398 человек, отметившие, что они русские).

Полученный материал представляет собой совокупность ассоциативных полей на каждый стимул. Этот материал мы разделили на семантические зоны по методу Ю.Н. Караулова [Караулов 2005], построили ассоциативные гештальты.

В данной работе приведен анализ ассоциативных гештальтов на стимулы *большой-маленький, близкий-далекий*.

В процессе реагирования на слово-стимул в виде имени прилагательного мы наблюдаем в основном следующую стратегию: достраивание испытуемыми слова-стимула до атрибутивного словосочетания, одной из самых продуктивных структур языков флективного типа. Но наблюдается, что для одних прилагательных характерны реакции преимущественно субъективного типа, для других – объективного, причем, реакции-объекты могут также иметь разную природу. Такие особенности сочетаемости имен прилагательных не нашли отражение в традиционных лексикографических источниках.

Ассоциативные гештальты содержат в основном следующие зоны: **Субъект**, **Объект** и **Характеристика**. Остальные зоны представлены в малом процентном отношении.

Рассмотрим ассоциативные гештальты на слово-стимулы *большой*.

Таблица № 1

**Ассоциативный гештальт на стимул «большой»
(испытуемые – русские на русском языке в Коми)**

Человек		10,5
Нейтральный субъект	человек 4,1	4,1
Животное	слон 1,9 медведь 1,2 кот 0,5	3,6
Родственники и окружение	брат 1,4 друг 1,4	2,8
Эго		
Объект		54,4
Абстрактный объект	мир 6,5 размер 2,5 выбор 1,4 ум 0,8 вес 0,5 грех 0,5 круг 0,5 потенциал 0,5 праздник 0,5 прогресс 0,5 путь 0,5 страх 0,5	15,2

Конкретный объект	дом 22,1 город 5,5 шар 5,3 двор 0,8 гора 0,5 груз 0,5 диван 0,5 зал 0,5 камень 0,5 каньон 0,5 приз 0,5 сад 0,5 шкаф 0,5 подарок 0,5	38,7
Ценности	семья 0,5	
Характеристика		26,2
Положительная	сильный 1,2 добрый 0,5	1,7
Отрицательная	толстый 1,9	1,9
Нейтральная	великан 1,2 огромный 3,6 крупный 1,2 взрослый 0,5 высокий 0,5 тяжелый 0,5 много 0,5 маленький 14,1 малый 0,5	22,6
Действие		
Устойчивые выражения		
куш 4,1 палец 3,1 взрыв 1,2 театр 0,5		8,9

Таблица № 2

**Ассоциативный гештальт на стимул «большой»
(испытуемые – русские на русском языке в Татарстане)**

Человек		13,9
Нейтральный субъект	человек 6 мальчик 1,8	7,8
Животные	кот 1,1 медведь 1,1 слон 0,7	2,9
Род деятельности	босс 0,7	0,7
Родственники и окружение	брат 1,8 друг 0,7	2,5
Эго		
Объект		59,1
Абстрактный объект	мир 6 размер 1,8 ложка 1,4 выбор 1,1 ум 1,1 успех 1,1 ВВП 0,7 разум 0,7 слой 0,7 уровень 0,7 шаг 0,7	16
Конкретный объект	дом 19,7 город 4,6 шар 3,9 зал 2,1 стол 1,8 торг 1,8 подарок 1,4 взрыв 1,1 арбуз 0,7 мяч 0,7 нос 0,7 пирог 0,7 экран 0,7 район 0,7	40,6
Ценности		
Имена собственные	Россия 0,7 Татарстан 0,7	1,4
Характеристика		19,6
Положительная	сильный 2,1 великий 1,8 хороший 0,7	4,6
Отрицательная		
Нейтральная	огромный 2,8 великан 0,7 маленький 11,5	15
Действие		
Устойчивые выражения		
куш 4,2 палец 3,2 театр 1,1		8,5

В случае слова-стимула *большой* наибольшей зоной в ассоциативном гештальте стала зона **Объект**, в значительной степени превышая процентную долю других зон. Эта зона включает большое разнообразие реакций в виде как абстрактных, так и конкретных объектов. Наиболее частотны следующие реакции: *дом* (самая частотная реакция гештальта), *город, мир, шар*.

Зона **Характеристика**, вторая по рангу в данном ассоциативном гештальте, отличается разнообразием реакций, обозначающих разные оттенки понятия «большой», особенно это заметно в ассоциативном гештальте испытуемых из Коми, хотя наибольший вес в процентном отношении занимает реакция-противопоставление *маленький* в обоих регионах.

Зона **Субъект**, как видно из Таблиц 1 и 2, кроме того, что занимает по объему третий ранг в ассоциативном гештальте, не имеет большого разнообразия реакций. Наиболее частотные: *человек, друг*. Региональных различий не наблюдается.

Теперь рассмотрим ассоциативные гештальты на слово-стимул *маленький*, представленные в Таблицах № 3 и 4.

Таблица № 3

**Ассоциативный гештальт на стимул «маленький»
(испытуемые – русские на русском языке в Коми)**

Человек		60,7
Нейтральный субъект	ребенок 23,2 человек 8,8 мальчик 5,8 малыш 0,7	38,5
Род деятельности		
Родственники и окружение	брат 4,8 сын 1,5	6,3
Ссылка	принц 7,3 Мук 2,2	9,5
Животные	котенок 1,8 пес 1,1 котик 0,7 щенок 1,5 кот 1,3	6,4
Эго		
Объект		20,5
Абстрактный объект	мир 2,8 рост 2,8 размер 0,7 опыт 0,5 секрет 0,5	7,3
Конкретный объект	дом 3,3 город 3,1 домик 1,1 цветок 1,1 мозг 1,1 гриб 0,5 палец 0,5 остров 0,5 стул 0,5 шар 0,5 шарик 0,5 ящик 0,5	13,2
Ценности		
Характеристика		17,7
Положительная	гений 1,1 аккуратный 0,5 добрый 0,5	2,1
Отрицательная	слабый 1,5 глупый 0,5	2
Нейтральная	гном 1,8 большой 9 крохотный 0,5 небольшой 0,5 низкий 0,5 беззащитный 1,3	13,6
Другое		
Действие		
Состояние		
Устойчивые выражения		
удаленький 1,1		1,1

**Ассоциативный гештальт на стимул «маленький»
(испытуемые – русские на русском языке в Татарстане)**

Человек		62,7
Нейтральный субъект	ребенок 17,7 человек 17 мальчик 6,4 человек 1,1	42,2
Род деятельности		
Родственники и окружение	брат 1,3 братик 1,3 друг 1,1	3,7
Ссылка	принц 8,4 Мук 1,3 Лиля 0,7	10,4
Животные	щенок 1,3 ежик 0,7 котенок 4,4	6,4
Эго		
Объект		23,9
Абстрактный объект	мир 3,1 рост 3,1 шанс 1,3 ложь 1,1 размер 1,1 сюрприз 1,1 ум 1,1	11,9
Конкретный объект	дом 2,7 палец 2,7 город 2,4 веер 0,7 гриб 0,7 мизинец 0,7 подарок 0,7 стол 0,7 цветок 0,7	12
Ценности		
Характеристика		12,7
Положительная	хороший 1,1	1,1
Отрицательная	слабый 1,7 глупый 0,7 да незначительный 0,7	3,1
Нейтральная	большой 4 небольшой 1,5 низкий 1,1 гном 1,2 низенький 0,7	8,5
Другое		
Действие		
Состояние		
Устойчивые выражения		
удаленный 0,7		0,7

Первой по рангу зоной в этих ассоциативных гештальтах стала зона **Субъект**. Содержательно зона весьма разнообразна, как видно из Таблиц № 3, 4. Наиболее частотной реакцией стало слово *ребенок*, а у испытуемых из Татарстана слово *человек* почти не уступает по частотности.

Второй зоной по рангу стала зона **Объект**. Реакции многообразны. Отношение абстрактных и конкретных объектов практически одинаково.

Третьей по рангу – зона **Характеристика**. Превалируют реакции с нейтральной оценкой. Наиболее частотной стала реакция-противопоставление *большой*.

Таким образом, с одной стороны, прилагательные *большой* и *маленький* являются абсолютными антонимами, но, с другой стороны, механизмы реагирования на каждый из этих стимулов отличаются. В случае прилагательного *большой* мы можем говорить о преимущественно объектной сочетаемости в русском языковом

сознании, причем с конкретным, а не абстрактным объектом, в то время как в случае прилагательного *маленький* – о субъектной сочетаемости.

Теперь перейдем к ассоциативным гештальтам антонимичной пары *далекий-близкий* (Таблицы № 5 и 6).

Таблица № 5

**Ассоциативный гештальт на стимул «близкий»
(испытуемые – русские на русском языке в Коми)**

Человек		79,5
Субъект с нейтральной оценкой	человек 37	37
Родственники и окружение	друг 33,2 родственник 7,8 мама 0,7 брат 0,4 подруга 0,4	42,5
Эго	мне 0,4	0,4
Объект		2,2
Абстрактный объект	доверие 0,4 дух 0,4	0,8
Конкретный объект	дом 0,7 берег 0,4	1
Ценности	семья 0,4	0,4
Характеристика		17,9
Положительная	родной 9,5 любимый 0,4 надежный 0,4	10,3
Отрицательная	враг 1,3	1,3
Нейтральная	далекий 3,3 дальний 1,3 далеко 0,7 чужой 1	6,3
Как?	по духу 0,7 рядом 1,9	2,6
Действие		
Устойчивые выражения		

Таблица № 6

**Ассоциативный гештальт на стимул «близкий»
(испытуемые – русские на русском языке в Татарстане)**

Человек		75,7
Субъект с нейтральной оценкой	человек 32,1 мне человек 0,8 парень 0,8	33,7
Родственники и окружение	друг 32,6 родственник 3,9 брат 2,4 товарищ 1,3 мама 0,6 мать 0,6 родители 0,6	42
Эго	мой 0,6	0,6
Объект		3,5
Абстрактный объект	путь 0,6 расстояние 0,6 доверие 1,1	2,3
Конкретный объект	магазин 0,6	0,6
Ценности	семья 0,6	0,6
Характеристика		20,2

Положительная	родной 7,9 любимый 0,8 дорогой 0,6 нужный 0,6	9,9
Отрицательная	враг 0,6	0,6
Нейтральная	далекий 3,9 дальний 1,1 чужой 0,6	5,6
Как?	по духу 1,9 рядом 2,2	4,1
Действие		
Устойчивые выражения		

Первой по рангу зоной в ассоциативных гештальтах на стимул *близкий*, как мы видим из Таблиц № 5 и 6, является зона **Субъект**, причем со значительным отрывом от других зон. Наблюдается разнообразие реакций в субзоне **Родственники и окружение**, но наиболее частотной стало слово *человек* в обоих гештальтах.

Зона **Характеристика** занимает второе место в ранге. Интересно, что здесь наиболее частотной реакцией стало слово *родной*, то есть не наблюдается стратегии давать противопоставление к стимулу, которую мы наблюдали в гештальтах *большой и маленький*.

Зона **Объект** имеет очень малую процентную долю в гештальте. Кроме того, реакции, входящие в зону, также не частотны.

Таким образом, мы видим следующее: прилагательное *близкий* имеет преимущественно субъектную сочетаемость. В русском языковом сознании слово *близкий* актуализуется прежде всего в значении «связанный с кем-то близким родством, дружбой, симпатией».

Слово-стимул *далекий* достраивается до словосочетания преимущественно объектными реакциями, что можно увидеть в Таблицах № 7, 8.

Таблица № 7

**Ассоциативный гештальт на стимул «далекий»
(испытуемые – русские на русском языке в Коми)**

Человек		18,3
Нейтральный субъект	человек 6,6	6,6
Родственники и окружение	друг 6,8 родственник 4,8	11,6
Эго		
Объект		63,9
Абстрактный объект	путь 18,4 мир 3,7 горизонт 1,8 свет 1,5 ум 1,3 год 0,7 день 0,7 расстояние 0,7 будущее 0,5 взгляд 0,5 запад 0,5 мечта 0,5 от всех 0,5 пункт 0,5 разум 0,5 север 0,5 смысл 0,5	33,3
Конкретный объект	край 10,3 город 8,5 дом 6,6 дорога 1,1 берег 0,5 звезды 0,5 лес 0,5 поезд 0,5 страна 0,5 холм 0,5 космос 1,1	30,6
Ценности		

Характеристика		17,9
Положительная	близкий 14,9	14,9
Отрицательная	враг 0,7	0,7
Нейтральная	дальний 0,5 недоступный 0,7 чужой 1,1	2,3
Другое		
Действие		
Устойчивые выражения		

Таблица № 8

**Ассоциативный гештальт на стимул «далекий»
(испытуемые – русские на русском языке в Татарстане)**

Человек		15,9
Нейтральный субъект	человек 4,3	4,3
Родственники и окружение	друг 6,3 родственник 5,3	11,6
Субъект с отрицательной оценкой		
Эго		
Объект		66,4
Абстрактный объект	путь 17,1 мир 4,3 свет 2,2 расстояние 1,6 горизонт 1,2 разум 1 взгляд 0,6 идеал 0,6 рай 0,6 сон 0,6 ум 0,6 цель 0,6	31
Конкретный объект	край 14,8 город 5,5 дом 4,9 космос 2,2 остров 2,2 берег 1,8 страна 1,6 континент 0,6 лес 0,6 страны 0,6 холм 0,6	35,4
Ценности		
Характеристика		17,7
Положительная	близкий 8,9	8,9
Отрицательная	глупый 1 тупой 0,6	1,6
Нейтральная	дальний 2,8 неблизкий 2,2 чужой 0,6	5,6
Как?	от идеала 0,6 от мира 1	1,6
Действие		
Устойчивые выражения		

Наиболее частотными реакциями-объектами стали слова *путь, край, город*. Остальные реакции имеют меньшую процентную долю, но разнообразны.

Зоны **Субъект** и **Характеристика** имеют приблизительно равную долю в ассоциативных гештальтах. У испытуемых из Коми лидирует зона **Субъект**, у представителей Татарстана – зона **Характеристика**, но разница не значительна.

Зона **Субъект** у представителей обоих регионов весьма однородная и не многочисленная. Сюда входят только три реакции: *человек, друг, родственник*, из которых *друг* самая частотная.

В зоне **Характеристика** мы наблюдаем в большинстве реакции-противопоставления, очень характерная стратегия реагирования на слово-стимул прилагательное.

Известно, что атрибутивные словосочетания в русском языке – это продуктивная модель, всесторонне изученная как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Согласно нормам грамматики, многие имена прилагательные могут сочетаться с существительными, представляющими собой как объект, так и субъект. Но как оказалось в результате нашего эксперимента в русском языковом сознании одни прилагательные имеют преимущественно субъективную, другие – объективную сочетаемость. Интересно, что различная сочетаемость наблюдается даже в парах абсолютных антонимов.

Указание таких особенностей сочетаемости в лексикографических источниках оказалось бы полезным для изучающих русский язык как иностранный, так как демонстрирует не бытование прилагательного в системе языка, а функционирование в живой речи носителя.

Литература

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов (Москва, 1-3 июня 2000 г.) / ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2005. С. 107-108.

ADJECTIVE IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS (FEATURES OF LEXICAL COMPATIBILITY)

Anna A. Stepanova

Research Fellow

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoi Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

st.anna@bk.ru

Attributive word combination and its lexical compatibility, as a frequency and productive model of inflectional language, can be considered as a well-researched problem of modern linguistics. Studying this question from the perspective of psycholinguistics gives us the opportunity to identify the features of the compatibility of such a model in the language consciousness of Russian speakers. The features are not reflected in traditional lexicographic sources, but could prove useful for students learning Russian as a foreign language.

This article analyzes the associative gestalt constructed on the basis of associative fields formed on the materials of free associative experiments conducted in the regions of Russia (Komi, Tatarstan) among students who identified themselves as Russians. The ranking of semantic zones and the identification of the most frequent ones makes it possible to clarify the lexical compatibility of the adjective, since, with the prevalence of the object zone, it can be concluded that the adjective has predominantly object-combinability, while with a large percentage of the subject zone, – subject-combinability.

The strategy of completing the stimulus-adjective to the attributive phrase by using the reaction in the form of a noun was revealed as the most frequent in the associative experiment.

Since the characteristic zone also occupies a high rank in the associative gestalt of the adjective, it is possible to note other response strategies as frequency ones: the selection of antonymous and synonymous reactions.

Key words: Russian language consciousness, adjective, free associative experiment, compatibility.

References

Karaulov Yu.N. Semanticheskiy geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya [Semantic Gestalt of the Associative Field and Images of Consciousness] // *Yazykovoye soznaniye: sodержaniye i funktsionirovaniye*. [Language Consciousness: Content and Functioning]. XIII Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Tezisy dokladov (Moskva, 1-3 iyunya 2000 g.) / red. Ye. F. Tarasov. M.: Institut yazykoznaniiya RAN i MGLU, 2005. Pp. 107-108.

УДК 81'23
**МОНОЯЗЫЧИЕ В СФЕРЕ НЕМЕЦКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ: «ЗА» И «ПРОТИВ»**

Трошина Наталья Николаевна

ведущий научный сотрудник

отдела языкознания ИНИОН РАН

117997, Москва, Нахимовский просп. 51/21

troshinat@mail.ru

Одним из инструментов глобализации явилось создание единого Европейского пространства высшего образования, которое нуждается в общепризнанном языке международного академического общения. Без него не могла бы осуществляться академическая мобильность, в которой участвуют многие университеты немецкоязычного региона. Языком международного общения в сфере высшей школы и науки стал сегодня английский язык, который явился успешным конкурентом другого коммуникативно мощного языка – немецкого, имеющего давние богатые традиции в этой сфере: именно немецкий язык был лидером в академической среде со второй половины XIX по середину XX века, однако затем в связи с рядом исторических причин утратил свои лидерские позиции. В результате незаметно произошел культурный перелом, чреватый снижением престижа науки в немецком обществе.

В статье рассматриваются проблемы языковой ситуации в немецких университетах, опасности активного введения английского языка как языка обучения для уровня научной подготовки студентов, научных дискуссий, а также для развития самого немецкого языка. Подчеркивается использование английского языка как маркетингового инструмента в сфере высшей школы, что может привести к стиранию национальных систем в высшем образовании.

Ключевые слова: Европейское пространство высшего образования; коммуникативно мощный язык, коммуникативный статус языка, официальный язык, монологичность, многоязычие, расширение языка.

Создание единого Европейского пространства высшего образования явилось одновременно и следствием глобализации, и одним из ее инструментов. Так как сложные механизмы взаимодействия разных стран в сферах экономики, политики, общественных связей, культуры и науки требуют скоординированной подготовки высококвалифицированных специалистов в самых разных областях. Эту задачу призвана решить Болонская декларация (1999 г.), в которой сформулированы основные ценности, «ведущие к достижению сопоставимости и, в конечном счете, гармонизации национальных образовательных систем высшего образования в странах Европы» [Glossary of the Bologna Process 2006: 57]. Следование этой декларации предполагает высокую степень академической мобильности, т.е. получения высшего образования не только в своей родной стране, но и за рубежом. Это обусловило проблему общепризнанного языка обучения и науки. Таковым стал в конце XX – начале XXI в. английский язык, вытеснив (или почти вытеснив) из этой

сферы немецкий, что не происходит безболезненно для немецкого языка как одного из коммуникативно мощных и престижных языков. Под коммуникативно мощным языком понимается «разработанный язык с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющий давнюю письменную традицию и функционирующий в экономически и культурно развитых европейских странах» [Кирилина 2015: 77]. Вытеснение такого языка с передовых позиций во второй ряд означает, что «незаметно произошел культурный перелом, который может привести к снижению престижа науки в немецком обществе» [Rösch 2013: 73].

Переход высшего образования и науки на немецкий язык начался в немецкоязычном регионе в позднем Средневековье в связи с отказом от латыни в университетах Германии и Австрии, что было очень важным явлением для культуры в целом. В Вене, например, одна из улиц в центре города носит имя Йозефа фон Зонненфельза – юриста и выдающегося просветителя, внесшего большой вклад в смещение иезуитов с руководящих постов Венского университета, что, соответственно, обусловило переход с 1 ноября 1783 года всех высших учебных заведений Австрии на немецкий язык. В начале XIX века образовалось немецкоязычное научное коммуникативное сообщество Германии, Австрии и Швейцарии наряду с англо- и франкоязычными научными сообществами, между которыми до Первой мировой войны существовал языковой баланс.

В течение весьма короткого периода – со второй половины XIX века и до середины XX века – именно немецкий язык был ведущим языком в мире науки: им пользовались в устном и письменном научном общении не только специалисты немецкоязычных стран, но и специалисты других стран. Английский язык доминировал в сфере международной торговли, французский – в сфере дипломатии. Лидерство немецкого языка в научной сфере подтверждается тем, что большинство лауреатов Нобелевской премии по естественным наукам или родились в немецкоязычной стране, или получили в ней образование / специализировались / работали в какой-либо научной сфере. Последнее касается также ученых, не являвшихся носителями немецкого языка. Публикуясь именно на немецком языке, ученые разных стран, в том числе и России, обеспечивали себе международную известность. Так, например, российский химик А.М. Бутлеров придавал большое значение переводу на немецкий язык своего учебника по органической химии; фундаментальный труд Д.И. Менделеева «Основы химии», в котором изложена периодическая система элементов, был переведен сначала на немецкий, а затем английский и французский языки. Большое значение придавал переводам своих работ на немецкий язык также и великий русский физиолог И.П. Павлов [Ammon 2015: 528-529].

Снижение статуса немецкого языка в международном общении, в том числе и в научном, связано с проигранной Германией Первой мировой войной, по окончании которой немецкий язык не был включен в число официальных языков Лиги Наций в отличие от английского и французского. Приход к власти национал-социалистов в Германии в 1933 году еще более усугубил ситуацию, так как были расстреляны или вынуждены к эмиграции 1617 немецких ученых (прежде всего, еврейского происхождения). 825 из них переселились в США, где перешли на английский язык.

После окончания Второй мировой войны позиции немецкого языка в научной сфере продолжали ослабевать. При этом в США с 1960 года в университетах снизились требования к уровню знания иностранных языков, прежде всего, немецкого. По данным Нью-Йоркского технологического института (Institute of Technology), уже в 1964-1965 гг. в 55% защищенных диссертаций нет ссылок на немецкоязычные источники. Поэтому Институт порекомендовал отказаться от требования владения немецким языком для студентов естественнонаучных и технических факультетов. Ведущие научные книжные издательства вынуждены были перейти на английский язык.

В гуманитарных дисциплинах позиции немецкого языка пострадали меньше, поскольку предмет изучения и проблематика в этих науках представляют «национальный интерес». Методически такие исследования связаны с использованием родного языка, знание которого позволяет передать важные оттенки смысла [Ammon 1991: 231].

Естественно, возникает вопрос, почему немцы так легко сдали позиции своего языка как языка международного общения в научной сфере (равно как и в других сферах)? Почему они проявили такое «лингвокультурное малодушие» (sprachkulturelle Mutlosigkeit), по выражению Г. Рёка. Наиболее распространен ответ, согласно которому «немцы все еще компенсируют свой прежний шовинистический угар чрезмерной готовностью к переходу на язык международного общения (Deutsche kompensieren immer noch den chauvinistischen Überschwang vergangener Epochen mit vorausseilenden Überinternationalisierung)» [Roeck 2013. – цит. по: Rösch 2015: 24].

Немецкий язык оказался слабо защищенным и в юридическом отношении, так как Основном Законе ФРГ (в Конституции ФРГ) ничего не говорится о статусе немецкого языка. Большинство юристов исходят из того, что немецкий язык де-факто уже обладает конституционным статусом. Однако все больше голосов раздается в пользу того, чтобы статус немецкого языка как национального был зафиксирован в Основном законе страны. Эта точка зрения опирается на следующие аргументы, которые приводит Дж. Люди в своей статье «Угрожает ли английский язык как lingua franca немецкому и другим национальным языкам?» [Lüdi 2013: 276]:

- 1) язык – базис культурной идентичности;
- 2) язык – элемент, объединяющий все слои немецкого общества;
- 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной утрате его значимости» (schleichende Bedeutungsverlust der deutschen Sprache) [Там же];

- 4) упоминание немецкого языка в Основном Законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском Союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками» [Там же].

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Дж. Люди:

- 1) на формальном, способствуя сохранению его чистоты и препятствуя его порче (Verfall der Qualität) [Там же];

- 2) на национальном, используя его как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства;

3) на международном, т.е. противодействуя уменьшению привлекательности немецкого языка как иностранного.

Последнее обстоятельство привлекает внимание немецкого педагогического сообщества, которое прилагает немалые усилия по привлечению студентов, приехавших в вузы Германии и Австрии, к изучению немецкого языка. Они оказались в культурно-гетерогенной среде, так как немецкая культура пронизана в университетах англоязычным влиянием. Помимо того, что многие лекции и семинары проводятся для этих студентов и аспирантов на английском языке, в качестве научных руководителей и консультантов для них выбираются преподаватели, знающие английский язык. Однако вне университетских стен используется немецкий язык, приобщение к которому затрудняется в самих университетах, что мешает интеграции студентов в немецкую культуру.

Тем не менее, реальность в сфере высшего образования и науки в немецкоязычных странах свидетельствует о том, что финансирование большинства научных проектов основывается на рейтинге англоязычных журналов, в которых соискатели грантов опубликовали свои статьи. Заявки на гранты следует представлять также на английском языке. Исключение представляет Швейцарский национальный фонд (*der Schweizerische Nationalfonds, SNF*), который разрешает ученым в области гуманитарных наук подавать заявки на грант на любом из официальных языков Швейцарии (немецком, французском, итальянском, ретороманском). Австрийский фонд научных исследований (*der Österreichische Fonds zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung, FWF*) предписывает подавать заявки на английском языке, так как направляет их на оценку зарубежным экспертам, считая их более объективными, пишет корреспондент газеты „*Neue Züricher Zeitung*“ [Hirnstein 2017: 53]. В реальности это приводит к образованию двух категорий ученых – высшей и низшей.

Противостоять этой тенденции пытается рабочая группа, созданная по инициативе ученых советов по социальным и гуманитарным наукам в различных немецких университетах и изложившая свою концепцию в публикации под названием «Язык науки – плодое в защиту многоязычия» [Mittelstrass, Trabant, Fröhlicher 2006]. Авторами этой публикации являются Юрген Миттельштрап (специалист в области философии науки, профессор Боннского и Гамбургского университетов), Юрген Трабант (специалист в области романского языкознания, профессор университета им. Гумбольдта, Берлин) и Петер Фрëлихер (литературовед-романист, профессор университета в г. Констанц). Они подчеркивают, что для гуманитарных наук «вавилонское смешение языков» – это не беда, а благо, так как оно обогащает и расширяет исследовательскую базу. Кроме того, усиленное повсеместное насаждение английского языка в высшей школе не принесет ничего хорошего и самим носителям английского языка, поскольку многоязычие делает их пленниками родного языка и снижает уровень их языковой компетенции.

В статье А. Хирнштейна приводятся мнения европейских ученых по данной проблеме. Так, например, психолог Франк Рёслер (Frank Rösler), профессор Гамбургского университета, занимающийся биологическими аспектами когнитивных процессов, считает, что вынужденный переход взрослых людей на иностранный язык, в данном случае – на английский, ограничивает их рецептивные

возможности: они не все понимают, даже если получили высшее образование на английском языке, например, в американском университете. Непонимание / неполное понимание составляет 10-20% от общего объема сообщаемой научной информации. Освоить английский язык в объеме родного – это иллюзия, полагает Ф. Рёслер. Еще более существенным исследователь считает то, что «не все языки в равной степени пригодны для общения в специальной научной среде: есть научные произведения, которые могут быть написаны только на немецком языке, другие мыслимы, если созданы на итальянском языке. Философ Мартин Хайдеггер, создавший немало труднопереводимых понятий, считал, например, что для философии более других подходят немецкий и греческий языки», сообщает А. Хирнштейн [Hirnstein 2017: 55]. С этой точкой зрения не согласен профессор университета Дуйсбурга-Эссена Ульрих Аммон, полагаящий, что перевести на любой иностранный язык можно все, если этот язык обладает развитой грамматической системой и лексическим фондом, который расширяется за счет заимствований из других языков. У. Аммон вводит понятие «расширение языка» (*Ausbau der Sprache*), под которым понимает, прежде всего, увеличение числа лексико-семантических единиц языка, а также его словообразовательных, синтаксических и текстовых моделей [Ammon 2015: 675-676].

А. Хирнштейн называет еще один немаловажный аспект проблемы языка науки, требующий дополнительных исследований, – взаимодействие науки и общества. Нередко утверждается, что с переходом ученых в неанглоязычных странах на английский язык это взаимодействие ослабевает, наука дистанцируется от общества. Имеются, однако, данные, что в такой англоязычной стране, как США, дистанция между научным сообществом и слоями населения, не имеющими отношения к науке, ничуть не меньше, если не больше, чем в неанглоязычных странах.

В современном глобализованном мире высоких технологий коммуникативный статус языка (его коммуникативный престиж) в значительной степени определяется его востребованностью в сфере науки и подготовки высокообразованных кадров. Поэтому для коммуникативного статуса немецкого языка чрезвычайно актуален вопрос о языковой ситуации в немецких университетах. Это также вопрос сохранения ценных научных традиций в национальной высшей школе, которыми немецкий народ вправе гордиться.

В каких же сферах науки немецкий язык сохраняет свои прежние позиции? У. Аммон называет «ниши» немецкого языка (*Nischen für Deutsch als Wissenschaftssprache*): германистику, музыковедение, теологию, правоведение, антиковедение, историю Древнего мира и Средневековья, общее языковедение, классическую филологию, археологию, искусствоведение, литературоведение, социологию, герменевтику, культурологию, частные филологии, политологию, театроведение, терминоведение [Ammon 2015: 605]. Автором был проведен также опрос среди немецких ученых-гуманитариев по теме: на каких иностранных языках они чаще всего читают свою специальную литературу? Все участники опроса (100%) читают на немецком языке, 97% – на английском языке, 65% – на французском, 32% – на итальянском. 17% – на испанском и 14% – на нидерландском [Behrens, Fischer, Minks, Rösler 2010: 32].

Однако немецкий язык не гарантирован от ослабления своих позиций даже в германистике, т.к. постоянно растёт число публикаций по германистике на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х годов XX века: процент публикаций по германистике на английском языке составлял тогда 12,8%, т.е. больше, чем публикаций на всех остальных (кроме немецкого) языках вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3%, на итальянском – 1%, на русском – 1%, т.е. всего 7,2% [Collins, Rutledge 1996 – цит. по: Ammon 2015: 608].

Сегодня в немецких университетах английский язык все более активно используется как язык обучения, чтобы привлечь студентов и ведущих специалистов из различных стран мира. При этом английский язык используется как маркетинговый инструмент, применяемый с 90-х годов XX века [Rösch 2015: 20]. В плане академической мобильности Германия занимает второе место после Нидерландов, хотя процент иностранных студентов в немецких университетах снизился с 9% в 2000 г. до 7% в 2009 г. Результаты опроса 2009 г. о причинах выбора иностранными студентами немецкого университета свидетельствуют о том, что наличие программ на английском языке называется в предпоследнюю очередь, что противоречит логике международного общения в высшей школе. Только высокое качество образования и хорошие условия для учебы и занятий научными исследованиями, равно как и политика, направленная на укрепление престижа немецкого языка как языка высшего образования, действительно привлекают иностранных студентов в немецкие вузы.

Тем не менее, вытеснение немецкого языка из учебного процесса в высшей школе Германии – это факт, на который невозможно закрывать глаза. В связи с этим в 2009 г. была принята совместная декларация Президентов Фонда Александра фон Гумбольдта, Немецкой службы академических обменов, Гёте-Института и Конференции ректоров высшей школы «О поддержке немецкого языка как языка науки» [Deutsch als Wissenschaftssprache 2009], в которой подчеркивалось, что английский и немецкий языки должны не конкурировать в учебном процессе, а дополнять друг друга. Это же акцентировалось и в «Меморандуме Немецкой службы академических обменов» 2010 года [Memorandum 2010].

Германисты и культурологи видят следующие минусы языковой ситуации, сложившейся в немецких университетах:

1) снижение эффективности и результативности научной коммуникации в результате отказа от использования в ней родного языка;

2) смещение акцентов при оценке результатов конкурсов (Wettbewerbsverzerrungen) из-за того, что мало учитываются публикации не на английском языке;

3) недостаточный уровень знания английского языка как у студентов, так и у преподавателей, что снижает языковой и культурный уровень научных дискуссий и ограничивает познавательные возможности участников;

4) осложнение интеграции иностранных исследователей и студентов в культуру принимающей страны.

В дискуссии о снижении роли немецкого языка в академической сфере подчеркивается, что эта ситуация подрывает основы немецкой языковой и культурной идентичности, создает «научно-языковую безъязыкость» (wissenschaftliche

Sprachlosigkeit) и «безъязыкое моноязычие» (sprachlose Einsprachigkeit) [Rösch 2013: 71-72].

Не самая полезная для немецких студентов ситуация складывается еще и потому, что основная масса иностранных англоговорящих студентов – это отнюдь не носители английского языка, поэтому общаясь с ними, студенты-немцы усваивают «усеченный» английский язык.

Тенденция к широкому использованию английского языка в высшей школе может иметь негативные последствия для развития самого немецкого языка, считает К. Фибах: «Немецкий язык остановился бы в своем развитии, если бы отпала необходимость формулировать на нем результаты исследований. Разговорный немецкий язык и язык науки тесно связаны, так что отказ от немецкого языка в научной сфере ограничил бы и возможности разговорного языка» [Fiebach 2010 – цит. по: Lüdi 2013: 278].

Проведение в Германии семинаров и конференций на английском языке оказывает негативное влияние на языковое сознание носителей немецкого языка, считает также Ральф Моцикат: «На многих семинарах и конференциях можно наблюдать, как снижается у присутствующих готовность участвовать в дискуссии даже в том случае, если они прекрасно владеют английским языком. Это связано с тем, что язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и когнитивную. Наши модели мышления, формирования гипотез, цепочек приводимых аргументов, в том числе и в естественных науках, неотделимы от нашего сознания, которое основано на родном языке. Научные теории всегда используют слова, образы, метафоры, заимствованные из разговорного языка» [Mocikat 2006 – цит. по: Lüdi 2013: 279].

Реальный выход из создавшейся языковой ситуации в немецких университетах исследователи видят, во-первых, в рецептивном многоязычии, при котором каждый участник общения говорит на своем языке, но все при этом понимают друг друга; во-вторых, в разумном объеме учебных программ на английском языке. Использовать их имеет смысл, если они предлагаются: 1) иностранным студентам, приехавшим по обмену (например, по программе Erasmus); 2) иностранным студентам, которые хотят сориентироваться в немецкой университетской среде и выбирают подходящий университет для возможной учебы в нем; 3) немецким студентам, готовящимся к стажировке за границей. Однако это не должно подрывать позиции немецкого языка как языка обучения в немецком вузе, даже если преследуется благая цель развития многоязычия в академической сфере. Эта точка зрения, высказанная О. Рёш [Rösch 2015: 22], представляется вполне обоснованной и перспективной, как и ее предложение разделять понятия «международное общение» и «глобализация». В первом случае речь идет о физической мобильности студентов и преподавателей, о продолжении традиции международного научного сотрудничества при сохранении национальных систем образования. Во втором случае происходит управление международным рынком научного знания, предлагаются транснациональные учебные программы, осуществляется перевод системы высшего образования на экономические рельсы. При этом национальные границы образовательных систем могут исчезнуть.

Литература

Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. №2. С. 77-89.

Ammon, U. (1991). Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin, New-York: de Gruyter. XXX, 633 S.

Ammon, U. (2015). Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston: de Gruyter. XVII, 1295 S.

Collins, J.W./ Rutledge, J.B. (1996). Köttelwesch on the Cutting Board: Analyzing the Literature of Germanistik. Collection Management. Vol. No. 20 (3-4). 73-84.

Deutsch als Wissenschaftssprache (2009). Gemeinsame Erklärung der Präsidenten von AvH, DAAD, Goethe-Institut und HRK. – URL: <http://hrk.de/presse/pressemitteilungen/pressemitteilung/deutsch/als/wissenschaftssprache-gemeinsame-erklaerung-der-praesidenten-von-avh-daad-goethe-institut/> (Дата обращения – 21.05.2017).

Fiebach, C. (2010). Deutsch als Wissenschaftssprache – deutsche Sprache, quo vadis? Internetdossier ‘Deutsch als Wissenschaftssprache’. – URL: www.goethe.de/Ihr/pri/diw/dos/deindex/htm (Дата обращения – 31.01.13).

Glossary of the Bologna Process: English – German – Russian // Beiträge zur Hochschulpolitik (2006). Bonn. H. 7. 196 p.

Hirnstein, A. (2017). Deutschsprachige Forscher sind benachteiligt, weil das Englische alles verdrängt – total disaster, so sad. Neue Züricher Zeitung am Sonntag. 12. Februar. 53.

Lüdi, G. (2013). Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. Berlin, Boston: de Gruyter. Pp. 275-292.

Memorandum zur Förderung des Deutschen als Wissenschaftssprache (2010). – URL: https://www.daad.de/medien/der-daad/unsere-mission/standpunkte/final_standpunkt_wissenschaftssprache.pdf (Дата обращения – 20.05.2017).

Mittelstrass, Jü./ Trabant Jü./ Fröhlicher P. (2006). Wissenschaftssprache – ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft. Stuttgart: Metzler. 60 S.

Mocikat, R. (2006). Die Anglisierung der Wissenschaftssprache am Beispiel der Biomedizin – eine kritische Stellungnahme. – URL: <http://www.adawis.de/admin/upload/navigation/data/Spr-M2.pdf> (31.01.2013).

Roeck, G. (2013). So schafft sich die Lola bald selber ab: Wie deutsch soll der Deutsche Filmpreis sein? Die Welt am Sonntag. Berlin, 26.04.2013.

Rösch, O. (2013). Internationalisierung der Hochschulbildung – Und was ist mit Kultur? Die neue Hochschule. Bonn. H. 3. 70-74.

Rösch, O. (2015). Internationalisierung der Hochschulbildung – Was sind unsere Ziele? Die neue Hochschule. Bonn, 2015. H. 1. S. 18-24.

MONOLINGUALISM IN THE FIELD OF GERMAN HIGHER EDUCATION AND SCIENCE: THE PROS AND CONS

Natalia N. Troshina

Leading researcher

Linguistic Department

Institute of Scientific Information for Social Sciences

Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky Prosp. Moscow, 117997 Russia

troshinat@mail.ru

The creation of the European Higher Education Area with a common recognized language of international academic communication is regarded as one of the globalization instruments. The common language provided conditions for mobility of many regional German-speaking universities. English as the language of international communication in the field of higher school and science has become today a successful competitor of another, communicative powerful, language – German with its old rich traditions in the sphere. It was the German language that served the aims of academic community from the second half of the XIX up to the middle of the XX century. Later, due to a number of historic causes it lost its leading position. As a result, there occurred, without being noticed, a cultural break, threatening the prestige of science in the German society.

The article deals with the issues of the linguistic situation at German universities, the danger of introducing English as the language of study in students scientific training, using English for scientific discussions, as well as the issues of the further German language development itself. It underlines the use of the English language as a marketing instrument in the higher school area, the phenomenon which can lead to the deletion of national systems in higher education.

Key words: European Higher Education Area, communicative powerful language, communicative status of language, official language, monolingualism, multilingualism, language development.

References

Kirilina A.V. Shodstva v razvitii kommunikativno moshhnyh jevrolejskih jazykov v epohu globalizacii [Similarities in the development of communicative high powered languages in the globalization era]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2015. No 2. Pp. 77-89.

Ammon, U. (1991). Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin, New-York: de Gruyter. xx, 633 p.

Ammon, U. (2015). Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin, München, Boston: de Gruyter. XVII, 1295 p.

Collins, J.W./ Rutledge, J.B. (1996). *Köttelwesch* on the Cutting Board: Analyzing the Literature of Germanistik. Collection Management. Vol. No. 20 (3-4). Pp. 73-84.

Deutsch als Wissenschaftssprache (2009). Gemeinsame Erklärung der Präsidenten von AvH, DAAD, Goethe-Institut und HRK. – URL: <http://hrk.de/presse/>

pressemittelungen/pressemittteilung/deutsch/als/wissenschaftssprache-gemeinsame-erklaerung-der-praesidenten-von-avh-daad-goethe-institut/ (Retrieval date: 21.05.2017).

Fiebach, C. (2010). Deutsch als Wissenschaftssprache – deutsche Sprache, quo vadis? Internetdossier ‘Deutsch als Wissenschaftssprache’. – URL: www.goethe.de/Ihr/pri/diw/dos/deindex/htm (31.01.13)

Glossary of the Bologna Process: English – German – Russian // Beiträge zur Hochschulpolitik (2006). Bonn. H. 7. 196 p.

Hirnstein, A. (2017). Deutschsprachige Forscher sind benachteiligt, weil das Englische alles verdrängt – total disaster, so sad. Neue Züricher Zeitung am Sonntag. 12.Februar. 53 p.

Lüdi, G. (2013). Ist Englisch als lingua franca eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. Berlin, Boston: de Gruyter. Pp. 275-292.

Memorandum zur Förderung des Deutschen als Wissenschaftssprache (2010). – URL: https://www.daad.de/medien/der-daad/unsere-mission/standpunkte/final_standpunkt_wissenschaftssprache.pdf (Retrieval date: 20.05.2017)

Mittelstrass, Jü./ Trabant Jü./ Fröhlicher P. (2006). Wissenschaftssprache – ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft. Stuttgart: Metzler. 60 S.

Mocikat, R. (2006). Die Anglisierung der Wissenschaftssprache am Beispiel der Biomedizin – eine kritische Stellungnahme. – URL: <http://www.adawis.de/admin/upload/navigation/data/Spr-M2.pdf> (31.01.2013)

Roeck, G. (2013). So schafft sich die Lola bald selber ab: Wie deutsch soll der Deutsche Filmpreis sein? Die Welt am Sonntag. Berlin, 26.04.2013.

Rösch, O. (2013). Internationalisierung der Hochschulbildung – Und was ist mit Kultur? Die neue Hochschule. Bonn. H. 3. Pp. 70–74.

Rösch, O. (2015). Internationalisierung der Hochschulbildung – Was sind unsere Ziele? Die neue Hochschule. Bonn, 2015. H. 1. Pp. 18-24.

УДК 81'23

СИСТЕМА КОНЦЕПТОВ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Федулова Мария Николаевна

докторант,

Военный университет МО РФ

г. Москва, ул. Б.Садовая д.14

mfedulova@mail.ru

Контроль отношений в социуме, регулирование организации жизни общества основывается на определенной системе ценностей, которые доводятся до общества через различные концептосферы, представленные в семантическом пространстве языка. В концептосфере права можно увидеть определенную дифференциацию, соответствующую системе права. Поэтому в юридическом дискурсе, отражающем общую систему социального контроля, есть внутренняя дифференцированная структура. Автор статьи анализирует подходы некоторых исследователей к типологизации концептов юридического дискурса, их классификации. Автор считает, что лексическая семантика и лексическая организация дискурса являются определенной проекцией концептосферы права и могут быть критериями в концептуальном анализе языка права. Проблема, по мнению автора, заключается в выборе критериев к типологизации концептов юридического дискурса как специального дискурса. В юридическом дискурсе как социальном регуляторе очень важна кумулятивная составляющая, которая зависит от правильно выбранной лексической единицы. Комплекс смысловых компонентов лексической единицы составляет информативную насыщенность семантики слова, является той кумулятивной составляющей, которая важна для регулирования отношений в социуме. Концептосфера юридического дискурса обладает рядом характерных особенностей в том, что касается генезиса и функционального статуса концепта, системы средств его выразительных репрезентаций. По мнению автора, помимо общих онтологических критериев выделения концептов, свойственных для любого вида дискурса, в основу типологизации может быть положен критерий информативной насыщенности, емкости концепта, который может раскрываться не только через непосредственные (терминологические), но и косвенные (нарративно-описательные, образные и пр.) формы выразительной репрезентации в тексте.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, типология концептов, дискурс, юридический дискурс.

Введение.

Язык представляет собой общественное явление. В социальном плане он выступает хранителем информации о мире, характерным как для всего коллектива говорящих, так и для всей этнолингвистической, языковой общности в определенный исторический период. Осознание и структурирование «умонастроения», «духа эпохи» может закрепляться на концептуальном уровне – в языковой концептосфере, в семантическом пространстве языка, в его применении к различным сферам общественной жизни: в праве, экономике, политике, литературе, искусстве и т.д.

Концепт, как основа общественного менталитета, выполняет организующую роль в обществе – с точки зрения формирования морально-этической ценностной основы общественных отношений. В связи с этим познавательная функция концепта уходит на второй план, а нравственная становится наиболее важной, поскольку ей принадлежит регулятивная роль в масштабе общественной жизнедеятельности.

Большое значение имеет концептосфера права – как система концептов, выполняющих регулятивную роль в организации и жизни общества. Язык в праве – это не только вопросы техники и стилистики, это – конструктивные моменты существования самого права как своеобразного социального феномена [Алексеев 1983: 7-12]. Через право осуществляется контроль отношений в социуме, так как именно право ориентировано на определенную систему ценностей, оно отражает и охраняет эти ценности, имеет аксиологическую основу.

Дискуссия. В языковом сознании концептосфера права обретает свою определенность и полноту не только в условиях коммуникации, но и во взаимосвязи с концептами других сфер бытия и, прежде всего, во взаимосвязи с этической сферой, в центре которой, как уже указывалось, находится макроконцепт «мораль – нравственность» [Тихомиров 1999], [Тихомирова, Тихомиров 2008]. Взаимосвязь юридического дискурса с другими сферами бытия опосредует отражение разнообразных сфер человеческой деятельности и потребностей, поэтому юридический дискурс – это комплексное понятие, в которое входят несколько видов языков права. Несмотря на взаимосвязь с концептами других сфер бытия, юридический дискурс обладает своими специфическими функциями, не совпадающими с общепринятыми функциями обычного языка. Данная особенность заключается в том, что языковые средства юридического дискурса направлены на выражение нормативно-регулятивных функций в целях правового взаимодействия и общественного развития с опорой на факторы их нравственной оценки и концептуального терминологического закрепления.

В зависимости от сферы правового регулирования тех или иных отношений можно выделить язык уголовного права, язык гражданского права, административного права, язык публициста правоведа, язык судопроизводства, язык адвоката и т.д. Все эти виды языка права отличаются друг от друга. По мнению Поповой Т.Г., особое место среди них занимает язык законодателя, так как этот язык является официальным государственным языком, посредством которого государство в лице законодательного государственного органа устанавливает обязательные для исполнения правила поведения [Попова 2003: 42]. Именно в этой части языка права наиболее ярко представлен макроконцепт «мораль – нравственность».

Юридический дискурс – это институциональный дискурс. Концептосфера юридического дискурса как институционального дискурса имеет максимально строгую структуру вербально-терминологического закрепления в языке (в системе терминов, понятий), и, как следствие, по смысловой насыщенности, развернутости в масштабе детализации можно судить о степени системного развития концептосферы дискурса в языке. Лексическая семантика отражает системность концептосферы дискурса и может использоваться в качестве критерия в концептуальном анализе языка. Лексическая организация дискурса является отражением его концептуальной организации.

Для выявления иерархии концептов юридического дискурса, строящейся на аксиологических основаниях помимо критерия семантической абстракции на уровне терминологического закрепления концепта можно использовать критерий информативной насыщенности. Абстракция и информативная насыщенность – соотносительные категории. Всякая абстракция аккумулирует в себе определенный объем информации и, таким образом, сама подлежит интерпретации через информационный компонент. Информативная насыщенность семантики слова может быть определена как результат выполнения словом его важнейшей функции – кумулятивной. Говоря иными словами, способности лексической единицы содержать (концентрировать) в себе целый ряд «смысловых компонентов, которые отражают тот или иной отрезок реальности и к тому же строго иерархизированных, выполняющих жестко закрепленную за каждым компонентом задачу» [Олянич 2007: 126].

В юридическом языке используются лексические и грамматические средства, которые варьируются в пределах естественного языка. Так, в качестве примера лексической единицы естественного языка возьмем слово «признание», оно распространяется зависимыми существительными в родительном и предложном падежах – *признание близкого друга, признание ошибки, признание оговорки и т.д.* Вместе с тем, если рассматривать это слово в качестве термина юридического дискурса, то оно может распространяться зависимыми словами в творительном падеже, например, *признание виновным*. Бесспорно, мы видим, с одной стороны, тотальную связь юридического языка с естественным языком, а с другой, – мы наблюдаем и отличие рассматриваемого нами юридического языка от естественного. Это подтверждается наличием особой базы дефиниций определенной формализованности, что проявляется в оперировании заранее установленными языковыми средствами. Приведенный пример показывает, что происходит переосмысление общепотребительного слова «признание».

Процесс переосмысления, прежде всего, это когнитивный процесс. Язык занимает особое место в обработке поступающей к человеку информации, оказываясь тем самым высоким уровнем, на котором информация, полученная по разным каналам, анализируется, категоризируется и интерпретируется. Начинается понимание того, «что лучший доступ к сознанию – это не только наблюдение за предметом познавательной деятельности человека как такового, но и наблюдение за языком как формой отражения мыслительных процессов. Не случайно в лингвистике новой реальностью становится сама новая интерпретация фактов. В таком случае можно утверждать, что новые подходы в современной лингвистике также приводят к обнаружению новых реальностей» [Попова 2003: 42]. Новая интерпретация фактов позволяет, увидеть объекты в новом ракурсе, выявить новые свойства и новые грани, что дает возможность науке получать в свое распоряжение другие новые факты.

Столкновение двух интерпретаций и двух текстов, принадлежащих разным субъектам, формирует дискурс, который является надтекстовой и межсубъектной категорией. Обнаружить новое в объекте возможно в процессе коммуникации. Процесс коммуникации и когнитивный процесс это два взаимообусловленных процесса. Говоря о процессе концептуализации лексических единиц в юридическом

дискурсе, нужно сказать, что он носит комплексный, многоаспектный характер, так как разворачивается на сложном социокультурном фоне. В этом процессе задействуются глубинные ресурсы семантики лексемы в максимальном объеме ее внутренней смысловой формы. Простые слова, используемые в юридической речи, приобретают терминологическую окраску в зависимости от критериев информационной насыщенности и точности [Федулова 2010].

Задача построения типологии концептов с позиций когнитивного подхода уже давно является предметом научных споров. Справедливым является утверждение о том, что одним из главных критериев такой классификации может и должен явиться такой критерий как степень отражения в нем различных фрагментов действительности. В чем-то аналогично разделению лексики с этих позиций все концепты могут разделяться на мыслительные (ментальные) и чувственные. Всякий концепт в его функциональном применении характеризуется как ментализмом, так и чувственностью. При этом ментальная сторона более абстрактная. Чувственная отражает конкретику момента. Чувственные концепты так или иначе направляют нас к общему правилу, к ментальной оценке. Ментальные концепты в свою очередь получают чувственное применение в условиях конкретной оцениваемой ситуации.

Так, давая юридическую оценку тому или иному факту или событию, мы опираемся на некоторое ментальное представление о том, что представляет из себя данный факт или событие с точки зрения социально-нравственной нормы. В то же время сама нормативно-аксиологическая идентификация факта или события являются вполне чувственным актом. Апелляция к норме – это ментальная сторона концепта. Его актуальное применение к конкретному факту, событию это практическая, чувственная сторона концепта.

Разделение концептов на ментальные и чувственные носит скорее функциональный, а не семантический характер. Чувственный концепт ситуативен, отражает «требование момента», он же более интенционален и регулятивен в коммуникативном контексте. Конкретика такого концепта – это чувственная конкретика момента, отправной пункт коммуникативной аргументации. Ментальный концепт отражает требования культурной нормы (в нашем случае – нормы права). Вектор функционального подчинения здесь имеет обратную направленность: от момента к норме. Момент оказывается частью культурно-нравственной (правовой) ситуации, получает соответствующую оценку. Ментальный концепт более устойчив, обладает признаками ситуационной воспроизводимости. Ментальные и чувственные концепты можно разделять лишь условно. Функционально в их ситуативном применении они неразделимы и могут рассматриваться как две стороны одного и того же концепта в его функциональной заданности. Степень институциональной устойчивости дискурса определяется не чувственной, а ментальной стороной концепта, характером его выразительного закрепления в коммуникативном культурно-выразительном опыте языка.

Для юридического дискурса, который является в основе своей ментальным, наиболее актуальны и частотны мыслительные концепты. Более важным представляется разделение концептосферы на единичные концепты («ментальные слепки») и концепты-схемы, концепты-сценарии. Так как одна из главных функций юридического дискурса является регулятивная, то сценарный характер концептов

играет в нем особенно важный характер. Например, перечень видов преступлений и нарушений, их классификация, содержащиеся в уголовном и административном кодексах, описание процедур дознания, следствия, судопроизводства, представленное в уголовно-процессуальном кодексе. Прототип – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории, а стереотипы – это типичные примеры реализаций прототипов. Прототип является «идеалом», так как представляет собой абстрактный идеальный образец, через который воспринимаются многие представления концептосферы. Прототипическое закрепление получают концепты в формах так называемого прецедентного права. В качестве примера можно привести правило Правило Миранды (Miranda warning), которое было введено решением Верховного суда США в 1966 г. с целью обеспечения права не свидетельствовать против себя. Название этого правила возникло вследствие исторического дела «Миранда против Аризоны» и названо именем обвиняемого Эрнесто Миранды, чьи показания были исключены из материалов дела, так как были получены в нарушение пятой поправки к Конституции США. Согласно этому правилу, каждое лицо, подвергающееся аресту, должно быть проинформировано о праве хранить молчание, о том, что все сказанное может быть использовано обвинением в суде, а также о праве проконсультироваться с адвокатом перед тем, как давать какие-либо показания. В законодательстве Российской Федерации аналогичная норма закреплена в ст. 51 Конституции РФ [Конституция РФ 1993]. Целью данных норм является обеспечение справедливого судебного разбирательства, защита обвиняемого от принуждения со стороны властей давать ложные сведения в отношении себя, что помогает избежать судебных ошибок. Можно сказать, что в американском языке права «Правило Миранды» как некоторый нормативный регулятивный концепт получило образно-терминологическое закрепление.

Концепт как классификатор сам требует определенной представленности в системе каких-то классификаций. Другими словами, системный подход к концептосфере дискурса предполагает выбор уже не столько онтологических, сколько методологических оснований для классификаций. В современной лингвистической концептологии дискурса существуют различные такого рода классификации.

Так, Г.С. Воркачев предлагает строить классификацию концептов по степени абстракции их содержания. В этом отношении исследователь различает ментефакты, натурфакты и артефакты. Первые являются абстрактными, вторые и третьи – конкретными [Воркачев 2007: 31-32]. Существуют и другие классификации. Например, В.А. Маслова делит концепты на группы в соответствии с идеографической классификацией, принятой у лексикографов: 1) мир – пространство, время, число; 2) природа – вода, огонь, дерево; 3) представления о человеке – интеллигент, новый русский; 4) нравственные концепты – истина, совесть; 5) социальные понятия и отношения – свобода, война; 6) эмоциональные – счастье, любовь; 7) мир артефактов – дом, свеча; 8) концептосфера научного знания – философия, филология; 9) концептосфера искусства – музыка, танец и др. [Маслова 2006: 75]. Пименова выделяет следующие виды концептов: образы, идеи, символы, а также концепты культуры [Пименова 2004: 8-10].

Какими бы то ни были методологические основания классификации концептов в их лингвистическом рассмотрении, они не могут изменить общей функциональной онтологии концепта.

Специалисты, используя термины, говорят языком концептов. Но за каждым концептом стоит какая-то совокупность ситуаций, которая вербально не раскрывается, но подразумевается. Это скрытый нарратив концепта, вербализуемый терминологически (если подобное терминологическое закрепление сложилось для концепта в языке).

Так, в юриспруденции есть термины «подведомственность» и «подсудность». Под «подведомственностью» следует понимать разграничение компетенции между различными органами. Каждый государственный орган или организация вправе рассматривать и разрешать только те вопросы, которые отнесены к его ведению законодательными и иными нормативными правовыми актами, то есть действовать только в пределах собственной компетенции. Под «подсудностью» следует понимать распределение между судами дел, подлежащих рассмотрению по первой инстанции, то есть установление конкретного суда, который должен разрешить данное дело [Тихомирова, Тихомиров 1997: 324, 326]. Подсудность – это правила распределения категорий споров в соответствии с предметной компетенцией соответствующего суда, однако, не между различными ветвями судебной системы (как это указано в правилах подведомственности), а только в рамках одной ветви судебной системы. Анализ этих двух определений показывает, что их родовым основанием может быть концепт – компетенция, означающий совокупность установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей организаций, осуществляющих определенные государственные функции (в данном случае государственных органов судебной власти), которые в различных источниках могут выражаться как словом, так и описательно.

Попытка подобного абстрактного функционального разграничения концептов была предпринята в работе Н.И. Убийко [Убийко 1999]. Однако исследователь здесь полагается не на внутрисистемные (внутридискурсивные) связи элемента, а на характер его взаимодействия с внешней средой. Так, Н.И. Убийко предлагает разграничивать универсальные концепты, которые по-другому можно назвать общечеловеческими, этнические (национальные) и групповые (макро- и микрогрупповые). К последним ученый относит возрастные, гендерные и индивидуальные концепты. В результате такой схемы вырастает иерархическая модель, в которой выделяются суперконцепты, макроконцепты, базисные концепты и микроконцепты. Несмотря на то, что такая модель вполне возможна, нельзя не заметить, что она содержит некоторые противоречия. Так, например, значительную часть индивидуальных концептов можно одновременно отнести к микро- и макрогрупповым и одновременно к этническим и общечеловеческим.

Резюме. Таким образом, довольно затрудненной представляется классификация, согласно которой один и тот же концепт входит в разные по уровням иерархические страты. Помимо этого, возникает вопрос тождества концепта, находящегося в страте общечеловеческих и этнических или, например, этнических и групповых. К области права такой подход также неприменим, потому что априорной характеристикой научного концепта является его общечеловечность,

наука объективна и, следовательно, исключает такие формы измерения, как этническое, социально-групповое, индивидуальное. С другой стороны, очевидно, что право как практика имеет этнические характеристики, так как складывается в результате исторического опыта нации. Здесь возникает определенное противоречие, на которое указывали еще античные философы, изучению которого С. Хантингтон уделял особое внимание [Хантингтон 2003]. Мы считаем, классификация по объему функционального потенциала концепта возможна в юридическом дискурсе только на основе внутрисистемных связей: максимальное количество – суперконцепт (закон, легитимность, правоприменение, суд), минимальное количество связей – миниконцепт (привод, определение суда, исполнительный лист).

Каждый концепт юридического дискурса занимает вполне определенное, четко очерченное место в концептосфере, которое детерминруется системой знаний и различными формами опыта в различных видах деятельности, прежде всего, речевой и профессиональной.

Как бы то ни было понятийно-сущностная классификация концептов должна считаться первичной. Собственно, концепт здесь выполняет экстенциональную логическую функцию, охватывая какую-то совокупность конкретных, подпадающих под его понятийное определение ситуаций (реальных или потенциальных). Принципиальным здесь является общая аксиологическая квалификация объектов по родовому признаку. Такая классификация концептов скорее носит дедуктивный характер. Кроме того, такая классификация имеет экстралингвистическое предназначение, поскольку под ее критерий непосредственно подпадают объекты внешней (неязыковой) реальности. При этом, конечно, признается, что именно эта классификация является фундаментом концептуальной организации самого языка, то есть именно принципы экстраполируются в область языкового дискурса. Исследователь оказывается здесь в двойственном положении (на которое указывал еще И. Кант в своих «Пролегоменах», характеризуя категории числа): с одной стороны, эта классификация всецело объективна и экстралингвистична, с другой стороны – она же процесс и продукт реального социально-коммуникативного дискурсивного опыта языка [Кант 1993]. Собственно, дискурсивная или вербально-феноменологическая классификация концепта может быть названа вторичной. Но именно она в большей мере обращена к языку, характеризующему формы вербальной реализации и вербального закрепления концептов (независимо от их понятийного статуса) в дискурсивном опыте языка. С этих же позиций открывается возможность эволюционно-исторического изучения концептов в соответствии с опытом их рационализации, то есть их все более и более осознанного применения в речевом узусе – вплоть до окончательного номинативно-терминологического закрепления в языке. Вербальная реализация концепта – необходимая сторона его эмпирической верификации в составе дискурса.

Литература

- Алексеев С.С.* Право – институциональное социальное образование // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С.7-12.
- Воркачев Г.С.* Лингвокультурный концепт: Типология и области бытования. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2007, 400 с. С. 31-32.
- Кант И.* Прелегомены по всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта-Наука, 2006. 296 с.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
- Пименова М. В.* Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004а. 385 с.
- Тихомиров Ю.А.* Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. М., 1999. №8. С.5-12.
- Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. М.: Изд-во МГОУ «народный учитель», 2003. 179 с.
- Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: 1997, 526 с.
- Убийко Н.И.* Типологизация концептов в современном языкознании. М.: Наука, 1999, с.15-31.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 05.02.2014) // Собр. законодательства РФ. 2014. N 9. Ст. 851.

THE SYSTEM OF CONCEPTS IN LEGAL DISCOURSE

Maria N. Fedulova

Candidate to Doctor of Philology
English Language Department
Faculty of Foreign Languages
Military University
14, Bolshaya-Sadovaya str., Moscow, Russia
mfedulova@mail.ru

A particular system of values defines control over relations in society as well as regulates public order. The values system is introduced to society through different conceptospheres articulated in the specific semantic area of language. In the conceptosphere of law there exists a differentiation corresponding the legal system.

Therefore, reflecting the common system of social control, legal discourse exhibits an inner differentiated structure. The article analyzes the approaches towards the typology of legal discourse concepts and their classifications. The lexical semantics and lexical organization of discourse are thought to be a definite projection of conceptsphere of law and serve as criteria in conceptual analysis of the language of law. Accordingly, the issue arisen is the selection of criteria to define the typology of legal discourse as a special discourse. Acting as a social controller, legal discourse contains the cumulative component that depends on a properly selected lexical unit. The semantic components complex of a lexical unit makes up the informative intensity of the word semantics. In turn, the complex is the cumulative component, that plays an important part in regulating relations in society. Legal discourse is characterized by a number of specific features in terms of the concept genesis and functional status, the system of instruments to manifest its expressive representations. It is supposed that in addition to common ontological criteria for concept selection appropriate for any kind of discourse, the typology of discourse can be based on the criterion of informative intensity, i.e. concept volume, that can be actualized by both direct (terminological) and indirect (narrative) forms of expressive representation in any text.

Key words: concept, conceptsphere, typology of concepts, discourse, legal discourse.

References

Alekseev S.S. Pravo – institucional'noe social'noe obrazovanie [The law as institutional social education] // *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Issues of Theory of State and Law]. Saratov, 1983. Pp.7-12.

Vorkachev G.S. Lingvokul'turnyj concept: Tipologija i oblasti bytovanija. [Linguistic and Cultural Concept, Typology and Area of Existence] Volgograd: izd-vo VolGU, 2007, Pp. 31-32.

Kant I. Prolegomeny po vsjakoj budujushhej metafizike, mogushhej vozniknut' v smysle nauki [Prolegomena To Any Future Metaphysics Which Can Arise As Science]. M., 1993. 240 p.

Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. M.: Gnozis, 2004. 390 p.

Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku [Introduction to Cognitive Linguistics]. M.: Flinta-Nauka, 2006. 296 p.

Oljanich A.V. Prezentacionnaja teorija diskursa: Monografija [Presentational Theory of Discourse: Monography]. M.: Gnozis, 2007. 407 p.

Pimenova M.V. Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii [Soul and Spirit: Aspects of Conceptualization]. Kemerovo, 2004a. 385 p.

Popova T.G. Nacional'no-kul'turnaja semantika jazyka i kognitivno-sociokomunikativnye aspekty (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov). Monografija. [National and Cultural Semantics of a Language and Cognitive Sociocommunicative Cultural Aspects (a case study of texts in the English, German and Russian languages). Monography]. M.: Izd-vo MGOU «Narodnyj uchitel'», 2003. 179 p.

Tihomirov Ju.A. Pravo: nacional'noe, mezhdunarodnoe, sravnitel'noe [The law: national, international, comparative] // Gosudarstvo i pravo [State and Law]. M., 1999. No.8. Pp. 5-12.

Tihomirova L.V., Tihomirov M.Ju. Juridicheskaja ehnciklopedija [Legal Encyclopedia] / Pod red. M.Ju. Tihomirova. M.: 1997. 526 p.

Ubjiko N.I. Tipologizacija konceptov v sovremennom jazykoznanii [The Typology of Concepts in Modern Linguistics]. M.: Nauka, 1999. Pp.15-31.

Hantington S. Stolknovenie civilizacij [The Confrontation of Civilization] M.: AST, 2003. 603 p.

Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniiem 12 dekabrja 1993 g. (s izm. i dop. ot 05.02.2014). [The Constitution of the Russian Federation (Adopted at National Voting on December 12, 1993, as amended of February 5, 2014)] Sobr. zakonodatel'stva RF. 2014. No. 9. St. 851.

УДК 81'23

**СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТИ «ЖИЗНЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ**

Уфимцева Наталья Владимировна

зав. сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН,
доктор филологических наук, профессор
125009 Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1
nufimtseva@yandex.ru

Исследование содержания знаний, стоящий за словом в образе мира носителя языка/культуры, является одним из приоритетных направлений этнопсихолингвистических исследований в московской психолингвистической школе. Предлагаемое исследование посвящено анализу содержания ценности «жизнь» в языковом сознании носителей бурятского, коми, русского, татарского и якутского языков/культур. Исследование проводилось методом свободного ассоциативного эксперимента с представителями одной социальной группы – студентами, в возрасте от 17 до 26 лет в нескольких регионах РФ (Республики Бурятия, Коми, Татарстан и Якутия). Анкеты респондентам предлагались на русском, татарском и якутском языках. В задачу исследования входило изучение изменений, которые произошли в содержании ценности «жизнь» в языковом сознании русских в период с 1998 по 2017 гг., а также выявление региональных особенностей содержания этой ценности. В процессе анализа учитывались следующие факторы: родной язык/культура, регион проживания, временной период (синхрония/диахрония). Для анализа ассоциативных полей использовался модифицированный семантический гештальт Ю.А. Караулова. Значение понималось по А.А. Леонтьеву как отображение социокультурной реальности.

Ключевые слова: образ сознания, ценность «жизнь», региональное языковое сознание, свободные ассоциативный эксперимент, семантический гештальт.

Система ценностей задает неповторимый облик центральной зоны любой культуры и, по мнению С.В. Лурье [Лурье 1997], остается неизменной на протяжении всего времени ее существования. Возможны различные подходы к исследованию содержания ценностей. Подход с позиций московской психолингвистической школы предполагает исследование прежде всего содержания ценностей, т.е. общественно выработанных значений, и их отражения в обыденном сознании носителя языка/культуры.

Каждый этнос характеризуется своими особыми системами восприятия мира. Они формируются в процессе практической деятельности людей на основе их собственного опыта и традиций, унаследованных от предыдущих поколений.

Ценности всегда имеют социальный характер и, усваиваясь в разных социальных ситуациях каждым членом данной культуры в процессе деятельности и общения, влияют на характер социума и на личность, в него входящую.

Особый интерес представляет анализ содержания ценностей в обыденном сознании носителей разных культур, длительное время проживающих на одной территории в постоянном контакте и говорящих на одном языке. Такова ситуация в Республиках Коми, Татарстан, Бурятия и Саха (Якутия), где наряду с коренным населением проживает значительное число русских (в Республике Коми они преобладают, в Республике Татарстан существует примерный паритет по числу жителей обеих национальностей, в Бурятии русских примерно в два раза больше, чем бурят, а в Саха русских – 37,8%). Интерес представляют и процессы, происходящие в языковом сознании автохтонных жителей республик, и изменения в содержании сознания русских под влиянием автохтонной культуры.

Продолжим на новом экспериментальном материале наше исследование особенностей содержания ценности «жизнь» в языковом сознании носителей языка/культуры (см. [Уфимцева 2016]), который показал существенные различия в содержании знаний, соотносящихся с понятием **жизнь** у двух поколений русских испытуемых. Эти различия обусловлены социокультурными изменениями в нашем обществе, произошедшими в период с 1998 по 2011 год.

Как и ранее, респондентами в наших экспериментах выступали студенты разных вузов: буряты, коми, русские, татары и якуты в возрасте от 17 до 26 лет обоего пола (примерно в равных долях в выборке), а экспериментальным методом оставался свободный ассоциативный эксперимент. Эксперименты проводились на русском, татарском и якутском языках в 2015 – 2017 гг. С татарами и якутами эксперимент проводился на двух языках – родном и русском, а с остальными респондентами – только на русском языке. Для анализа экспериментального материала использовалась модифицированная методика построения «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова [Караулов 2000].

Рассмотрим содержание языкового сознания русских респондентов, проживающих в разных регионах России. Прежде всего, вспомним, как изменились представления о жизни в обыденном языковом сознании молодых носителей русского языка / культуры с 1998 по 2011 гг. Результаты сравнения данных Русского ассоциативного словаря (РАС) [Караулов и др. 2002], Русского регионального словаря по Европейской части РФ (ЕВРАС) [Черкасова, Уфимцева 2015], по Уралу (УРРАС) [Харченко, Черкасова 2016] и по Сибири и Дальнему Востоку (СИБАС) [Шапошникова, Романенко 2014] показали, что ценность **жизни** повысилась: она вышла на второе место в ядре языкового сознания (после **человека**) в материалах и ЕВРАС, СИБАС и УРРАС. По данным РАС понятие **жизнь** занимает третье место в ядре языкового сознания. Прежде всего, **жизнь**¹ соотносится со *смертью* (РАС – 50, ЕВРАС – 75, УРРАС – 62, СИБАС – 56). Из *науки* (РАС – 14) **жизнь** превратилась в *игру* (ЕВРАС – 13), (УРРАС – 9), (СИБАС – 8). Значительно более актуальным по сравнению с РАС во всех региональных словарях стало представление о **жизни** как о *счастье, радости*. **Жизнь** представляется всем молодым жителям российских регионов прежде всего *прекрасной и хорошей*.

---

¹ Полужиром выделяется слово-стимул, курсивом – слово-реакция.

По данным РАС, действия образуют вторую по рангу зону гештальта с высокой частотностью входящих в нее единиц: *жизни радуемся* 40, пытаемся ее изменить 36, отдать 28, любить 25, возродить 16, посвятить 13, прожить 9, познать 4. Как мы уже писали [Уфимцева 2016], налицо отражение жертвенного, альтруистического сознания активно действующего в мире субъекта. Через десять лет перед нами предстает совсем другая картина. В ЕВРАС действия образуют пятую по рангу, очень немногочисленную зону гештальта: *жизнь идет* 4, *прожить* 4, *удалась* 3, *люблю* 2; в УРРАС – четвертую по рангу, также немногочисленную зону: *жизнь идет* 3, *продолжается, прожить* 2, *удалась* 2; в СИБАС – третью по рангу немногочисленную зону: *жизнь удалась* 6, *идет* 3, *любит* 3, *дана* 2. У *жизни* практически пропали *смысл* (РАС – 35², ЕВРАС – 3, УРРАС – 1, СИБАС – 3) и *цель* (РАС – 13, ЕВРАС – 0, УРРАС – 0, СИБАС – 1). Эти изменения демонстрируют существенные различия в содержании знаний, соотносящихся с понятием *жизнь* у двух поколений испытуемых, и являются отражением социокультурных изменений в нашем обществе.

Проанализируем далее содержание ассоциативного гештальта слова-стимула *жизнь* по материалам ассоциативного эксперимента в различных регионах России. Начнем с Республик Коми и Татарстан (Таблица № 1).

Таблица № 1.

Слово-стимул *жизнь* (данные в %)

Зона/Регион	Русские в Республике Коми	Коми на русском языке	Русские в Татарстане	Татары на русском языке	Татары на татарском языке
Субъект	2,8	-	2,3	4,4	1,6
Объект	45,6	45,8	42,2	39,4	18,9
<i>Предметы и реалии</i>	10,1	5,5	9,9	7,9	11,6
<i>Ценности, эмоции</i>	16,2	18,8	14,1	12,8	0,8
<i>Квазисинонимы</i>	2,8	4,2	1,3	1,5	5,8
<i>Квазиантонимы</i>	16,5	17,3	16,9	17,2	0,8
Характеристика	41,7	52,8	45,3	44,6	31
<i>Положительная</i>	17,4	34,7	22	25,9	21,3
<i>Нейтральная</i>	27,5	14,6	20,1	16,4	9,4
<i>Отрицательная</i>	2,8	3,5	3,2	2,3	-
Действие, состояние	2,8	1,4	2,2	2,9	44,8
	0,8	-	0,9	-	-
Локус	0,5	-	-	2,9	-
Эго	3,4	-	2,9	1,7	-
Время	0,5	-	2,2	1,7	-
Устойчивые словосочетания	1,1	-	1,9	1,7	1,9
Прочие	0,5	-	-	0,6	2,3

² Цифрой указана частота встречаемости слова-реакции.

Как мы видим, структура ассоциативного значения (ассоциативного гештальта) слова-стимула **жизнь** (распределение по зонам) у всех пяти групп испытуемых в общих чертах совпадает, однако иерархия выделенных зон гештальта различается. Особо выделяется группа испытуемых-татар, опрошенных на татарском языке.

В содержании ассоциативного гештальта мы видим как сходства, так и различия.

Зона Субъект. У испытуемых-коми реакции в этой зоне отсутствуют. Остальные четыре группы испытуемых указывают на *семью, род*. Русские в Коми называют *мату и ребенка*, а русские в Татарстане – *человека и детей*. У испытуемых-татар на русском, появляется реакция *врага*, и на татарском языке – *кеше* (человек).

Зона Объект. Все группы испытуемых, кроме коми и татар, отвечавших на татарском языке, ассоциируют жизнь с *игрой и дорогой*, а коми – с *путем, временем и дорогой*. Для всех групп испытуемых, опрошенных на русском языке, **жизнь** – это *счастье, радость, смысл, любовь*. Остановимся более подробно на реакции *смысл*. Мы видим, что эта реакция вновь вернулась в ассоциативное поле слова-стимула **жизнь**, причем с довольно весомой частотой (русские в Коми – 5, Русские в Татарстане – 4, коми на русском – 5, татары на русском – 5, и еще у них же реакция *со смыслом* 3). Кроме того, у обеих групп русских респондентов и у татар, опрошенных на русском языке, в этом ассоциативном поле появилась и реакция *цель* (2), правда со скромной частотой. У обеих групп русских испытуемых наиболее частотной является антонимическая реакция *смерть* (35), а у испытуемых-татар, отвечавших на русском языке, и у коми на первом месте *боль*, а потом *смерть*. У испытуемых-татар, опрошенных на татарском языке, реакция *үлем* ‘смерть’ имеет частоту 2, а самой частой реакцией является слово *үтә* ‘проходить’(55).

Зона Эго. В этой зоне у русских испытуемых присутствуют реакции *моя и твоя*, а у испытуемых-татар на русском языке только *моя*. **Зона Характеристика.** Большинство реакций у всех групп испытуемые положительные или нейтральные. **Жизнь**, по мнению респондентов, *прекрасна, хороша, счастливая, долгая*, хотя может быть *тяжелой и сложной*.

Особо остановимся на зоне ассоциативного гештальта **Действие, состояние**. **Жизнь**, как отмечают все испытуемые, *идет, удалась, проходит*, ее можно *прожить*. Действие по-прежнему занимает очень скромное место в ассоциативном гештальте респондентов, опрошенных на русском языке (от 3,6% у русских в Коми до 1,4% у коми). Выделяются по этому параметру результаты опроса татар, отвечавших на татарском языке, у которых зона **Действие, состояние** занимает 44, 8%. Однако характер называемых действий ничем не отличается от характера реакций других групп испытуемых: *үтә* (‘проходить’ 55), *итү* (‘жить’ 24), *яшиү* (‘жить’ 15), *уза* (‘проходит’ 14), *итәргә* (‘жить’ 4).

Анализ показывает, что у русских испытуемых в двух обследованных регионах содержание ассоциативного гештальта слова-стимула **жизнь** по сравнению с Русским региональным словарем изменилось – у **жизни** опять появились *смысл* и *цель*, однако действия, которые в сознании наших испытуемых связаны с **жизнью**, по-прежнему окрашены гедонистически, а **жизнь** видится всем нашим испытуемых, кроме коми, *игрой*.

Далее проанализируем результаты ассоциативного эксперимента в двух других регионах – в Республиках Бурятия и Якутия (см. Таблицу 1а).

Условия эксперимента, список стимулов и респонденты были аналогичными. Эксперимент проводился в 2016-17 годах в г. Улан-Удэ и г. Якутске.

Таблица № 1а.

Слово-стимул **жизнь** (данные в %)

Зона/Регион	Русские в Республике Бурятия	Буряты на русском языке	Русские в Якутии	Якуты на русском языке	Якуты на якутском языке
Субъект	2,8	4,4	3,9	2,9	2,7
Объект	43,9	52,2	39,0	46,3	52,0
Предметы, реалии	5,0	7,1	7,0	11,7	8,8
Ценности, эмоции	17,0	22,0	6,2	8,8	15,5
Квазисинонимы	-	-	1,6	3,7	25,7
Квазиантонимы	21,9	23,1	24,2	21,1	2,0
Характеристика	38,3	32,4	51,5	45,6	36,5
Положительная	10,6	9,3	23,4	20,6	11,5
Нейтральная	27,7	23,1	26,5	23,5	13,5
Отрицательная	-	3,5	1,6	1,5	11,5
Действие, состояние	5,7	9,9	1,6	-	6,1
	-	-	0,9	-	1,3
Локус		-	-	-	-
Эго	2,8	3,3	3,9	3,7	-
Время	6,4	1,1	-	-	-
Устойчивые словосочетания	-	-	-	-	1,3
Прочие	-	-	-	1,5	0,7

Как мы видим структура ассоциативного значения (ассоциативного гештальта) слова-стимула **жизнь** (распределение по зонам) у всех пяти групп испытуемых в общих чертах совпадает, однако иерархия выделенных зон гештальта различается. Особо выделяется группа русских испытуемых, опрошенных в Якутии.

В содержании ассоциативного гештальта, как и у первых пяти групп респондентов, мы видим как сходства, так и различия.

Зона **Субъект** очень скромна по объему у всех испытуемых и содержит общую реакцию *семья*. У русских в Бурятии появляется еще и реакция *дети*, у бурят на русском – *мама*, а у якутов на якутском – *дьон* ‘люди’.

Зона **Объект**. Русские в Бурятии, буряты на русском и якуты на якутском языке ассоциируют **жизнь** с *дорогой*, а русские в Якутии и якуты, отвечавшие на русском языке, ассоциируют ее с *игрой*. Для всех групп испытуемых, опрошенных на русском языке, **жизнь** – это *счастье, радость, любовь*. *Смысл и цель* появляются в ассоциативном поле только у испытуемых-бурят на русском языке и у якутов на русском языке, а у двух групп русских испытуемых с **жизнью** связана *свобода*. У всех групп испытуемых, опрошенных на русском языке, наиболее частотной является антонимическая реакция *смерть*, а у испытуемых-якутов на якутском

языке – *дьаһах* ‘быт, бытие’ 29. В их образе мира играет большую роль связанное с **жизнью** предопределение – *дьылба* ‘судьба, рок, участь, доля’ 7.

Зона **Эго**. В этой зоне у всех испытуемых, опрошенных на русском языке, присутствуют только одна реакция *моя*, а у испытуемых-якутов на якутском языке реакции в этой зоне отсутствуют. Зона **Характеристика**. Большинство реакций у всех групп испытуемых нейтральные, а у якутов на якутском языке количество положительных и отрицательных реакций совпадает (по 11,5%). Отметим, что у них и самое большое количество отрицательных реакций. Им **жизнь** видится *ыарахан* ‘тяжёлой, трудной, сложной’ 15.

А теперь рассмотрим особо нас интересующую зону ассоциативного гештальта **Действие, состояние**. Реакции в этой зоне отсутствуют у испытуемых-якут на русском языке, мало представлены у русских в Якутии, а самое большее их число мы видим у испытуемых-бурят на русском языке (9,9%). **Жизнь** у русских в Бурятии и испытуемых-бурят на русском языке связана с такими действиями: *жить, идет, любить*, а у якут на якутском языке **жизнь** *устар* (течет 4).

Как мы видим, у русских испытуемых в Бурятии и Якутии, с одной стороны, и в Коми и Татарстане, с другой, содержание ассоциативного гештальта слова-стимула **жизнь** различается. В Бурятии и Якутии у русских испытуемых у **жизни** *смысл* и *цель* в ассоциативном гештальте отсутствуют, жизнь по-прежнему связана с *игрой* у русских в Якутии; они же дают больше отрицательных реакций (*боль, говно*). Действия, которые в сознании этих групп испытуемых связаны с **жизнью**, по-прежнему окрашены гедонистически.

Таким образом, мы видим, что у русских испытуемых содержание ассоциативного гештальта слова-стимула **жизнь** различается не только в диахронии, но и в синхронии в зависимости от региона, в котором проводился эксперимент. Это еще раз подтверждает представление о значении слова как отображении социокультурной реальности.

Анализ показывает, что в целом выявляемые различия в содержании ассоциативного гештальта могут быть связаны с языком, на котором отвечали респонденты, с культурой (независимо от языка), а также с регионом, в котором проводился эксперимент.

Литература

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С.191-206.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1,2, М.: АСТ-Астрель, 2002. 782 с., 991 с.

Уфимцева Н.В. Жизнь как ценность: эволюция содержания // Вопросы психолингвистики, № 3 (29), 2017, С. 15-19.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь – ЕВРАС, URL: iling-ran.ru/main/publications/evras.

Черкасова Г.А., Харченко Е.В. Русский региональный ассоциативный словарь – УРРАС, URL: iling-ran.ru/main/publications/urras.

Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь – СИБАС, т. 1, М.: МИЛ, 2014. 536 с.

THE CONTENT OF VALUE “LIFE” IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN CROSS-CULTURAL COMPARISON

Natalia V. Ufimtseva

Head of Ethnopsycholinguistics Sector

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoi Kislovskiy per., Moscow, 125009 Russia

Professor, Doctor of Philology

nufimtseva@yandex.ru

Among the ethnopsycholinguistic studies conducted by Moscow psycholinguistic school the investigation of the content associated with a word in native speakers' / culture-bearers' image of the world is one of utmost importance. The current study analyzes the value of “life” and its reflections in the language consciousness of native speakers/ culture bearers, namely, Buryats, Komis, Russians, Tatars and Yakuts. The study was conducted by means of a free associative experiment within one social group, students, aged from 17 to 26 in several regions of the Russian Federation (Republics of Buryatia, Komi, Tatarstan, and Yakutia); respondents were offered questionnaires in the Russian, Tatar, and Yakut languages. The research was aimed at studying the changes that occurred in the Russians' language consciousness content, associated with the value “life”, in the period from 1998 to 2017, as well as defining regional features of the content. The analysis took into account mother tongue / culture, region of residence, time period. To process the obtained associative fields, a modified semantic gestalt was used. The content was understood as a reflection of sociocultural reality.

Key words: image consciousness, “life” as a value, regional linguistic consciousness, free associative experiment, semantic Gestalt.

References

Karaulov Yu.N. Pokazateli natsionalnogo mentaliteta v assotsiativno-verbalnoy seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]// Yazykovoye soznaniye i obraz mira [Language consciousness and image of the world]. М.: Institut yazikoznaniya, 2000. S.191-206.

Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkiy assotsiativnyy slovar [Russian Dictionary associative]. T.1.2. М.: AST-Astrel. 2002. 782 s., 991 s.

Ufimtseva N.V. Zhizn' kak cyennost': ehvolyuciya sodержaniya [Life as a value: the evolution of content]//Voprisi psiholingvistiki, N 3 (29), 2016, PP. 15-19.

Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar – EVRAS [Russian regional associative slovar – EURAS]. URL: iling-ran.ru/main/publications/evras

Cherkasova G.A., Kharchenko E.V. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar – URRAS [Russian regional associative slovar – URRAS]. URL: iling-ran.ru/main/publications/urras.

Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar – SIBAS [Russian regional associative slovar – SIBAS]. Т. 1. М.: MIL. 2014. 536 s.

УДК 81'23

**МОТИВАЦИОННАЯ БАЗА РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹**

Шапошникова Ирина Владимировна

главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

доктор филологических наук, профессор гуманитарного института НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

i.shaposhnickowa@yandex.ru

Статья продолжает цикл авторских работ по исследованию гуманитарных последствий реформы в системе высшего образования. Проблема исследуется в контексте мотивационных установок реформаторской деятельности и их конвертации в явленные участникам образовательного процесса в опыте результаты. На экспериментально полученном материале (эталонные для русского языкового сознания четыре ассоциативные базы, включая новейшие региональные; локальные данные от дополнительного цепочечного ассоциативного эксперимента) рассматриваются ключевые для русской языковой личности противоречия в системе профессиональной идентификации, отражающие суть глубинных изменений, произошедших в российском обществе (и системе образования) последних десятилетий. Проводится анализ смысловой структуры ряда образов, связанных с профессиональной идентификацией. На этой основе выводятся психоглоссы, позволяющие сопоставлять ассоциативно-вербальные данные в синхронно-диахронной перспективе. Обсуждаются дискуссионные аспекты в использовании сетевых моделей в междисциплинарной лингвистике. Выявление психоглосс, маркирующих социально обусловленные противоречия профессиональной идентификации, рассматривается автором как один из путей получения необходимых и актуальных для текущего состояния системы знаний (наряду с данными из других источников) для выполнения комплексной гуманитарной экспертизы в сфере образовательной деятельности. Такая экспертиза может быть направлена на поиск путей оптимизации гибких ресурсов развития в системе образования.

Ключевые слова: мотивационная база реформы образования, проблема оценки последствий реформ для индивида и общества, русская языковая личность, языковое сознание, психолингвистические методы в исследовании противоречий процессов идентификации, ассоциативно-вербальные данные последних десятилетий (РАС, СИБАС и ЕВРАС), комплексная гуманитарная экспертиза, воплощенность личности как нравственная основа образовательной деятельности.

В публичных выступлениях, посвященных психолого-педагогической деятельности, А.А. Леонтьев, синтезируя идеи российской педагогики, психологии и философии, делал акцент на **человекообразовании** как глобальной задаче образования и воспитания. Образование представлялось ему теорией жизни,

---

Работа выполнена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № П.2П «Интеграция и развитие», проект 0328-2015-0011 «Формирование новых типов идентичности и отражение исторической памяти в языковом сознании общества».

человекообразованием на фоне того, что не является человеком, а учение - самостроительством с постоянным изменением системы, состоящей из организма и среды. Личность в этом контексте предстает как узел, который связывает развитие общества и индивидуальное (субъективное) развитие [Леонтьев 2001]. Установка на человекообразование имеет глубокую научную основу, она согласуется с тем, что современная междисциплинарная наука (в отличие от политики) может дать обществу в качестве фундаментальной базы для сохранения и развития человека. Современное российское общество, пребывающее в состоянии инерции смутного времени с деградацией механизмов социальной регуляции, продолжает игнорировать последствия гуманитарных реформ, в которых человекообразованию не нашлось места.

В двух предыдущих статьях, посвященных непреодоленным последствиям разрушительной части реформ [Шапошникова 2016 а;б], на основе анализа экспериментальных данных описывались противоречия модусов русского коллективного сознания, связанные с разрушением социокультурной и гражданской идентичности. В настоящей статье мы продолжим рассмотрение этой проблемы применительно к профессиональной идентификации как к важнейшей задаче высшей школы.

Какую главную задачу для личности и общества как регулятора социальных отношений несет в себе «человекообразование»? По всей видимости, «человек образовался» означает «воплотился в определенном желанном качестве». Если воплотился в какой-то конкретной востребованной обществом профессии, то личный интерес совпал с интересами общества. Как воплотиться? На каком содержании, в каких общественных нишах? Кроме внутренних, нормальных для становящейся личности конфликтов в этой сфере, есть внешние, которые навязаны обществом через специфику условий социализации, в том числе и через систему образования. Какие противоречия, затрудняющие человекообразование с точки зрения воплощенности в профессии, имеются сегодня в системе?

Корни противоречий уходят в 80-90-е годы. Исходя из постулатов Н.П. Бехтерева [Бехтерева 2015] о работе мозга как социальной модели, можно предположить, что в экстремальных жизненных ситуациях, как, впрочем, и во всех иных, могут проявляться общие и для личности конкретного человека и для личности народной закономерности. Одним из самых очевидных признаков смутного времени как экстремальной ситуации в жизни народа является кризис подлинности. Такие периоды характеризуются конфликтностью обесмысливающих друг друга смысловых образований, состоянием, которое М.Ш. Магомед-Эминов назвал *смыслоутратностью* [Магомед-Эминов 1998: 37], сопряженной с порождением неподлинных решений и смыслов. Итоговый вектор заложенных в этих условиях преобразований может сильно отличаться от самых благих намерений профессионалов, ожидавших изменения реформируемой сферы в лучшую сторону. Именно в таких условиях и была зачата реформа образования. «Только освободившись от смыслов, задающихся “комплексами”, личность может обрести подлинные смыслы. Утрата неподлинного смысла есть этап на пути возрождения личности – обретения подлинного смысла» [Магомед-Эминов 1998: 200], (цит. по [Леонтьев 2007: 332]).

Какие характерные для смутного времени смысловые образования можно квалифицировать как неподлинные для русского человека и российского суперэтнуса? Это то, что сулит *цивилизационное и гражданское развоплощение*, разрушая жизнестойкость идентификации народа. Наиболее опасные точки разрыва в

смысловой структуре того времени (на фоне деструктивного внешнего воздействия): негативный образ своей страны и цивилизации (нигилизм части западнорыночных элит) и утилитарность (примитивизм) тотальной вульгарно-рыночной ориентации социальных структур. И то и другое подпитывалось скудностью (у большинства населения) опыта прямых контактов с внешним миром. В итоге сложилась поддержанная компрадорской элитой система с импортными принципами стандартизации, направленными на воспитание *мобильного «рыночного» человека (мигранта) под евроцентричную модель занятости*, на фоне разрушения своего промышленного и экономического потенциала, социальной базы государства в стране и в научно-образовательной сфере в особенности. Реализация такой модели основывается на гражданском и цивилизационном развоплощении эмигрантского типа с потребительскими доминантами, уничтожающими надличностные мотивы, то есть *снижающими качество социально значимой мотивации*.

Рассматривая текущую ситуацию с точки зрения взаимодействия жестких и гибких, то есть способных, по словам Н.П. Бехтерева, «реагировать не только на задачу, но и на условия ее выполнения» [Бехтерева 2015: 182] звеньев системы, приходится констатировать повышенную жесткость (репрессивность) административных механизмов, которые в массе своей *купируют гибкий ресурс*, так как *заточены на утилитарно-рыночную мотивацию*. Жесткие механизмы стягивают активный ресурс к конкретным точкам, что чревато кадровым оголением регионов через ЕГЭ и администрирование. В них также присутствует опасная (и дорогостоящая во всех смыслах) тенденция к упрощению и примитивизации системы. Ярким примером такой активности служит ЕГЭ, который устанавливает противоречащие духу нормальных отношений учителя и ученика практики полицейского типа. Между тем еще в ранних работах А.Н. Леонтьева было экспериментально доказано, что для методик, тестирующих практический интеллект школьника, главное – не сам факт решения задачи, а тот способ, которым это решение достигается: «Эффективность одной и той же операции может быть совершенно одинаковой у дебильного и нормального ребенка и у взрослого, но по своей структуре эти операции качественно отличаются друг от друга» [Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова 2005: 162]. Что же говорить о методиках проверки итоговых достижений личности ученика по окончании школы! Для филологических (лингвистических) задач это особенно важно, так как способы их решения преимущественно связаны с умениями владеть словом в живой речевой деятельности, что и подлежит оценке через живую практику общения. Те гуманитарные установки с неподлинными по отношению к цивилизационным вызовам современной России смыслами, которые сложились стихийно в 80-90-е годы, сегодня *реализованы системно в высшем образовании* в нашей стране. Их анализ необходим для того, чтобы можно было привести эту сферу в адекватное состояние, где цивилизационные преимущества российского суперэтнуса получали бы подкрепление, а не разрушались системой, как это происходит в настоящее время.

Полученные в России экспериментальные данные общероссийского масштаба позволяют нам опереться на психолингвистические приемы выявления проблемных точек в образовательной деятельности, поскольку дают возможность считывать информацию с ассоциативно-вербальной сети (далее: АВС) носителей русского языкового сознания в пределах нескольких последних десятилетий. АВС – один из источников получения информации о смысловой стороне образов сознания в их системных связях. Очень важным для профессиональной идентификации

нам представляется фундаментальное положение психологии деятельности А.Н. Леонтьева о том, что деятельность, которая породила смысл, отражается в нем своей структурой и свойствами. Соответственно, сознание, и психика в целом, имея динамическую смысловую природу, не могут рассматриваться адекватно вне порождающих их деятельностей. Для психолингвистического анализа указанных явлений, подразумевающего работу с их вербализацией, нам представляется уместным использовать предложенный Ю.Н. Карауловым термин «психоглосса» [2010: 157-158].

Ю.Н. Караулов вводит термин «психоглосса» в описании природы языковых процессов с учетом субъективного фактора – личностного [Караулов 2010: 157-158]. Введение личностного фактора потребовало аппарата его фиксации и описания. Понятие «языковая личность» (носитель языкового сознания) у Ю.Н. Караулова эксплицируется в трех ипостасях (вербально-грамматической, когнитивной и мотивационно-прагматической). Понимая под психоглоссой единицу анализа языкового сознания, имеющую формальное (вербальное) и содержательное наполнение и обладающую относительной устойчивостью во времени, Ю.Н. Караулов выявляет три типа психоглосс в соответствии с тремя уровнями языковой личности. Это *грамматические* психоглоссы, связанные со знанием родного языка; способные представлять типичные категории образа мира соответствующей эпохи *когнитивные* психоглоссы и *мотивационные*. В нашем анализе (в рамках данной статьи) приоритетными будут когнитивные и мотивационные психоглоссы, поскольку, по всей видимости, именно они отражают динамику (и устойчивость) смысловой структуры русского языкового сознания в интересующем нас идентификационном измерении. Нам представляется оправданным описывать этим термином смысловые образования, которые выявляются на основе частотных показателей сети ассоциативно-вербальных связей и могут соотноситься с соответствующими смысловыми доминантами языковой личности, позволяющими судить о целостности или противоречивости (чреватой смыслоуtratностью) ее смысловой структуры. В ходе предварительных наблюдений над новым экспериментальным материалом при его обработке и подготовке ассоциативного словаря СИБАС в период с 2008 по 2013 гг. отмечались признаки наличия устойчивых психоглосс в языковом сознании студентов конца первого и начала второго десятилетия XXI в., ассоциирующих понятие *невостребованности* со значимыми для профессиональной идентификации понятиями *работы, профессии, специальности, труда, кадров, образования, квалификации, учебы* и даже *знаний*. На фоне невыевленности аналогичных модусов в РАС и САНРЯ это явление предстает как новообразование, которое заслуживает специального рассмотрения.

Проанализируем несколько единиц и их связей в русских ассоциативных базах данных и словарях:

1) Новейшие данные из СИБАС (2008-2013гг.) и ЕВРАС (2008-2013гг.), полностью сопоставимых по репрезентативности и составу единиц.

2) Данные перестроечного времени из ассоциативного тезауруса РАС (1988-1997гг.). Тезаурусный формат обеспечен трехэтапным массовым экспериментом с постепенным наращиванием ассоциативно-вербальной сети в итоге, в отличие от пока одноэтапных СИБАС и ЕВРАС.

3) Третий источник (70-е годы прошлого века) – словарь ассоциативных норм (получен на ограниченном материале 200 стимулов) САНРЯ.

Учитывая специфику каждого из трех типов источников, мы провели количественный и семантический анализ интересующих нас ассоциативных полей

(далее: АП) внутри каждого источника, выделяя в них релевантные для понимания исследуемой проблемы семантические зоны с последующим определением их удельного веса по отношению друг к другу в структуре рассматриваемых полей. Диахронному сопоставительному анализу подвергается относительная динамика этих смысловых зон и особенности их наполнения конкретными единицами, отражающими специфический опыт конкретных периодов в жизни народа. Рассматривая таким образом отдельные подсистемы ассоциатов, можно вывести не только характерные для каждого времени психоглоссы, но и более устойчивые, со всей спецификой их конкретного наполнения по периодам.

Начнем с АП **Образование** в прямом ассоциативном тезаурусе РАС. Оно оказалось относительно небольшим: фиксируется всего 102 реакции - 22 разные, 14 единичных. В этом АП выявляются следующие семантические зоны: названия ступеней обучения и учреждений, дефиниции сути процесса получения образования, оценочные ассоциации. Примерно такую же картину дает обратный РАС. Наполняемость этого АП также невелика: 25 разных реакций из 39 имеющихся. В целом АП стимула **образование** этого периода отражает отсутствие глубокой рефлексии над сутью происходящих преобразований. Вместе с тем растерянность социальной среды вкупе с нигилистической направленностью антисоветской пропаганды 90-х годов уже начинает проявляться в содержании оценочных единиц: *очковтратительство, нищенский, обозвать*².

АП **Образование** в прямых словарях СИБАС (всего 504 реакции, из них 138 разных, 7 отказов, 103 единичных) и ЕВРАС (всего 542, 110 разных, 4 отказа и 69 единичных) значительно богаче ассоциациями, что свидетельствует о более высоком (по сравнению с предыдущим периодом) интересе носителя языкового сознания к данной сфере. В Таблице №1 приводятся результаты анализа смысловых зон этого поля.

Таблица №1

Сравнительные данные об АП **Образование** в СИБАС и ЕВРАС

Семантические зоны ассоциативного поля	Количество <i>повторяющихся</i> реакций, представляющих конкретную семантическую зону. Примеры ассоциатов		Количество <i>единичных</i> реакций, представляющих конкретную семантическую зону. Примеры ассоциатов	
	СИБАС	ЕВРАС	СИБАС	ЕВРАС
Общее количество 100%	394	469	103	69
Ступени, организационные формы образования, атрибуты, субъекты процесса	высшее 215 ; университет 16 ; школа 15 . <u>Всего: 72,6%</u>	высшее 244 ; школа 18 ; вуз 16 ; диплом 12 ; университет 11 . <u>Всего: 69,5%</u>	II классов; 4 года; в академии; второе; ученая степень; ученик; учитель; экзамены. <u>Всего: 39,8%</u>	аттестат; высшая ступень; министерство; российское; студент; универ. <u>Всего: 37,7%</u>

² Цифры, сопровождающие слова-ассоциаты, показывают частоту их возникновения в эксперименте по данным рассматриваемых словарей; единичные реакции не сопровождаются цифровыми показателями.

Толкование понятия об образовательной деятельности, качествах, востребованных ею и формируемых в ней	учеба 19 ; знание 9 ; будущее; наука 7 ; знания; ум 5 ; работа 4 ; умный; учение; учить 3 ; возможность; интеллект; карьера 2 . <u>Всего: 20%</u>	учеба 19 ; знание; наука 10 ; ум 9 ; будущее; жизнь; учение 4 ; карьера 3 ; интеллект; образованность; обучение; путь; статус; умный 2 . <u>Всего: 19%</u>	будущие; деятельность; культура; личность; обучение; перспективы; просвещение; профессия; специальность; труд; упорство; учиться; цель. <u>Всего: 23%</u>	учить; учиться; воспитание; дело; мозг; моя жизнь; опыт; познание; предложение; просвещение; самостоятельно; этап <u>Всего: 20,2%</u>
Позитивные оценки (ожидания и мотивы)	нужно; хорошее 5 ; свет 4 ; необходимо; необходимость 3 ; важно; лучшее; надо 2 . <u>Всего: 6,6%</u>	хорошее 10 ; нужно 6 ; лучшее 4 ; польза 3 ; важное; качественное; отличное; хорошо 2 ; <u>Всего: 8,3%</u>	гордость; добро; круто; надежда; нужная вещь; прогресс; радость; рост; сила; стремное; универ, хорошо; чудо; шаг вперед; шанс <u>Всего: 20%</u>	важно; дар; необходимость; нужное; обязательно; разностороннее; свет; супер; хочется; честь <u>Всего: 16%</u>
Оппозиция: платное – «бесплатное»	платное 3 <u>Всего: 0,8%</u>	платное 4 ; деньги 3 <u>Всего: 1,5%</u>	бесплатное <u>Всего: 0,9%</u>	дорогое; платить <u>Всего: 5,8%</u>
Негативные оценки (ожидания, мотивы и эмоции)	-	плохое 5 ; 1,7%	дурь; зло; наказание; недоступно; плохое; псевдообразова- ние; сдал и забыл; смерть; стресс; чужое <u>Всего: 10,6%</u>	в упадке; гибнет; дурак; дураки; посредственное; развалено; скудное; тщетно <u>Всего: 11,6%</u>
Прочие (персоналии или другие значения слова)	-	-	Жириновского; сгусток; Фурсенко, и др.	зарождение; нарос; облака; плода, и др.

Дополнительный (цепочечный) ассоциативный эксперимент со студентами одного из ведущих вузов страны – Новосибирского государственного университета (НГУ) (69 человек³ дали ответы на стимул **Образование**), показал такие результаты:

³ Для цепочечного эксперимента, в целях получения развернутого представления о процессе ассоциирования, были привлечены испытуемые, которые заканчивали обучение на третьем курсе бакалавриата и имели опыт достаточно длительного пребывания в системе. Были целенаправленно привлечены студенты одной профессиональной сферы деятельности (филологи) со всеми филологическими специализациями, имеющимися в НГУ (лингвисты-германисты, романисты, русисты; филологи, изучающие восточные языки, специализирующиеся в области межкультурной коммуникации, перевода, прикладной и теоретической лингвистики). Всего в эксперименте приняли участие 69 человек. Каждой из полученных 69 анкет был присвоен номер. Здесь и далее в примерах, иллюстрирующих результаты цепочечного эксперимента, конкретный номер перед списком реакций, означает, что речь идет о цепочке ассоциатов в ответе одного и того же испытуемого. В списках слов-реакций, не предваряющихся номером, примеры взяты из ассоциативных цепочек разных испытуемых.

ассоциативные цепочки 42-х испытуемых (60,8%) содержат позитивные оценочные единицы. В них доминируют те же смыслы, которые проявились и в эталонных словарях СИБАС, например *востребованность, саморазвитие, прогресс, необходимо, успех, будущее, выбор будущего, возможности*, и т.п. Есть цепочки, в которых только положительные оценки: №50 *интересно, нужно, самостоятельное, учеба, умения, развитие, ум, статус, эрудиция, наука, полезно*. У пяти испытуемых (7,2%) - полностью негативные цепочки ассоциатов. Например: № 67 *тлен, прогнившая система, ложь, пудрить мозги, унижать*. Некоторые цепочки, отражают противоречивость образа, которая проявляется по мере активизации рефлексии (к концу фиксации реакций): № 17 *необходимо, работа, поиск, интересно, нужно ли? №1 много лет, приятно, трудно, память, конспекты, безысходность*. Общая смысловая структура ассоциативных данных цепочечного эксперимента с представителями одной предметной сферы деятельности включает все те же семантические зоны, которые мы выделили в ассоциативных словарях. Однако следует особо отметить в содержании негативных реакций экспликацию состояния неуверенности, как в приведенных выше примерах, полученных от испытуемых №№1 и 17.

Таким образом, и в СИБАС, и в ЕВРАС, и по данным дополнительного эксперимента образование устойчиво связывается с *будущей работой, знаниями, умом, наукой, учебой, светом, культурой, карьерой, важностью, нужностью*, а значит и с *востребованностью в будущем*. Это можно рассматривать как признак наличия интеллектуального резерва в стране, где молодые люди в массе своей *готовы и хотят учиться*. При этом надо иметь в виду, что эксперимент проводился с уже обучающимися в вузах контингентом. Можно предположить, что исходный преимущественно светлый образ ожиданий от получения **образования** подвергается «удару системой» и фиксируется в содержании части ассоциаций как «свернутый» опыт пребывания в ней. В АП **Образование** во всех видах эксперимента выявляется психоглосса, связывающая в сознании испытуемых этот образ с образом будущего.

АП **Будущее** в обратном ЕВРАС моделируется из 393 реакций (общее количество), из которых 78 разные; в СИБАС - 323 и 60 соответственно. АП **Будущее** в прямых СИБАС и ЕВРАС. Квантитативный и семантический анализ смысловых зон показывает, что в обоих словарях **будущее** связывается с динамическим *оптимизмом* продвижения к *цветению, прогрессу, перспективе, надежде, свету*. На будущее можно *надеяться*, как на успешно управляемый проект, оно ассоциируется с социально конструктивными действиями и обретениями, в нем есть место для семьи и образования. На основе расчета параметров устойчивости и наполняемости отмеченных смысловых зон (от самых частотных, лучшим образом представленных в АП, к менее ярким) получаем *вектор смысловой направленности* психоглоссы будущего: проектируемость будущего, управление им → динамический оптимизм со светлой перспективой и надеждой на → дальний успешный путь с → обретением семьи и → благ, связанных со становлением через учение и образование.

Как и в случае с **Образованием**, образ **Будущее** позитивен, насыщен безопасными и добрыми, светлыми ожиданиями, что свидетельствует об открытости нового поколения миру и готовности жить. Негатив исчерпывается следующими единичными реакциями: ЕВРАС: *однообразие, страх, трудности*; СИБАС: *бояться*.

Сравнение с данными обратного РАС, уже частично впитавшего результаты смутного перестроечного проекта, показывает, что в АП **будущее** отчетливо

выделяется смысловая зона *неуверенности* и *страха*: перестроечные события в тот период времени повышали уровень тревожности и ожиданий идущей из будущего опасности. Например: *туманное 5; неизвестно, неизвестность 3; беспросветный, мистика, назад 2; бездна, мираж, могла, нам только снится, наркоман, неопределенность, непонятно, риск, страх*. Эмоционально насыщенные реакции, эксплицирующие личностные смыслы оценочного плана, по нашим наблюдениям, появляются независимо от стимула среди единичных реакций гораздо чаще, чем в устойчивой части АП. Перестроечная специфика характеризуется не только неуверенностью и неопределенностью, сопряженными со страхами, но и надеждами на перемены к лучшему («ради чего все и затевалось», в обыденном сознании). В структуре ассоциативного поля выделяются сходные семантические зоны, что и в более поздний постперестроечный период, однако конкретное наполнение проекта будущего содержит «осколки» некогда значимых смыслов, активно уходящих на периферию: *коммунизм 2; великое* и др. Прямой РАС дает еще более ясную картину этих противоречий, как видно из таблицы №2. Колонки в ней размещены в соответствии с вектором иерархии смысловых зон (слева направо).

Таблица №2

АП **Будущее** в прямом словаре РАС
(всего 113 реакций, 70 – повторяющиеся, 1 – отказ, 53 – разные реакции)

Позитивно окрашенные ассоциаты (37% от общего количества)	Смутные, чреватые неизвестностью и опасностью ожидания (25%)	Чье будущее? Оппозиция: мы – я - семья – страна - мир (человечество) (21%)	Прочие (преимущественно связанные с осью времени и др.) (18%)
<p>светлое 14; прекрасно 3; светло и прекрасно 2; великое, верить, видеть, делать, ждать, ждет, интерес, интересно увидеть, космос, мечта, наступит, небо, необозримое, прекрасное, придет, свет, светлое, с надеждой, счастливое, счастье, хорошее, ясное</p>	<p>неизвестно 4; туманно 3; неизвестность, неопределенное, темное 2; в тумане, жить сегодняшним днем, зебра, крах перестройки, не знаю, неопределенность, обречено, пепел, смерть, смутно, темно, трудно, туманное, ужасно, черно</p>	<p>наше 7; Земли, человечества 3; за нами, страны 2; мира, мое, нашей страны, ребенка, семьи, человека В этих реакциях видно несколько плоскостей построения образа будущего для идентификации человека: я – семья - мы-наша страна – человечество-мир-Земля, здесь видно, что в данной оппозиции в РАС преобладает акцент на нашем и глобальном в ущерб моему частному</p>	<p>впереди, время 3; не за горами, прошлое 2; вдалеке, в спорте, где-то, жизни, искусственный, настоящее, окно, панк, далекое, скорое,</p>

В прямом словаре РАС (как и в обратном) противоречание друг другу смысловые центры, связанные с оптимистическими прогнозами и пессимистичными ожиданиями выражены достаточно ярко. При количественном преобладании экспликаций оптимистического мироощущения негативный полюс весьма значителен для молодого человека, только вступающего в жизнь. На эту смысловую структуру уже активно оказывалось идеологическое и рыночное давление конкурентной борьбой собственников за «мое, частное, корпоративное».

В словаре ассоциативных норм 70-х Гг. А.А. Леонтьева образ **будущее** предполагать наличие психоглоссы с позитивным образом. Типично для эпохи расцвета советской культуры ассоциирование с проектом *человека будущего*, который сыграл конструктивную роль в системе образования того времени: **будущее** ← человек (2) **0.93**; видеть (2) **0.88**; настоящий (5) **0.66**; время **0.5**; деревня (2), надеяться (2) **0.28**; вспоминать, результат, студент **0.15**; **9+17** (мы сохранили авторскую индексацию, приведенную в САНРЯ).

Цепочечный ассоциативный эксперимент со стимулом **будущее** показал такие результаты: из 69 испытуемых у 43 (68%) абсолютно позитивные ассоциаты. В них доминируют те же психоглоссы, которые проявились и в эталонных словарях СИБАС. Например: № 47 *дом, семья, дети, любимая работа*; № 62 *планы, светлое, образование, техника*; №27 *философская категория, станет лучше завтра, оптимизм, счастье, прогресс, радость*. У 11 испытуемых (16%) – полностью отрицательный образ. Например: №1 *безнадега*; №37 *его нет*. В некоторых цепочках негатив нарастает по мере активизации рефлексии (к концу цепочки): №23 *страх, интерес, невостребованность, диплом, профессия, что делать?*; № 26 *неопределенность, амбиции, старость, страх*. В ряде случаев цепочки вербализуют противоречивый образ: № 34 *технологии, деградация*; №67 *назад в, future hearts, тлен, возможности*; №59 *тлен, печаль, безысходность, цели, стремления, планы, мечты, светлое, отсутствие*. У 16% испытуемых – цепочки нейтральных или амбивалентных ассоциаций, в них часто встречаются атрибуты будущей профессиональной деятельности. Например: № 15 *дети, семья, путешествия, Питер*; № 35 *ближайшее, прошедшее, простое, сложное, Future Anteriore I, II*.

Описанный выше вектор иерархии смыслов в образе **Будущее**, характерный для ЕВРАС и СИБАС, имеет некоторые очевидные различия при сравнении с АП **Будущий**. В региональных прямых словарях есть АП прилагательного **будущий**. В них те же семантические зоны, которые отмечены нами в структуре образа **Будущее** по обратным словарям разных периодов. Вместе с тем ввиду специфики стимула эти образы конкретизируются как способные воплощаться в конкретных социальных ролях, как *части проекта будущего* (с примериванием на себя) у молодых людей. На первом месте по устойчивости связей не описание абстрактных радужных картин, а ассоциаты, связанные с семейными ролями и семейной жизнью. Из общего количества (502) ответов, наполнивших данное АП, в СИБАС – 144 ассоциации (27%) представляют данную сферу. Многие из них входят в самую устойчивую часть АП. В ЕВРАС наблюдается точно такое же процентное соотношение: из общего количества реакций (543) - семейные роли всплывают в 149 (27%). Другие значимые по устойчивости связей социальные роли, в которых видит себя усредненное языковое сознание русских, можно распределить между двумя группами. Первая относится к позициям во властно-управленческих структурах: СИБАС (примерно 6% от общего количества); ЕВРАС (4%). Вторая, более

детально представленная группа ассоциаций – профессиональные социальные роли: СИБАС (15%); ЕВРАС (20%). Итоговая картина по статусным социальным ролям демонстрирует следующую мотивационную иерархию будущего: семья → профессия → управление (власть).

Дальнейшие наблюдения за ассоциированием в базах данных последнего десятилетия (СИБАС и ЕВРАС) в сравнении с данными тезауруса РАС и САНРЯ показали, что в новейшее время сформировалась и активно актуализуется психоглосса **невостробованности** в смысловом поле **Будущего** и **Образования**. Рассмотрим АП **Невостробованность** в новейших словарях.

Таблица №3

АП **Невостробованность** в прямых СИБАС и ЕВРАС⁴.

Зона 1 Профессиональ- ная деятельность: работа, труд, образование, квалификация, специальность, профессия, кадры, учеба	Зона 2 Образ человека, его ощущений, чувств, себя невостробован- ного, «примеривание» на себя	Зона 3 Раскрытие смысла невостробован- ности через оппозицию пользы (нужности)/ ненужности	Зона 4 Апокалиптичность и всеохвачен- ность проблемой, тупик, нет исхода, эсхатологичность оппозиции: жизнь/ смерть
Всего реакций и % от общего количества реакций СИБАС (503=100%); ЕВРАС (534=100%)			
СИБАС: 176 =35%	110 =22%	98 =19,5%	23=4,6%
ЕВРАС: 169 =31,5%	123 =23%	125 =23,4%	20=3,74%
Представленность семантических зон в устойчивой части АП: СИБАС 334=100%; ЕВРАС 345=100%			
СИБАС: 149=44,6%	63=18,8%	90=27%	16=4,8%
ЕВРАС: 138=40%	66=19,1%	112=32,5%	10=2,9%
Семантические зоны в периферийной части АП: СИБАС 148=100%; ЕВРАС 165=100%			
СИБАС: 38=25,67%	48=32,43%	8=5,4%	7=4,72%
ЕВРАС: 31=18,78%	57=34,54%	13=7,87%	10=6,06%

⁴ В таблице отражены количественные данные только о релевантных для нашей задачи смысловых зонах. Ассоциаты, несоотнесенные ни с одной из них, заслуживают отдельного рассмотрения вне рамок данной статьи.

Общий вектор смысловой иерархии с учетом релевантных для нашего анализа зон выстраивается следующим образом: профессиональная сфера → «примеривание» на себя с эмоционально насыщенными единицами → толкование через оппозицию «нужности-ненужности» → апокалиптические, эсхатологические мотивы. При этом наблюдаются некоторые флуктуации по регионам, как в случае с зонами 1, 2 и 3 в таблице № 3. Как и в других АП, наибольшие флуктуации типично проявляются при сравнении эмоционально насыщенных оценочных зон в устойчивых и периферийных частях.

Количественные соотношения по степени актуальности тех или иных смыслов для конкретных испытуемых в условиях цепочечного эксперимента дают сходную картину. Из 69 испытуемых, 54 (78%) развернули цепочки реакций в *профессиональном смысловом поле*. Из них 27 (39%) прямо ассоциируют **невостребованность** со своей специализацией и будущей профессией. 37 студентов (53%) обозначили образ человека и себя невостребованного (то есть «примерили» на себя); 6 (9%) раскрыли смысл понятия о состоянии невостребованности; 4 (6%) ассоциируют с апокалиптичностью, тупиком, оппозицией «жизнь/смерть».

Подводя итоги нашим наблюдениям за психоглоссами, отражающими состояние смыслоутратности и специфику «рыночного человекообразования» нового времени (с культивацией чисто экономического проекта человека, его редукцией к собственнику), приходится констатировать, что противоречия в сфере мотивации носят драматический характер. *Светлое и управляемое будущее* инерционно прорвалась из советского времени в современность. Получение образования инерционно связывается с ожидаемо благоприятным будущим, однако самоценность знаний и просвещения, характерная для периода расцвета советской цивилизации, сменилась утилитарностью внешних рыночных ограничений на профессиональную деятельность. *Работа, труд, специальность и профессия* очень устойчиво ассоциируются с *невостребованностью*, что начинает пониматься уже в процессе обучения и взросления. Отсюда и драматические противоречия в согласовании интересов личности и общества с тяжелыми последствиями: **фрустрацией на личностном уровне и энтропией в системе образования**, зачастую также чреватый фрустрацией уход со своего «рынка» образовательных «услуг» за границу. Причем заграничные «услуги» активно рекламируются и продаются внутри России российскими же посредниками. От советской ориентировки в духовно-нравственную сферу «хозяина необъятной родины своей» и радости труда как ценности общество идет к прямо противоположному полюсу вульгарно-материальной утилитарности с извращенным отношением к труду. Предъявляемая обществом внешняя доминанта на «востребованность» чисто «рыночного» формата ущербна, а установленные ею критерии недостаточны для полноценных идентификационных личностных ориентиров, ведущих к воплощенности в подлинных для российского цивилизационного формата деяниях. Таким образом решить вопросы идентичности исключительно внутри системы образования, сколько бы вложений в нее ни направлялось, не представляется возможным. Это задача для социальных структур всего общества. Чрезвычайно важным нам представляется вопрос о *единой нравственной основе* для профессиональной и личностной идентификации. К сожалению, противоречия, заложенные эпохой смыслоутратности, воспроизводятся и сейчас: медийное сообщество, например, продолжает позитивно санкционировать гедонистические и низменные субкультурные модели. На этом фоне будет трудно добиться эффекта от позитивного санкционирования в образовании нравственно оправданных

моделей профессиональной деятельности, даже если включить этот «компонент» в содержание подготовки к ней. Очевидно, что социокультурная (цивилизационная), гражданская и профессиональная идентификация не существуют независимо друг от друга, они представляют собой единый комплекс человекообразования. Как добиться востребованности и воплощенности в профессии, сохранив причастность своей цивилизации, когда в системе образования выстроена эмигрантская модель под экспорт нашего молодого человеческого ресурса за границу, в пользу конкурентов из иных цивилизационных воплощений? Для сохранения российской цивилизации как самодостаточного и развивающегося феномена нужна целенаправленная специальная подготовка кадров для работы за границей по важным для государства направлениям, чтобы не поощрялся мотив продажи себя частным образом любому, кто в этом заинтересован. Недооценка этих вопросов уже привела к рекрутированию молодых людей в ИГИЛ и другие антисистемы. Именно **неудовлетворенность потребностей в идентификации** приводит к рождению антисистем, где смыслоутратность преодолевается убийственным для породившей ее цивилизации способом с истреблением пассионарного ресурса системы. Невостребованность как модус смыслоутратности побуждает к исходу **развоплощением** – убеганию от всех форм ответственности, включая виртуализацию сознания как наркотик, услужливо предоставленный современной техногенной средой. Невостребованность ведет к снижению ценности человека и утрате цивилизацией своего человеческого ресурса.

Между тем главная задача жизни человека – **воплотиться**. Мотив воплощенности объединяет религию и науку и может служить личностным и надличностным ориентиром в профессиональной, гражданской и социо-культурной идентификации. Столь дорогостоящий на «рынке образовательных услуг» вектор преобразования в новое качество с исходом государства из системы, ввиду его перерождения из общенародного в корпоративное, сегодня, похоже, некому задать и оплатить.

Проблема профессиональной идентичности имеет и другое измерение, о котором следует упомянуть отдельно. Ее можно сформулировать следующим образом: чему учить? Этот вопрос все чаще задают себе учителя в школах и вузах. Для гуманитарных дисциплин он имеет особую остроту. Ведь образ науки должен быть адекватен стоящим перед ней задачам. Как установить границы объекта той или иной гуманитарной науки сегодня? Каковы предметные области исследования в контексте современных цивилизационных гуманитарных проблем и с учетом новых открытий различных наук о жизни? Через какое сито смыслов просеивать иноязычные тексты чтобы их идеология не стала опасной для восприятия неокрепшим сознанием учеников? Многие из возникающих проблем – результат той же смыслоутратности в научно-образовательной деятельности, которая крайне затрудняет междисциплинарный поиск истины, в то время как актуальнейшие жизненные задачи идентификации не решаемы монодисциплинарно в силу природы данного явления. Как же решать проблемы человекообразования в таких условиях? Как и во все иные времена, есть как минимум два пути выхода из ситуации: **уход от проблем** (например, эмиграция или бюрократизация, формотворчество вместо содержания) или **изживание** их, а значит поиск и усиление позитивных черт в имеющейся ситуации, минимизация или трансформация негативных и таким образом перерождение в новое качество, **преображение**. В этом нам видится **идентификационная профессиональная задача ученого и учителя**.

Среди причин кризиса гуманитарных наук называют отсутствие у когнитивистики, куда относят и лингвистическую науку, единых теоретических

подходов, которые бы принимались всем ученым сообществом гуманитариев. Кризис действительно имеет многообразные проявления. А.Д. Кошелев определил это как **внутри- и междисциплинарный антагонизм**: даже при наличии обоснованных теоретических и гипотетических построений отсутствует конструктивный дискуссионный процесс выработки конкретных знаний на общей платформе. Односторонность теорий с непримиримостью противоречий между ними приводит к бесплодности дискуссий, не способных породить истины⁵. Поэтому теории, возникающие на стыке смежных дисциплин, зачастую наследуют старые изъяны, а иногда создают и новые. Непосредственное применение междисциплинарного подхода может лишь усугубить положение дел [Кошелев 2013: 713]. При всем пессимизме своих оценок, А.Д. Кошелев сам ставит вопрос об интеграции и осуществляет попытку установления единого теоретического основания для когнитивной науки. Ему удается определить границы понятий, необходимых для познания когнитивных оснований деятельности человека. Предложенная им модель представляется нам не только научно обоснованной, но и удобной для использования в учебном процессе. Она помогает найти ответ на вопрос «Чему учить?», поскольку исходит из принципиальной возможности **соединить в единую когнитивную теорию знания об онтогенезе, филогенезе и структуре сознания человека с конструированием когнитивной и языковой модели мира** (подробнее см.: [Кошелев 2008 а, б; 2013; 2015]). Не имея возможности в рамках данной статьи углубиться в рассмотрение отдельных аспектов этой модели, отметим, что идеи, положенные в ее основу, согласуются, как нам думается, с добытыми в отечественной науке прошлого века знаниями о психологических и нейрофизиологических механизмах порождения субъективности (собственно, человекообразования). Сюда можно отнести ключевые положения отечественных теорий психологии деятельности, сознания, личности, экстраполированных в дальнейшем на речевую деятельность с глубоким обоснованием предложенных психолингвистами речемыслительных моделей у человека. Совокупный (междисциплинарный) вклад отечественной науки в проблему человекообразования настолько фундаментален, что не только дает нам методологический аппарат для исследования гуманитарных вызовов современности, но и обладает потенциалом для развития. Одной из точек развития стали модели языкового сознания и языковой личности, которые, как нам думается, приложимы к исследованию жизненно значимых гуманитарных проблем, главной из которых является идентичность.

Инструментарий языкового сознания и языковой личности сегодня апробируется лингвистами с рядом ограничений. Для того чтобы оценить его потенциал, глубину проникновения в объект (психолингвистические механизмы порождения субъективности), которую он может дать, нужно с ним поработать. Последнее влечет за собой трудоемкий процесс накопления экспериментальных

---

⁵ Многолетний опыт работы в качестве главного редактора научного журнала и в составе редакционных советов научных журналов позволяет нам утверждать, что у этой проблемы есть и другая сторона. Подобно тому, как невозможно плыть, погрузившись в воду по шиколотку, невозможно добыть научно значимую истину в тех тематических нишах, которые популярны у множества авторов, подающих свои рукописи в редакции научных журналов. С одной стороны, рыночное лукавство вокруг научно-образовательных «услуг» на фоне существенного превышения спроса на научно значимую авторскую информацию над предложением, с другой стороны, политико-экономические установки на замену модернизации гуманитарной сферы ее ликвидацией. Опыт последних десятилетий показал, что пустых ниш в цивилизации не бывает – они тут же заполняются чужеземными.

данных, в идеале их постоянное пополнение и организацию (оптимизацию для пользователя) в ассоциативно-вербальных базах, поскольку действующие модели языкового сознания выводятся на этой эмпирической основе с помощью компьютерных технологий и относятся к разряду сетевых (ABC). Сетевой принцип вовсе не случаен. Языковое сознание имеет пластичный нейрофизиологический субстрат – гиперсеть нейронных связей. Его ассоциативно-вербальная модель, образно говоря, приблизительный вербальный «слепок» с этих связей, построенный на точках (узлах), яркость (степень проявленности) которых сильно зависит от частоты возникновения соответствующих смыслов и их вербальных носителей в стохастических процессах интериоризации опыта языковой личности. Эта модель отражает пластичность нервной системы человека. Поэтому она отличается инерционностью (консервативностью, устойчивостью связей – отсюда возможность вывести ее ядро с прилегающими к нему поясами разной степени устойчивости), с другой стороны, ей свойственна изменчивость. Ассоциативно-вербальные модели **языкового сознания** позволяют проводить синхронно-диахронный анализ живой динамики (стохастических процессов) в пределах нескольких поколений (с вектором в будущее или прошлое), включая лексико-грамматические явления, когнитивные и мотивационные процессы в их порождении и актуализации. Языковое сознание описывается как диссипативная структура и культурно обусловленный гипертекст, в узлах представляющей его ABC в свернутом виде оседают вербальные фиксаторы когнитивно-деятельностного опыта «усредненной» русской языковой личности. Формирующиеся при этом смысловые доминанты (мотиваторы) носят стохастический характер, они «эмерджентны», а их флуктуации побуждаются множеством факторов, среди которых для профессиональной идентификации особо значим фактор социальной детерминации социализующих деятельностей.

При обретении новых навыков и знаний происходит изменение нервной организации человека. Известно, что если отдельные нейроны совместно активируются во времени, то они могут связываться друг с другом, поэтому ABC формируется *в опыте совместной вербальной коммуникации* и деятельности. Сетевые принципы построения модели языка и организации лексикографических ресурсов давно не являются абсолютным новшеством в мировой практике научных лингвокогнитивных исследований. Особую актуальность они приобрели в эпоху компьютеризации, когда, собственно, появилась техническая возможность полноценно с ними работать. При всем разнообразии конкретных подходов (включая экспериментальные) к созданию таких моделей и ресурсов можно констатировать, что их объединяет стремление зафиксировать и интерпретировать (а также измерить) *не только вербальные единицы, но и их связи (отношения)*. В 80-е годы прошлого века в западной науке активно практиковались когнитивные исследования такого рода на английском материале. Близкой по духу к отечественным моделям языкового сознания является, на наш взгляд, появившаяся в те годы и усовершенствованная автором позднее междисциплинарная теория Word Grammar Theory Р. Хадсона с прекрасным выходом в практику обучения [Hudson 2007, 2010]. В этой модели постулируется единый (сетевой) принцип организации когнитивного и языкового опыта человека. Основной единицей анализа автором называется слово, которое становится объектом исследования в грамматике, семантике и в его ситуативной (контекстной) обусловленности. Разрабатывается методика экспликации зависимостей (связей) слов. В этом авторском подходе присутствует установка на необходимость представления в единстве таких ипостасей, которые Ю.Н. Карауловым названы лексиконом, грамматиконом, прагматиконом и семантиконом

языковой личности [Караулов 2010: 90]. Однако в теории Р. Хадсона, как и в коннекционистских моделях, искусственных моделях биологической нервной системы и развиваемых на их основе компьютерной лингвистикой нейросетевых моделях языка, отсутствует интегрирующая компонента. Между тем в школе А.Н. Леонтьева по поводу психического как системообразующего фактора по отношению к физиологическому утверждается, что *особенности психической деятельности человека опосредуются своеобразием задач, которые решает человек*. Поэтому сама по себе изменяющаяся нервная организация, нейрофизиологическая основа субъективных процессов ничего не объясняет вне включенности человека в социальную среду [Леонтьев А.А., Леонтьев Д. А, Соколова 2005: 150]. Именно поэтому языковое сознание, представленное с помощью ассоциативно-вербальных моделей, хоть и имеет нейрофизиологический субстрат, но никак не сводимо к нему. Языковая личность и может служить тем интегрирующим фактором, который делает отечественную модель приложимой к решению более широкого спектра задач, чем собственно вербально-грамматические. Модель языковой личности Ю.Н. Караулова позволяет предметно и методически соотносить личностное с коллективным (культурным). Введение и обоснование понятия языковая личность (которую можно трактовать как вектороорганизатор смыслов) дает преимущества этой системе. Языковое сознание, таким образом, представляет собой комплексный объект, в котором выявляются единицы анализа, позволяющие оперировать не только историческими данными, но и данными *актуального языкового настоящего* в его естественной связи (обусловленности) всеми факторами человекообразования. Изменяющаяся нервная организация живой личности -это процесс, который включен в мир, в нейронную сеть биосферы, где личности задают векторы психических и когнитивных процессов. Искусственное же моделирование основано на выключении (автономизации), то есть оно невозможно без выведения конкретного модуля из этой живой сети. Субъект (в качестве объекта анализа) как бы выводится из естественного своего функционального состояния в мире, что напоминает изучение строения и функций живого тела на мертвом его образце, вне живого процесса функциональной включенности его как субъекта жизнедеятельности в мир. Ценность ассоциативно-вербальных моделей во многом обусловлена тем, что ассоциативный эксперимент позволяет *снять данные с работающего (живого) сознания языковой личности*, которая уже *имеет социально обусловленную психическую направленность*.

Среди интересующих нас зарубежных исследований в силу своей близости к отечественным теориям по направлению поиска следует также отметить эмерджентную грамматику, и в частности – широко известные работы Джоан Байби. Термин *эмерджентный*⁶, будучи перенесенным на русскую почву, отмечается как минимум в двух значениях: 1) приобретаемый в опыте, *противопоставляемый врождённому* (генетически обусловленному, соответственно, эмерджентная грамматика есть антипод теории «врожденных» грамматических структур) и 2) находящийся в стадии *становления, нарождающийся, обретающий формы в развитии*. Эмерджентность языковых процессов исследуется Дж. Байби на материале грамматикализации [Вубее 2003] через анализ исторического материала

---

⁶ Эмерджентный – от англ. emergent ‘возникающий’ (как, например, всплывающий на поверхность, появившийся из темноты и т.п.), находящийся в стадии появления и развития, появляющийся, нарождающийся.

в соотношении с данными естественных наук. Автор обосновывает понимание грамматикализации как процесса, обусловленного целой системой факторов (general domain processes). Язык здесь выступает как система, помещенная в сферу функционирования (usage-based), в дискурсивный процесс. Поэтому и формальная сторона грамматики не может рассматриваться вне семантики и прагматики. Грамматика напрямую выявляется из речевой деятельности, из практики использования языка. Когнитивные репрезентации языковых явлений динамичны и отражают опыт оперирования языком, который фиксируется через частотные факторы. Сходные черты разных языков объясняются воздействием одинаковых антропогенных механизмов (факторов) в разных социокоммуникативных ситуациях. Соответственно, различия сильно зависят от условий, в которых функционирует язык [Bybee 2013].

Смысловая эмерджентность – характерная черта семантических процессов в АВС. Языковая личность и есть интегратор этой эмерджентности (модулятор и инициатор смыслопорождения). В ассоциативно-вербальных моделях это может быть личность индивидуальная или народная в зависимости от ракурса рассмотрения. АВС позволяет исследовать когнитивные и мотивационные смыслы, что существенно расширяет возможности междисциплинарного подхода. Как мы уже отмечали, эта модель строится при снятии актуальных данных с живого функционирующего сознания включенной в жизнедеятельность языковой личности. Как только экспериментальные данные получены и постутили в обработку, появляется модель АВС, которая сразу становится «омертвевшей», фиксирующей ушедшее в прошлое состояние языкового сознания. Данная модель не ставит цели воссоздать когнитивные процессы для построения искусственного интеллекта, с ее помощью решаются иные задачи: увидеть процесс вербального отражения взаимодействия человека с миром, в который он «вживлен», и в котором он не только объект различных воздействий, но и действующий в естественных условиях, постоянно самоопределяющийся в этой связи субъект. Эмерджентность - это данность, которую можно наблюдать в ее вербалике в синхронно-диахронном экспериментальном формате на живом организме индивида и социальной общности (при наличии объемных и репрезентативных ассоциативных данных).

Рассмотренные здесь теоретические аспекты исследования идентификации, связанные с природой сознания как феномена человека, подкрепляют утверждение о том, что простого внутрисистемного решения проблем образования не существует. Возьмем, например, такую актуальную для молодых людей проблему, как виртуализация сознания под воздействием информационной техногенной среды, порождающей жестко детерминантные воздействия на психику человека. При всей сложности и пластичности нейронных гиперсетей они крайне уязвимы в этих условиях. Психиатр Н. Дойдж доказывает в своей ставшей очень популярной книге «Пластичность мозга», что электронные средства *меняют наш мозг*. Вот его аргументы: нервная система человека настолько пластична, что может интегрировать в себя и электронную систему. Это происходит потому, что и электронные средства информации и наш мозг «работают по схожему принципу и, по сути, совместимы, а значит, легко устанавливают связи друг с другом» [Дойдж 2013: 486], образуя единую, более крупную систему. Сегодня последствия такой интеграции толком не изучены. Есть свидетельства о деструктивном влиянии СМИ (самой формы их воздействия) на внимание детей. СМИ включают ориентировочный рефлекс во много раз быстрее, чем это происходит в естественной среде, это имеет психофизиологические последствия. Например, просмотр телепередач может

вызывать чувство опустошения. «Тем не менее, у нас появляется пристрастие к такому времяпрепровождению и более медленные темпы жизни начинают казаться нам скучными. За это мы расплачиваемся тем, что нам становится все сложнее заставить себя читать, подолгу беседовать с людьми, слушать лекции» [Дойдж: 485]. Нетрудно догадаться, что в практике изучения гуманитарных дисциплин, а это дисциплины о гибких системах, таких как культура, востребовано внимание в прямом контакте с преподавателем, выработка совместного смыслового и ценностного поля взаимодействия. Поэтому именно эти науки особенно страдают не только из-за кризиса нашей эпохи, но и от невозможности эффективно работать с молодыми людьми из-за «конкуренции» с быстро «выпекаемыми» СМИ информационными блоками, разбивающими любую систему знаний до ее формирования в сознании обучающихся. Профессиональная гуманитарная подготовка от этого сильно страдает с уклоном в псевдонаучность как результат поверхностного («клипового») осмысления явлений. Не в меру жестко насаждаемые дистанционные формы образования в гуманитарной сфере могут приводить к аналогичным последствиям редукции деятельности.

Смысловая эмерджентность не задается линейно силой связей между элементами АВС. Поэтому хотя АВС и может отражать изменчивость процесса в ее различной специфике, не следует впадать в эйфорию все объясняющих прямых соответствий (несоответствий) смысловых интерпретаций самому факту наличия (отсутствия) устойчивых связей между вербальными единицами, ибо смысловая эмерджентность заложена в системе дискурсивных практик и не только в них. Это имеет важные последствия для организации преподавания именно гуманитарных дисциплин, которые работают со смысловым полем культуры⁷, а сложные социальные системы, где эти практики работают, невозможно измерить и адекватно описать только с помощью вербального (или ассоциативно-вербального) инструментария. «Омертвевшая», осевшая в модели вербальная связь «при жизни» могла быть развернута в разные смысловые плоскости. Таковы и базовые познавательные способности человека и его коммуникативные чисто человеческие возможности, связанные с умением выявлять различные перспективы из одной и той же реальности. «Полиперспективные когнитивные репрезентации не присущи человеку в его осмыслении мира с рождения, а фактически конструируются детьми

---

⁷ Ниже приводится пример обрастания новыми смыслами в дискурсе конкретного времени и культурного контекста. «Светлое будущее с пустыми прилавками и продуктовыми карточками». Ср.: «Светлое будущее с прорывом в космос и новые миры». Мы имеем дело с одной и той же единицей, но разными ассоциативными смысловыми наполнениями (психоглоссами), которые ею представлены в контекстах. В первом случае хочется закавычить «светлое будущее», потому что в русском языке светлый имеет положительно окрашенный смысл (в терминах Э. Бенвениста, семиотическая составляющая этого знака как единицы именно языка опознается его носителем). По условиям семиотической узнаваемости знака это положительная психоглосса, но по правилам дискурсивного приращения (модификации) смысла, то есть смыслового (контекстно-дискурсивного, ситуативного) понимания вербальной единицы, которое иногда может оказаться наиболее значимым для выводов исследователя, это вербальный репрезентант негативно окрашенных смыслов, фиксирующих несоответствие потребительской реальности 90-х годов обещанным моделям будущего коммунизма. Поэтому важно комплексное использование различных вербальных (полученных разными методами) и невербальных ресурсов при вынесении суждений о состоянии системы языка в ее семиотическом воплощении (читай: чему надлежит учить как устоявшемуся на текущий период, длительность которого, впрочем, предсказать сегодня вряд ли кто возьмется). Это тем более важно учитывать в процессе выполнения гуманитарных экспертиз (см. выше).

по мере их участия в процессе кооперативной коммуникации. Это происходит в процессе попеременного “туда-сюда” движения различных видов дискурса, в котором разные перспективы на общие темы выражаются на основе совместного смыслового контекста [Tomasello, Rakoczy 2003]. Кооперативный фундамент человеческой коммуникации, включая конвенциональную языковую коммуникацию, не только возник благодаря своей уникальной кооперативной, культурной по природе способности человека жить и думать, но и способствовал формированию этой способности» [Томаселло 2011: 280]. Ср.: «сущность языка лежит в скрещении познания при помощи языка и общения при помощи языка...» [Леонтьев 2016: 243]. Таков ещё один очень мощный фактор человекообразования, который подвергается испытанию в системе координат виртуализации сознания через электронные средства передачи информации. Здесь также узкое место, активизирующее деградацию системы обучения. Справедливости ради следует отметить, что те истины, которые мы о человеческом общении и деятельности предпочитаем сегодня усваивать из зарубежных источников, были во многом осознаваемы и транслируемы в работах отечественных психологов и психолингвистов прошлого века [Леонтьев 2005; Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова 2005; Леонтьев 2008].

Завершая наш экскурс в дискуссионное поле использования моделей языкового сознания и языковой личности, подчеркнем, что современные ассоциативно-вербальные базы данных располагают материалом, на основе которого при необходимости исследователь может, соблюдая ограничения, накладываемые природой используемого метода, **соотносить языковые факты с процессами идентификации языковой личности**. Важнейшим условием достоверности полученных при этом знаний является наличие постоянно обновляемого и пополняемого в эксперименте эмпирического материала, поддающегося машинному анализу. Особую значимость моделирование идентификационных процессов русской языковой личности имеет для выполнения комплексных гуманитарных экспертиз, которые позволяют **распознавать и ставить актуальные для общественной практики проблемы**, как минимум поставлять необходимый для этого исходный фактический материал. Комплексная гуманитарная экспертиза, по мнению Д.А. Леонтьева и Г.В. Иванченко, носит неизбежно междисциплинарный характер, поскольку она «оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для индивида и общества» [Леонтьев, Иванченко 2008: 24]. В ходе синхронно-диахронного анализа новых экспериментальных данных выявляются психоглоссы, которые позволяют нам ставить вопрос о стратегических просчетах реформы образования, специфике неустраненных на мотивационном уровне противоречий в социокультурной, гражданской и профессиональной идентификации. Очевидно, что выявление проблем и в особенности поиск путей к их разрешению налагают большую ответственность на занятых в этой сфере людей, во многом осознавших, благодаря кризису 90-х годов, сколь тяжелы могут быть последствия умозрительно принимающихся решений для народа. Поэтому важно понимать, что для получения более развернутой и всесторонней картины о состоянии столь сложной социальной системы, как образование и последствий осуществленных в ней реформ, одними психолингвистическими методами не обойтись - нужны исследования со стороны других наук, с применением иных методов, приложимых к различным аспектам функционирования этой системы. Трудно сказать, насколько эта проблема осознана в государственных структурах, без которых вряд ли может осуществиться такая комплексная задача.

Литература

Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Издательство АСТ, 2015. 383 с.

Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. Пер. с англ. Е.Виноградовой. М.: Эксмо, 2013. 544 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010 264 с.

Кошелев А.Д. Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // Фитч У.Т. Эволюция языка /Пер. с англ. и науч. ред. Е.Н.Панова; послесл. А.Д.Кошелева. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 680 767.

Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с. (Studia philologica).

Кошелев А.Д. О языке психолингвистики (предисловие издателя)//Разумное поведение и язык. Вып.1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008а. С. 21 – 40.

Кошелев А.Д. О качественном отличии человека от антропоида // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М.: Языки славянских культур, 2008б. С. 193 – 230.

Леонтьев А.А. Образование как самостроительство. Доклад на 1-ой Всероссийской конференции по экзистенциальной психологии 29 марта 2001//К 70-летию со дня рождения. DVD video. aaleontiev.smysl.ru.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ, 2005. 511 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2008. 368с.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Издание 2, стереотипное под ред. А.С.Маркосян, Д.А.Леонтьева, Ю.А.Сорокина. М.: Смысл, 2016. 271 с.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431с.

САНРЯ: Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>

Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008. 135 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.

Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: ПАРФ. 1998. 494 с.

РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н.Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т. 1 – 2. М., 1994 1998. Режим доступа: URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

Томаселло М. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В.Фаликман, Е.В.Печенковой, М.В.Синицыной, Анны А. Кибрик, А.И.Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. – 328 с.

ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Режим доступа: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>

СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к

реакции. - М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537с. Т. II. От реакции к стимулу. М.: Московский институт лингвистики, 2015. 763 с. Режим доступа: URL:<http://adictru.nsu.ru>

Шапошникова И.В. Мотивационная база реформы образования и языковая политика //Вопросы психолингвистики. 2016а. № 1(27). М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. С.256-273.

Шапошникова И.В. Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика //Вопросы психолингвистики. 2016б. № 2(28). М.: Институт языкознания РАН; МИЛ. С.302-323.

Bybee, Joan L. (2013). Usage-based theory and exemplar representation // Thomas Hoffman and Graeme Trousdale (eds.) *The Oxford Handbook of Construction Grammar*: Oxford University Press. P. 49-69.

Bybee, Joan (2003). *Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency* // B.D. Joseph and J.Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford; Blackwell,. P. 602 – 623.

Hudson, R. A. (2007). *Language Networks. The New Word Grammar*. Oxford University Press. 275 p.

Hudson R. A. (2010). *An Introduction to Word Grammar*. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge Univ. Press. 332 p.

Tomasello M., Rakoczy H. (2003) What makes human cognition unique? From individual to shared to collective intentionality. *Mind and Language*. 18(2). P.121 – 147.

MOTIVATIONAL BASE OF THE REFORM IN EDUCATION AND PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY

Irina V.Shaposhnikova

Chief researcher, Institute of Philology SB RAN

8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090

Doctor of Philology, Professor

Novosibirsk State University

2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090

i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article continues the series of author's studies on the humanitarian implications of reforms in the higher education system. The problem is studied in the context of the initial motivational base of the reform in education and its further conversion into educational activities. On experimentally obtained material (4 representative for the Russian language consciousness associative data bases, including the latest regional; local data from an additional associative chain experiment) key contradictions in the system of professional identification of the Russian language personality are considered with reference to the essence of the deep transformations in the Russian society (and education system) of the last decades. The semantic structures of a number of images associated with professional identification have been analyzed to identify several psychoglosses, which allows the author to compare the associative-verbal data in synchronic and diachronic perspectives. Some controversial aspects of the use of network models in interdisciplinary linguistics are also discussed. Identifying psychoglosses which reflect the socially-caused contradictions of professional identification on the material of associative-verbal network,

is considered by the author as one of the ways of obtaining necessary and relevant to the current state of the system knowledge (along with data from other sources) to perform complex humanitarian expertise in the field of educational activities. Such an expertise may be aimed at search of ways of optimization of flexible resources for development in the system of education.

Key words: motivational base of the reform in education; the issue of assessing the implications of the reforms for the individual and society; the Russian language personality; linguistic consciousness; psycholinguistic methods in the study of the contradictions of processes of identification; associative-verbal data from recent decades (RAS, SIBAS, and EVRAS); complex humanitarian expertise; the embodiment of the personality as the moral foundation of educational activities.

References

Bekhtereva N.P. Magiya mozga i labirinty zhizni [Magic Brain and Labyrinths of Life]. M.: Izdatel'stvo AST, 2015. 383 s.

Dojdzh N. Plastichnost' mozga. Potryasayushchie fakty o tom, kak mysli sposobny menyat' strukturu i funkcii nashogo mozga. [Doidge N. The Brain that Changes itself: Stories of Personal Triumph from the Frontiers of Brain Science] Per. s angl. E. Vinogradovoj. M.: Ehksmo, 2013. 544 s.

Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian Language and Language Personality]. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010 – 264 s.

Koshelev A.D. Kognitivistika pered vyborom: dal'nejshee uglublenie protivorechij ili postroenie edinoj mezhdisciplinarnoj paradigmy [Cognitive science faces a choice: further intensification of contradictions, or the construction of a single interdisciplinary paradigm] // Fitch W.T. Ehvoljuciya yazyka [The Evolution of Language] / Per. s angl. I nauch. red. E.N. Panova; poslesl. A.D. Kosheleva. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2013. S. 680 – 767.

Koshelev A.D. Kognitivnyj analiz obshchechelovecheskih konceptov [Cognitive Analysis of Human Concepts]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2015. 280 s. (Studia philologica).

Koshelev A.D. O yazyke psiholingvistiki (predislovie izdatelya) [Towards the Language of Psycholinguistics (Publisher's Preface)] // Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Language and Reasoning. Vol.1. The communicative systems of animals and human language. The problem of the origin of language]. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2008a. S. 21 – 40.

Koshelev A.D. O kachestvennom otlichii cheloveka ot antropoida [The Qualitative Difference between Man and the Anthropoid] // Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka [Language and Reasoning. Vol.1. The communicative systems of animals and human language. The problem of the origin of language]. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2008b. S. 193 – 230.

Leont'ev A.A. Obrazovanie kak samostroitel'stvo [Education as Self-construction]. Doklad na 1-oj Vserossijskoj konferencii po ehkzistencial'noj psihologii 29 marta 2001 [Report at the 1st Russian conference on existential psychology on March 29, 2001] // K 70-letiyu so dnya rozhdeniya. DVD video. aaleontiev.smysl.ru.

Leont'ev A.N. Lekcii po obshchej psihologii [Lectures on General psychology]. M.: Smysl; KDU, 2005. 511 s.

Leont'ev A.A. Psihologiya obshcheniya [Psychology of Communication]: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 5-e izd., ster. M.: Smysl, Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008. 368s.

Leont'ev A.A. Prikladnaya psiholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoj kommunikacii [Applied Psycholinguistics of Speech Communication and Mass Communication]. Izdanie 2, stereotipnoe pod red. A.S.Markosyan, D.A.Leont'eva, Yu.A.Sorokina. M.: Smysl, 2016. 271 s.

Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E. Aleksej Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Alexei Nikolaevich Leont'ev. Activity, Consciousness, Personality]. M.: Smysl, 2005. 431s.

SANRYA: Leont'ev A.A. Slovar' associativnyh norm russkogo yazyka [The Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. Rezhim dostupa: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>

Leont'ev D.A., Ivanchenko G.V. Kompleksnaya gumanitarnaya ehkspertiza: Metodologiya i smysl [Complex Humanitarian Expertise: Methodology and Meaning]. M.: Smysl, 2008. 135 s.

Leont'ev D.A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [The Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. M.: Smysl, 2007. 511 s.

Magomed-Ehminov M.Sh. Transformaciya lichnosti [Transformation of Personality]. M.: PARF. 1998. 494 s.

RAS: Russkij associativnyj slovar' [Russian Associative Dictionary] / Sost. Yu.N.Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F.Tarasov, N.V.Ufimceva, G.A.Cherkasova. T. 1 2. M., 1994 1998. Rezhim dostupa: URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya [Origins of Human Communication] / Per. s angl. M.V.Falikman, E.V.Pechenkovej, M.V.Sinicynoj, Anny A. Kibrik, A.I.Karpuhinoj. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2011. – 328 s.

EVRAS: Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus EVRAS [Russian Associative Dictionary-Thesaurus EVRAS]. Rezhim dostupa: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>

SIBAS: Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok). [Russian Regional Associative Database (Siberia and Far East)]. V 2 t. T. I. Ot stimula k reakcii [From Stimulus to Response]. M.: Moskovskij institut lingvistiki, 2014. 537s. T. II. Ot reakcii k stimulu [From Response to Stimulus]. M.: Moskovskij institut lingvistiki, 2015. 763 s. Rezhim dostupa: URL:<http://adict.ru.nsu.ru>

Shaposhnikova I.V. Motivacionnaya baza reformy obrazovaniya i yazykovaya politika [Motivational Base of the Reform in Education and Language Policy] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016a. № 1(27). M.: Institut yazykoznaniya RAN; MIL. S.256-273.

Shaposhnikova I.V. Pravoslavnaya kul'tura v nauke: aksiologicheskaya ehtnopsiholingvistika [Orthodox Culture in Science: Axiological Ethnopsycholinguistics] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016b. № 2(28). M.: Institut yazykoznaniya RAN; MIL. S.302-323.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

УДК 81'373.72'374.822=111

СОМАТИЗМ *ВОЛОСЫ* В СЛАВЯНСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ И КЕЛЬТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Отделения гуманитарных
и общественных наук РФФИ, проект № 15-34-01215а2.

Дронов Павел Сергеевич

н. с. Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации
им. Ю.С. Степанова

Институт языкознания

Российской академии наук

Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
nord.dronov@gmail.com

В статье рассматриваются идиомы с компонентом-соматизмом *волосы* в славянских (русский, сербохорватский), германских (английский, немецкий) и кельтских (ирландский) языках. Изучается противопоставление идиом с компонентами *волосы* (собирательное) vs. *волос*, которое может быть и чисто грамматическим, и лексическим. Если в языке на уровне лексики отдельный волос противопоставляется волосяному покрову, то в этом языке будут встречаться идиомы с двумя именными компонентами, имеющими разное значение. Исследуются метафорические модели в основе данных идиом, особенности лексико-грамматических изменений фразеологизмов. Как показывает анализ, число моделей у данных идиом равно семи (формально можно также говорить о восьмой модели, однако соответствующие идиомы отмечены лишь в ряде словарей и не найдены в корпусе), а также возможно сближение идиом с исходно разными актуальными значениями. Поднимается вопрос о национально-культурной специфике данных идиом; как правило, в исследуемых языках техника номинации идиом с данным соматическим компонентом совпадает полностью или частично, поэтому большую их часть можно отнести к фразеологическим интернационализмам.

Помимо этого, в статье рассматривается новая, сравнительно недавно возникшая английская идиома с компонентом *волосы* (*bad hair day*) и ее лексико-грамматические изменения в зависимости от типа дискурса.

Ключевые слова: фразеология, соматизмы, метафорические модели, лексико-грамматические изменения идиом, славянские языки, германские языки, кельтские языки.

Введение

Идиомы с компонентами-соматизмами и кинетические идиомы рассматриваются в целом ряде работ (см. [Čermák 1998; Pulvermüller 2005; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Козеренко, Крейдлин 1999, 2011; Крейдлин 2002]). Данные компоненты являются продуктивными в том смысле, что употребляются в большом числе фразеологизмов. Хотя, в силу универсальности соматических реакций, они частично совпадают в разных языках, очевидны и различия, связанные с неодинаковым осмыслением этих реакций. Такие идиомы могут быть интуитивно понятны носителю языка, но для неносителя могут оказаться средни загадкам (см. [Ковшова 2015]). При этом очевидно, что количество фреймов-

источников (а значит, и фреймов-целей, и таксонов в тезаурусе) напрямую связано с теми прототипическими движениями, которые характерны для соответствующей части тела.

В данной статье рассматриваются форма, значение и особенности употребления идиом с компонентом соматизмом *волосы* в славянских (на материале русского и сербохорватского), германских (на материале английского и немецкого) и кельтских (на материале ирландского) языках. Материалом служат лексикографические источники и корпуса текстов.

Противопоставление *волос* vs. *волосы* может быть и чисто грамматическим (как в русском, английском и немецком), и лексическим (сербохорватский, ирландский) причем не только парным. Так, в сербохорватском языке используются следующие слова: *коса/kosa* 'волосяной покров' (собирательное), *влас/vlas* 'волос', *длака/длака* 'волос (на лице или теле); волосяной покров на теле человека; шерсть животного; ворс, пух (в ботанике)'. В ирландском языке используются *gruaig* 'волосы' (собирательное), *folt* 'вьющиеся волосы, локоны' (собирательное; ср. ирландское название созвездия Волосы Береники – *Folt Bheirnicé*), *ribe* (вариант *ruibe*) 'волос, волосок на теле, щетина; усы; стебель травы, пучок травы'. Кроме того, в результате метафорического переноса появляется значение 'злобный внешний вид' (в словаре [Ó Dónaill] – *bristling, angry appearance*, т.е. отражение соматической реакции, описываемой рус. *волосы дыбом* или *ощетиниться*). Компонент *волос* и его аналоги (*vlas, dlaka, ribe*) требуют отдельного разбора, поэтому в данной статье мы ограничимся идиомами с компонентом *волосы*.

Анализ идиом с компонентом *волосы*

Как правило, данные идиомы связаны с теми или иными соматическими реакциями и потому могут быть разделены на следующие макрометафорические концепты (по И.В. Зыковой [2015]):

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВОЛОС / ДЕЙСТВИЕ С ВОЛОСАМИ

рус. *волосы дыбом* (областное *волосы (в)стали на дыбки* [ФСРЛЯ]), *волосы шевелятся*

сербохорв. *коса <на глави> се диже/дигне (подигне) коме* («волосы на голове поднимаются/поднимутся»);

англ. *To make one's hair stand on end – sb's hair stood on end* («заставить волосы стоять на кончике – волосы стоят на кончике»), *to curl sb's hair* 'приводить кого-л. в ужас' («завивать кому-л. волосы»);

нем. *jemandem stehen die Haare zu Berge/sträuben sich die Haare* («у кого-л. волосы стоят в гору / топорщатся»);

ирл. *thógfadh sé an ghruaig de do cheann* («это подняло бы волосы с твоей головы») – *sheas an ghruaig ar a cheann* («встали волосы на его голове»)

Волосяной покров человека и волосяной покров животного оказываются близки, ср. вариант рус. *волосы дыбом* — *шерсть дыбом*. Это обусловлено анималистическим кодом культуры (в терминах лингвокультурологической школы фразеологии).

Следует обратить внимание на характерные для всех этих идиом конверсивные преобразования. В самой семантике этих идиом заложена каузация: «волосы поднимаются» по какой-л. причине («от чего-л.»). Д.О. Добровольский

справедливо отмечает, что конверсия и актантная деривация характерны для сравнительно малого числа близких семантических полей – прежде всего, ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (и производных – КОНФЛИКТ, КРИТИКА, УКОР, СОПРОТИВЛЕНИЕ, АГРЕССИЯ и пр.; иначе говоря, эмоционального воздействия) [Добровольский 2011]. Семантические роли вышеперечисленных идиом способствуют конверсии и каузации: экспериенцер одновременно может восприниматься как пациент, которого агенс «заставляет» испытывать те или иные отрицательные эмоции. Конверсивные преобразования, как правило, являются аналитическими: *заставить волосы встать дыбом*, *to make one's hair stand on end*, *jmdm. die Haare zu Berge stehen lassen*. Синтетические преобразования преобразования встречаются значительно реже. В русском тексте была найдена всего одна трансформация *поднимать волосы дыбом*:

1. В одной не слишком длинной обвинительной речи о крайне сомнительном истязании приемыша-девочки женщиной, взявшей ее на воспитание, судьи и присяжные слышали, по словам автора, такие отрывки: «Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном совпадают; развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; то, что вы слышали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, *это поднимает волосы дыбом*»... [А. Ф. Кони. Искусство речи на суде (1914); НКРЯ].

Конверсия идиомы *волосы шевелятся* возможна, однако в большинстве контекстов (106 вхождений в основном корпусе, 6 примеров в поэтическом) *шевелить волосы* – свободное словосочетание. Мы обнаружили всего два исключения из художественной литературы:

2.а. Как и давеча, при встрече, – сладкий, дрожащий холод бежит по его телу и делает кожу жесткой и приподымает и *шевелит волосы на голове*. [А. И. Куприн. Поединок (1905); НКРЯ]. **б.** Третья сила существует, и она подошла так близко, что ее дыхание *шевелит волосы на наших головах*. [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994); НКРЯ].

На первый взгляд, эти словосочетания производят впечатление свободных. При этом используется та же модель, что и в аналитическом *заставлять волосы шевелиться/ стоять дыбом*. Кроме того, идиома *волосы шевелятся* находится в подтексте. Вероятно, эти словосочетания надо отнести к малоупотребительным трансформациям.

В английском языке, помимо *to make sb's hair stand on end*, зафиксирована форма *to make sb's hair curl* ‘заставить чьи-л. волосы виться’ (8 примеров идиоматического в [COCA], 12 примеров в [BNC] при всего одном свободном словосочетании). Встречающееся в словарях словосочетание *to curl sb's hair* является свободным в большинстве обнаруживаемых контекстов (95 пример в [COCA], из них всего три примера типа *I regularly get questions so graphic they would curl your hair* ‘мне регулярно задают столь жуткие вопросы, что они завьют вам волосы’ [1991; MAG; USNWR; COCA]). Интересно, что синтетическая форма каузатива допускает исключительно форму второго лица: *curl your hair*. В британском корпусе из 16 контекстов *curl one's hair* только один раз употреблено как идиома, причем с иным значением: имеется в виду не отрицательная эмоция, а

вообще сильная эмоция, ср. *a hidden gem of British golf <...> that will curl your hair* ‘скрытая жемчужина британского гольфа, <...> которая «завьет вам волосы»’ [C9E; W_por_loge; BNC]. Аналогичное изменение значения обнаруживается у идиомы с другим именным компонентом-соматизмом, но близкой образной составляющей: *to make sb's toes curl* ‘вызывать стыд; вызывать страх’ (букв. «заставлять чьи-л. пальцы ног поджиматься/завиваться»). Отрицательная эмоция (страх или стыд) может переосмысливаться как любая сильная эмоция, в том числе и положительная: *She planted a lip-lock on him that made her toes curl up inside her pointy-toed high heels*. ‘Она закрыла ему рот поцелуем, «который заставил ее пальцы поджаться внутри туфель на остром каблучке»’ [2008; FIC: FinalJustice; COCA].

В немецком языке последняя трансформация встречается часто: так, в корпусе [DWDS] найдено 83 подобных примера из 499 контекстов употребления идиомы, причем большая часть относится к публицистическому дискурсу, ср:

3. Genaue Meßwerte können die DDR-Oberen noch verheimlichen, die sichtbaren Schäden jedoch nicht – und *die lassen DDRlern wahrlich die Haare zu Berge stehen*. ‘Точные цифры еще может скрывать верхушка ГДР, но очевидный ущерб не скроешь – и «он заставляет у ГДРовцев волосы поистине становиться дыбом»’ [Ketman, Per u. Wissmach, Andreas: DDR - ein Reisebuch in den Alltag, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt 1986, S. 168; DWDS-Kernkorpus].

Немецкий глагол *sträuben* ‘топорщить, ерошить’ является переходным, поэтому теоретически возможна каузация типа *jmdm. die Haare sträuben*, однако на практике таких примеров мы не обнаружили. Возможно лишь варьирование глагола-каузатора – *lassen vs. machen*, например, у Карла Мая: *eine Geschichte, die mir die Haare sträuben machte*. ‘история, которая «заставляла мои волосы топорщиться»’ [May, Karl: Durchs Wilde Kurdistan. Freiburg (Breisgau), [1892]; DWDS].

В двух контекстах XIX—XX вв. зафиксирована контаминация этих идиом *sich die Haare zu Berge sträuben*:

4. Ich bin zu der Ueberzeugung gelangt, die Frauenfrage steht am Eingange eines Thores, das zu betreten *uns das Haar zu Berge sträuben wird!* ‘Я пришел к убеждению, что женский вопрос стоит в начале ворот, проход через которые «встопорщит нам волосы дыбом»’ [Gutzkow, Karl: Die neuen Serapionsbrüder. Bd. 2. Breslau, 1877; DWDS-Spracharchiv].

В ирландских словарях мы встречаем только синтетический способ каузации: *seas* ‘стоять’ заменяется на *tóg* ‘ставить’: *thógfadh sé an ghruaig de do cheann*, – однако в ирландских корпусах мы встречаем только аналитическую форму каузатива:

5. Tá na mothúcháin seo go léir fite fuaite ar a chéile i mbeagán focal istigh sa chaibidil san i dtosach an leabhair *a chuir an ghruaig ina seasamh i gcúl mo chinn*. ‘Все эти чувства неразрывно соединены в нескольких словах внутри этой главы в начале книги, которая «заставила мои волосы стоять на затылке» (букв. «взяла мои волосы в их стояние в задней части моей головы»)’ [Léirmheas. Feasta 60 (3), 10-11. Domhnall Mac Síthigh; GAOIS].

Таким образом, у подобных идиом использование аналитической конструкции является основной моделью конверсивных преобразований.

Выделение макророметифорического концепта ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВОЛОС сопряжено с некоторыми трудностями. На первый взгляд, данный концепт вполне может существовать и может быть

соотнесен с ориентационными метафорами Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Идиомы, относящиеся к данному макророметифорическому концепту, обнаружены только в словарях: *косе расту коме* 'кто-л. испытывает радость, удовлетворение' («волосы растут у кого-л.», ср. также: *кика расте* («косичка растет»), *перје расте* («перья растут»). Несмотря на это, ни в сербском, ни в хорватском корпусах мы не нашли ни одного примера употребления этих идиом. *Коса расте, косе расту* появляются только как свободные словосочетания; возможны также компаративы *коса расте као врба* 'волосы растут, как ива' и *коса расте из воде* 'волосы растут из воды'. Поскольку некоторые идиомы, относящиеся к предыдущему концепту, обозначают и положительные эмоции, эти концепты можно объединить: СИЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВОЛОС.

Рассмотрим следующий концепт, связанный с волосным покровом: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО ДЕЙСТВИЯ С ВОЛОСАМИ.

рус. *рвать на себе / на голове волосы*

англ. *pull out one's hair* 'приходить в отчаяние, горевать' – *keep one's hair on* 'оставаться спокойным'

сербохорв. *уз косу (bitu)* 'о каком-л. действии: не быть добровольным' («быть против волос, вверх по волосам» – *уз косу (uhi)* 'возражать, противиться' («идти против волос, вверх по волосам») – ср. рус. *против шерсти*

нем. *sich <Dativ> die Haare raufen* 'от отчаяния не знать, что делать' («выдергивать себе волосы»), *Haare lassen [müssen]* 'добиться чего-л. с потерями' («быть вынужденным оставить волосы»)

ирл. *ná bí ag stoiththeadh mo chuid gruaige* 'не нервируй меня' («не выдергивай мне волосы»).

Близость формы и значения рус. *против шерсти* и сербск. *уз косу* указывает на задействованный в данных фразеологизмах анималистический код культуры.

Такой жест, как дерганье себя за волосы, характерен для многих людей испытывающих страх. Этим объясняется тот факт, что даже там, где эта идиома не зафиксирована в словаре, она обнаруживается в живом употреблении. Так, в сербском корпусе [KSSJ—MF] найдено десять примеров употребления *чупати косу* (букв. «выдергивать волосы»), восемь из которых представляют собой идиомы – номинации жеста. В двух она употреблена в том же значении, что и рус. *рвать на себе волосы (от чего-л.)*, ср.:

6.»Da radim u diskografskoj kući, verovatno bih čupao kosu. Vlada takva konfuzija i svi traže izlaz iz ćorsokaka, a nemoguće ga je naći«, rekao je nedavno '«Если бы я работал в музыкальном издательстве, я бы, наверное, “рвал волосы”. Там господствует такая неразбериха, и все ищут выход из тупика, а найти его невозможно», – сказал он недавно' [Politika (21.11.2008)']; KSSJ—MF].

В немецком языке обнаруживается идиома, в которой концепт ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО ДЕЙСТВИЯ С ВОЛОСАМИ совмещен с метафорой еды (ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ОПЫТ): *jemandem die Haare vom Kopf fressen* 'хорошо поесть за чей-л. счет' («сожрать волосы у кого-л. с головы»). Данная идиома относится к пищевому коду культуры (в терминах лингвокультурологической школы фразеологии, ср. [Красных 2001]). Уподобление еде широко распространено во фразеологии, ср. соответствующую лексику во фразеологизмах, посвященных правде, истине и лжи [Байрамова 2016: 30–33].

Близкий концепт – КОГНИЦИЯ – ЭТО ДЕЙСТВИЯ С ВОЛОСАМИ. Он представлен в немецкой идиоме *etw. an/bei den Haaren herbeiziehen* ‘цитировать или упоминать что-л., не относящееся (или слишком отдаленно относящееся) к делу’. Она широко представлена в немецком, ср.:

7. Gerade das verbietet es, was Männer so gerne tun: nämlich in gnadenloser Weise die Konversation auf präparierte Witze zuzusteuern oder *vorgestanzte Witze an den Haaren herbeizuziehen*. ‘Именно это делает невозможным то, что так любят делать мужчины – безжалостно направлять разговор на заранее заготовленные шутки или «притягивать предварительно нарезанные анекдоты за волосы» [Schwanitz, Dietrich: Männer, Frankfurt a. M.: Eichborn 2001, S. 176; DWDS-Kernkorpus].

В русском языке аналогом является идиома с иным соматическим компонентом: *притягивать что-л. за уши* (в основном, встречается в публицистике – ровно половина из 26 примеров в подкорпусах НКРЯ). При этом в русском и немецком корпусах мы встречаем всего лишь по одному примеру замены именного компонента: рус. *несчастные начала народного духа, которые каждый притягивает за волосы к чему хочет* [Н. К. Михайловский. Десница и шуйца Льва Толстого (1878); НКРЯ] (публицистика XIX в.) и *einiges wirkte quasi an den Ohren herbeigezogen* ‘довольно многое казалось «фактически притянутым за уши»’ [Berliner Zeitung, 05.10.2000; DWDS].

Глагольный компонент обеих идиом допускает известные грамматические изменения, ср. *an den Haaren herbeizogen, притянутый за уши, не притягивай за уши*.

Следующий концепт – ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ – ЭТО ДЕЙСТВИЯ С ВОЛОСАМИ.

рус. *вцепиться в волосы кому-л.* ‘начать драться с кем-л.’ (ср. также идиому с иным именным компонентом: *вцепиться в горло/глотку кому-л.* ‘не отступая, требовать свое’ [ФСРЛЯ]);

сербохорв. *скочити један другоме у косу* ‘подрасться’ («вцепиться друг другу в волосы»)

англ. *to have sb by the short hairs / neck hairs / by short and curls* ‘поставить кого-л. в трудное положение, полностью контролировать кого-л.’ («держат кого-л. за короткие волоски / волоски на шее / за короткие и кудряшки»);

нем. *sich in die Haare/Wolle fahren/geraten/kriegen* ‘начать драться, ссориться’ («пройти/попасть друг другу по волосам/шерсти»), *sich in den Haaren liegen* ‘драться, ссориться’ («лежать, вцепившись друг другу в волосы»); ср. англ. устар. *to go together by the ears* в том же значении;

ирл. *beidh “Lig amach mo ghruaig ann”* ‘сейчас начнется драка’ («Будет: “Выпусти мои волосы из рук”»).

Русская идиома *вцепиться в волосы* чаще всего употребляется в качестве номинации жеста, причем подразумевается и начало драки, и конкретный болевой прием, ср.: *Они так ругались, что казалось, еще мгновение – и вцепятся друг другу в волосы*. [Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало (2007); НКРЯ]. Как номинация жеста, *вцепиться в волосы* (если валентность заполнена местоимением *себя*) может сближаться с *рвать на себе волосы*.

Значение ‘драться’ обнаруживается у всех аналогов рус. *вцепиться в волосы* в изучаемых языках. Представляется очевидным семантический перенос ‘драка,

оскорбление действием’> ‘спор, оскорбление словом’ (по модели СПОР – ЭТО ВОЙНА согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону).

Следующий концепт, который обнаруживается у идиом с компонентом *волосы* (как покров) – МУЖЕСТВЕННОСТЬ КАК ВОЛОСАТОСТЬ.

англ. *To put hair on sb's chest* ‘сделать что-л., что придает сил или делает мужественным’ («поместить кому-л. на грудь волосы»)

нем. *Haare auf den Zähnen haben* ‘быть упорным, настойчивым’ («иметь волосы на зубах»; ср. африкаанс *hare op die tande hê* с тем же значением).

Идиомы с подобным метафорическим переносом были обнаружены только в английском и немецком языках. Появление особенностей характера, ассоциируемых с мужским полом, осмысляется как маскулинность. В качестве субъекта англ. *to put hair on sb's chest* (с возможностью ввода местоимения *some* для обозначения паритивности), как правило, оказывается какой-либо традиционно мужской род занятий (*military service will put hair on your chest* ‘служба в армии поместит у тебя на груди волосы’), или название крепкого алкогольного напитка. Обычно употребляется с местоимением *you*: *X will put [some] hair on your chest*. Адресатом, как подчеркивается в [McGraw-Hill], преимущественно является мужчина, хотя редко (1 контекст из 10 [COCA], 1 из 3 в [BNC]) адресатом оказывается женщина, и в результате возникает эффект двойной актуализации:

8. He hands her the drink with a small napkin. «*That'll put hair on your chest!*» # “I don't want hair on my chest,” Norah says. ‘Он передает ей бокал с напитком, обхватив его салфеткой: «Это поместит тебе волосы на грудь». // – Но мне не нужны волосы на груди, – отвечает Нора’ [2005; FIC; MassachRev; COCA].

Немецкая идиома *Haare auf den Zähnen haben* основана на осмыслении повышенной выносливости и витальности как мужественности. Несмотря на то, что образ в основе идиомы указывает на мужские черты внешности, идиома может указывать на выносливость или терпение не только у мужчин, но и у женщин, ср.: *beide [Lehrerinnen] hatten Haare auf den Zähnen und eine fast unverständliche Gefuld* ‘у обеих [учительниц] были «волосы на зубах» и почти непостижимое терпение’ [Kant, Hermann: Die Aula, Berlin: Rütten & Loening 1965, S. 252; DWDS].

В русском языке к этому концепту мы можем отнести идиомы *волосатая рука/лапа, мохнатая рука/лапа* ‘человек, имеющий влиятельные связи и знакомства, способный помочь в карьере и осмысляемый как физически сильная мужская рука, непосредственно воздействующая на окружающие объекты и манипулирующая ими, а также сами связи и знакомства такого типа’ [АСРФ]. В данном толковании даны сразу два значения, и это обуславливает все возможности употребления этих идиом: *иметь волосатую руку (где-л.), (добиться чего-л. ...) без волосатой руки* и т.д.

Следующие концепты – СТАРЕНИЕ – ЭТО СЕДИНА и близкий к нему ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ – ЭТО СТАРЕНИЕ (фактически, часть семантической сети, соединяющей в тезаурусе такие таксоны, как ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНОСТИ, СТАРОСТЬ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ).

рус. *до седых волос, что-л. добавило кому-л. седых волос;*

сербохорв. *под седу косу, под седе власи* ‘под седые волосы’, *по коси попало иње* ‘на косы упал иней’, *прогрушала се коса* ‘заиндевели косы’;

нем. *sich <Dativ> über, wegen, um etwas keine grauen Haare wachsen lassen* ‘не беспокоиться по поводу чего-л.’ («не давать себе отращивать из-за чего-л. седые

волось»);

англ. *to get grey hair from sth.* ‘волноваться по поводу чего-л.’ («получить седые волосы по поводу чего-л.»);

Русская идиома часто употребляется в форме *X дожил до седых волос, а P*, например: *он дожил до седых волос, а ума не нажил.*

В двух языках *обнаруживается* модель ПРИЧЕСКА – ЭТО МАРКЕР ПОВЕДЕНИЯ.

англ. *to let down one's hair* ‘вести себя непринужденно’ («распустить волосы») – *to put one's hair up* ‘вести себя официально’ («стягивать волосы в пучок»);

ирл. *tá a cuid gruaige i n-airde aici / ar sileadh lei* ‘она ведет себя официально / непринужденно’ (в словаре О’Донелла: ‘she has her hair up/hanging’ [Ó Dónaill]).

Внутренняя форма идиом совершенно прозрачна, ср. англ.:

9. The cast of the hit drama *Mad Men loosen their ties and let down their hair.* The cast of *Mad Men* celebrated their 16 Emmy nominations – including one for best drama – in high style. ‘Актеры популярного драматического сериала «Безумцы» ослабляют галстуки и распускают волосы. Актеры сериала «Безумцы» стильно отпраздновали свои 16 номинаций на премию «Эмми», включая номинацию за лучшую драматическую работу» [2008; MAG: People; COCA].

Английская идиома очевидным образом происходит от номинации жеста, и связь с ним остается очевидна в большинстве контекстов. Жест воспринимается как преимущественно женский, и с местоимением *his* идиома употребляется не более трех раз, причем исключительно как переосмысленное сочетание, ср.: *Bellow has always been able to pack a sentence; and at its worst this can give his writing a kind of studied fluency, as though he wanted to be Flaubert letting his hair down.* ‘Сол Беллоу всегда умел написать фразу так, что ее будут помнить; в худшем случае это придает его стилю вид некой выученной непринужденности, как будто он хочет быть Флобером, «распускающим волосы»’ [2008; ACAD: Raritan; COCA].

Живая внутренняя форма приводит к двойной актуализации наподобие:

10. *During the rebellious '60s and '70s, athletes let their hair down. And put it up.* ‘В бунтарские 60-е и 70-е спортсмены распускали волосы. И собирали их в пучок’ [2004; NEWS; USA Today; COCA].

В американском корпусе *let one's hair down* встречается 110 раз, *let down one's hair* – 37 раз; в британском корпусе количество примеров равно, соответственно, 30 и 6. Если валентность заполняется местоимением *her*, то в COCA свободное словосочетание употребляется в каждом четвертом примере (5 из 21); в BNC *let her hair down* употреблено всего один раз, однако именно как идиома. Словосочетание *let down her hair* является свободным практически всегда (9 примеров из 10 в COCA, оба примера в BNC). Значительная часть контекстов употребления содержит отсылку к сказке «Рапунцель» в виде цитаты *Rapunzel, let your hair down* ‘Рапунцель, спусти волосы вниз’ и ее производных. Из-за живой внутренней формы во многих примерах используется тот или иной способ уточнения, совместное употребление в одном контексте со свободными или слабоидиоматичными сочетаниями, контекстно-зависимые лексико-синтаксические модификации: *relax and let your hair down* ‘расслабься и распусти волосы’, *Julia Roberts is letting her hair down and being herself* ‘Джулия Робертс распускает волосы и ведет себя естественно’ (букв. «...и является собой»), *lets down its collective hair* ‘распускает коллективные волосы’.

В ирландских корпусах мы обнаруживаем только свободное словосочетание:

11. Bhí sé soiléir láithreach go raibh sí ina lipín báite, *a cuid gruaige ag sileadh* de dhroim guaille ‘go triopallach scáinneach cáblach’ mar a dúirt an file Eoghan Rua. ‘Теперь уже было понятно, что она промокла до нитки (букв. «была в своей утонувшей мокрой тряпке»); ее волосы свисали с плеч, словно «собранная в пучок истертая веревка», как сказал поэт Эоган Руа О’Салливан’ [Micheál Ua Ciarmhaic, Guth ón Sceilg; Nua-Chorpas].

В русском языке этому соответствует композит *опростоволоситься* и устаревшая идиома *в простых волосах* (ср. *в простых волосах дойду*).

Наконец, во фразеологии рассмотренных языков обнаруживается уподобление волосам природных объектов: ПРЕДМЕТЫ – ЭТО ВОЛОСЫ. Данную метафору мы обнаруживаем только в двух языках – ирландском и сербохорватском. Идиомы и коллокации могут быть многозначны, ср. ниже сербохорватский пример.

сербохорв. *вилаина коса* ‘повилика; тонкие нити паутины, которые летят осенью по воздуху; полиэтиленовые нити как украшение на рождественской или новогодней елке’ (букв. «вилины волосы», от *вила* ‘лесная фея’).

ирл. коллокации *gruaig trá* ‘водоросли’ («волосы пляжа»), *folt na coille* ‘листва’ («локоны леса»), *folt fionn na farraige* ‘буруны’ («светлые локоны моря»)

Сербохорв. *вилаина коса* (с возможной формой *вилинья/vilinja*) в корпусах встречается сравнительно нечасто. В сербских примерах оно употреблено 8 раз, в хорватских примерах – 14 раз. В сербском корпусе оно 7 раз употребляется в значении ‘повилика’; в одном контексте внутренняя форма объясняется: *U Gruži se veruje da je ova trava (žute boje) opala vilina kosа <...> i da po njoj igraju vile* ‘жители Гружи верят, что эта трава желтого цвета – опавшие вилины волосы, и в ней пляшут вилы’ [Čajkanović, Veselin. Rečnik srpskih narodnih verovanja o biljkama; KSSJ–MF]. В хорватском корпусе это значение зафиксировано 5 раз, а в 9 примерах оно означает ‘паутина’, ср.: *širok, ravan kraj nad kojim prolijeće vilinja kosа* ‘широкая равнина, над которой пролетали «вилины волосы»’ [Ivan Dončević. Životopis bez svršetka...; Riznica].

В ирландских корпусах мы обнаружили лишь одну из приведенных коллокаций – *folt na coille*, ср.: *Thaispeáin sé nead di a bhí i bhfolach go dlúth istigh i bhfolt na coille* ‘Он показал ей гнездо, которое было надежно укрыто внутри «локонов леса»’ [GAOIS]. В обоих корпусах найдено всего по одному примеру.

Фразеологизмы с компонентом *волосы* продолжают возникать и в настоящее время: в английском языке сравнительно недавно начала фиксироваться идиома *bad hair day* (букв. «день плохих волос»), протолкованной в словаре [McGraw-Hill 2002] следующим образом: ‘a bad day in general. (As when one’s inability to groom one’s hair in the morning seems to color the events of the day.)’ («В целом неудачный день, например, в случае если утром оказался невозможен уход за волосами и это каким-то образом придало общую окраску событиям всего дня»). В британском варианте английского языка данная идиома не зафиксирована.

Судя по ее употреблению, исторически она представляла собой модификацию устойчивого слабиодиоматичного сочетания *bad day*: на это указывает употребление одного и того же глагольного компонента *to have* (одного из стандартных глагольных компонентов с диффузной семантикой, характерных для фразеологии германских языков [Добровольский 1991]); ср. также: *bad weather day* ‘день, когда была плохая

погода', *bad air day* 'день, для которого было характерно загрязнение воздуха' (букв. «день плохого воздуха»), *bad allergy day* 'день, когда кто-л. испытал сильный аллергический приступ' («день плохой аллергии»). В корпусе современного американского варианта английского *bad hair day* встречается в 120 контекстах (*bad hair day/days* с преобладанием формы единственного числа). Из них 43 примера обнаруживается в публицистике (33 – в единственном числе), 38 примеров употребления — записях звучащей речи (транскриптов теле- и радиопередач, 37 — в единственном числе).

12. a. ARMEY: Well, I don't know. But, I mean, you've had a bad day. James, you must have had a bad day CARVILLE Oh god. I had a bad day in November, a bad hair day 'Арми: Ну, я не знаю. Но я хотел сказать, у вас был неудачный день. Джеймс, у вас наверняка был неудачный день. Карвилл: Боже... В ноябре у меня был неудачный день, «день плохих волос».' [2002; SPOK; CNN_Crossfire; COCA].
b. And if you're having a *bad hair day*, you can turn off your screen. 'А если у вас «день плохих волос», то можно отключить экран' [2002; SPOK; CNN_Next; COCA].

Идиома допускает ввод отрицания (сильная эксплицитно-позитивная в терминологии [Баранов, Добровольский 2008: 293]) и модификации типа *he is not having a good hair day*. Любопытно, что в таком специфическом жанре публицистического дискурса, как журнал мод, данное словосочетание продолжает оставаться коллокацией, ср.:

13. *A bad skin day is a bigger beauty ego killer than a bad hair day*, according to 70% of women polled 'По мнению 70% проголосовавших женщин, «день плохой кожи» убивает уверенность в собственной красоте сильнее, чем «день плохих волос»'. [2011; MAG; Cosmopolitan; COCA].

Выводы

Идиомы с компонентом *волосы* в разных языках образованы по небольшому числу моделей – семи (формально восьми).

Как правило, в исследуемых языках техника номинации идиом с данным соматическим компонентом совпадает полностью или частично, поэтому большую их часть можно отнести к фразеологическим интернационализмам.

Помимо ограниченного набора актуальных значений мы можем говорить об ограниченном наборе внутрифразовых символов по А.М. Мелерович (см. [Мелерович 2004]): например, концептам, связанным с когницией, соответствуют внутрифразовые символы *волосы* и *уши*; концептам, связанным с отрицательными эмоциями, в том числе со страхом и стыдом, — *волосы* и *пальцы ног* (на основе соматических реакций). Кроме того, изменение формы идиом может приводить к сближению идиом с разными актуальными значениями.

Возможность грамматических изменений зависит от образной составляющей идиомы: изменение внутрифразового символа в той или иной степени меняет метафору, и именно поэтому для идиом более характерно варьирование глагольного компонента. Это касается и такой трансформации, как уменьшение компонентного состава идиомы (как правило, с имплицитными, подразумеваемыми образной составляющей и компонентным составом).

Продолжается образование новых идиом, причем их варьирование и идиоматичность зависит от типа дискурса.

Литература

АСРФ: Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.

Байрамова Л.К. Правда и ложь как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, английского, немецкого, французского, татарского языков: монография. Казань: ФЭН, 2016. 220 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 646 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Королев К.М. (сост.) Языки как образ мира. М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220. 546.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.

Ковшова М.Л. Идиома и загадка. Загадочность идиом // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. В.З. Демьянков; отв. секр. вып. Е.М. Позднякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 643-651.

Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания, №6, 2011. С. 54-66.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.

Мелерович А.М. О структуре и функциях фразеологических символов // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 94-101.

РМС: Матица Српска. Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига прва. А—Е. Књига друга. Ж—К (косиште). Нови Сад, 1990. [= Речник Матице Српске]. 1738 с. (871 + 867 с.)

СХРФС: Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток-Запад, 2005. 232 с.

ФСРЛЯ: Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 828 с.

Тезаурус: Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Вознесенская М.М., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

American Heritage Idioms: Ammer, C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2003. 512 p.

BNC: British National Corpus (BYU-BNC) [Электронный ресурс] <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 10.03.2017).

Bugariski R. Portret jednog jezika. / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2012 (Beograd: Čigoja štampa). 278 str.

Čermák, F. Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1998. — P. 109—119.

COCA: Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] <http://corpus2.byu.edu/coca/> (дата обращения 10.03.2017).

Dautović M. Hrvatsko-ruski rječnik. 1. svezak. A-O. Zagreb: Školska knjiga, 2002. 759 str.

De Bhaldraithe T. English-Irish Dictionary [Электронный ресурс] <http://www.teanglann.ie/ga/eid/> (дата обращения 05.02.2017).

Duden Band 11: Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. 928 S.

GAOIS: Corpas na Gaeilge Comhaimseartha [Электронный ресурс] <http://www.gaois.ie/g3m/ga/> (дата обращения 10.03.2017).

KSSJ – MF: Korpus savremenog srpskog jezika – Matematički fakultet // <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html> (дата обращения 10.03.2017).

Ó Duinnín P. (Dinneen P.S.) Foclóir Gaedhlighe agus Béarla: An Irish-English dictionary, being a thesaurus of the words, phrases and idioms of the modern Irish language. Dublin: published for the Irish Texts Society by the Educational Company of Ireland, 1927. 1374 p.

Ó Dónaill N. Foclóir Gaeilge-Béarla. BÁC: An Gúm, 1977. 1309 l.

Riznica: Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje [Электронный ресурс] <http://riznica.ihjj.hr/> (дата обращения 10.03.2017).

RHSFR: Rusko hrvatski ili srpski frazeološki rječnik. Prvi dio A-N. U redakciji Antice Menac. Zagreb: IRO “Školska knjiga”, 1980. 746 str.

Vukajlija: Vukajlija. Rečnik slenga [Электронный ресурс] <http://vukajlija.com/> (дата обращения 10.03.2017).

THE SOMATISM *HAIR* IN SLAVIC, GERMANIC, AND CELTIC PHRASEOLOGY

Pavel S. Dronov

Ph. D., research fellow,

Yuri Stepanov Research Centre for Theory and Practice of Communication

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

nord.dronov@gmail.com

The paper considers idioms with the constituent hair (as a mass noun) in Slavic (namely, Russian, Serbo-Croatian), Germanic (English, German), and Celtic languages (namely, Irish). An issue arising in the process of analysing such idioms is the opposition hair (mass noun) vs. hair (individual noun), which may be either purely grammatical or lexical. This opposition, especially on the lexical level, leads to the co-occurrence of idioms with both constituents denoting different concepts. The article covers the idioms' underlying metaphors and metaphorical models, as well as peculiarities of their lexical and grammatical alterations. As the analysis demonstrates, the hair idioms can be assigned to seven models; although technically there is the eighth one, there is little evidence of its existence in corpora or speech, and its lexicographical coverage is sparse. Additionally, the paper regards convergence of idioms whose figurative meanings were

originally different. Another question raised in the article is that of cultural specificity vs. common figurative units, since most hair idioms appear to belong to latter.

Besides, the paper deals with a newer English idiom bad hair day and the discourse-specific changes and modifications thereof.

Key words: phraseology, somatisms, metaphorical models, lexical/grammatical alterations of idioms, Slavic languages, Germanic languages, Celtic languages.

References

American Heritage Idioms: Ammer, C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2003. 512 p.

ASRF: Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii [An Academic Dictionary of Russian Phraseology] / Baranov A.N., Voznesenskaya M.M., Dobrovolskij D.O., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. 2-e izd., ispr. i dop. M.: LEKSURUS, 2015. 1168 p.

Bayramova L.K. Pravda i lozh' kak tsennost' i antitsennost' vo frazeologicheskoy paradigme russkogo, anglijskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, tatarskogo yazykov: monografiya. [Truth and Lies as a Value and Anti-Value in the Phraseological Paradigm of Russian, English, German, French, and Tatar: a Monograph]. Kazan': FEHN, 2016. 220 p.

Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the Theory of Phraseology]. M.: Znak, 2008. 646 p.

BNC: British National Corpus (BYU-BNC) [Electronic resource] <http://corpus.byu.edu/bnc/> (retrieval date: 10.03.2017).

Bugariski R. Portret jednog jezika [A Portrait of a Language] / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2012. 278 p.

Čermák, F. Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1998. Pp. 109-119.

COCA: Corpus of Contemporary American English [Electronic resource] <http://corpus2.byu.edu/coca/> (retrieval date: 10.03.2017).

Dautović M. Hrvatsko-ruski rječnik. 1. svezak. A-O. Zagreb: Školska knjiga, 2002. 759 p.

De Bhaldraithe T. English-Irish Dictionary [Electronic resource] <http://www.teanglann.ie/ga/eid/> (retrieval date: 05.02.2017).

Duden Band 11: Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik [Duden Figurative Units: Dictionary of German Idioms]. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. 928 p.

FSRLYA: Fyodorov A.I. Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Idioms in the Modern Russian Literary Language]. M.: Astrel', AST, 2008. 828 p.

GAOIS: Corpus na Gaeilge Comhaimseartha [Corpus of the Contemporary Irish Language] [Electronic resource] <http://www.gaois.ie/g3m/ga/> (retrieval date: 10.03.2017).

Kovshova M.L. Idioma i zagadka. Zagadochnost' idiom [An idiom and a riddle: the mystery of idioms] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXIII: Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh trudov [Studies in Cognitive Linguistics: Collective papers. Issue XXIII: Linguistic Technologies in

Academia] / gl. red. serii N.N. Boldyrev; otv. red. vyp. V.Z. Dem'yankov; otv. sekr. vyp. E.M. Pozdnyakova. M.: In-t yazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. Pp. 643-651.

Kozerenko A.D., Krejdlin G.E. Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela [Somatizms in idioms and semiotic conceptualization of human body] // *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], No. 6, 2011. Pp. 54-66.

Krasnykh V.V. Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii. [Foundations of Psycholinguistics and Communication Theory] M.: Gnosis, 2001. 270 p.

KSSJ — MF: Korpus savremenog srpskog jezika – Matematički fakultet [Corpus of Contemporary Serbian, Compiled by School of Mathematics, Belgrade University] [Electronic resource] <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html> (retrieval date: 10.03.2017).

Melerovich A.M. O strukture i funktsiyakh frazeologicheskikh simvolov [On the structure and functions of phraseological symbols] // *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural Layers in Figurative Units and Discourse Practices] / Otv. red. V.N. Teliya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. Pp. 94-101.

Ó Duinnín P. (Dinneen P.S.) Foclóir Gaedhlice agus Béarla: An Irish-English dictionary, being a thesaurus of the words, phrases and idioms of the modern Irish language. Dublin: published for the Irish Texts Society by the Educational Company of Ireland, 1927. 1374 p.

Ó Dónaill N. Foclóir Gaeilge-Béarla [Irish-English Dictionary]. BÁC: An Gúm, 1977. 1309 p.

Riznica: Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje [Croatian Language Repository: Institute of Croatian Language and Linguistics] [Electronic resource] <http://riznica.ihj.hr/> (retrieval date: 10.03.2017).

RHSFR: Rusko hrvatski ili srpski frazeološki rječnik. [A Russian–Serbo-Croatian Dictionary of Idioms] Prvi dio A-N. U redakciji Antice Menac. Zagreb: IRO “Školska knjiga”, 1980. 746 p.

RMS: Matica Srpska. Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika [The Matica Srpska Dictionary of the Standard Serbo-Croatian Language]. Knjiga prva. A—E. Knjiga druga. Ž—K (kosište). Novi Sad, 1990. 1738 (871 + 867) p.

SKHRFS: Trofimkina O.I. Serbokhorvatsko-ruskij frazeologicheskij slovar' [Serbo-Croatian–Russian Dictionary of Idioms]. M.: Vostok-Zapad, 2005. 232 p.

Tezaurus: Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O., Voznesenskaya M.M., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D. Slovar'-tezaurus sovremennoj ruskoj idiomatiki: okolo 8000 idiom sovremenno go russkogo yazyka [The Dictionary-Thesaurus of Contemporary Russian Idioms: 8000 Idioms of the Modern Russian Language]. M.: Mir ehntsiklopedij Avanta+, 2007. 1135 p.

Vitgenštejn L. Filosofskie issledovaniya [Witgenstein L. Philosophical investigations] // Korolev K.M. (sost.) YAzyki kak obraz mira [Languages as the Image of the World]. M.: Izdatel'stvo AST; SPb.: Terra Fantastica, 2003. Pp. 220–546.

Vukajlija: Vukajlija. Rečnik slenga [Vukajlija: a Slang Dictionary] [Electronic resource] <http://vukajlija.com/> (retrieval date: 10.03.2017).

Zykova I.V. Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya [Conceptosphere of Culture and Phraseology: Theory and Methods of Linguocultural Studies]. M.: LENAND, 2015. 380 p.

УДК 81'23

КОНЦЕПТ ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Гао Тянь (КНР)

Аспирант кафедры русского языка филологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119234 Москва, ул. Ленинские горы, д. 1
971067794@qq.com

Статья посвящена метафорическим моделям концепта ПАТРИОТИЗМ в русской и китайской языковых картинах мира. Проблема национально-культурной специфики данного концепта рассматривается сквозь призму его метафорических моделей. Изучаются свидетельства того, как одни и те же метафоры стали носителями культурных смыслов, закрепленных за подобными метафорами в культуре того или иного народа. В процессе лингвистического анализа раскрываются пути внедрения смыслов в языковую сущность, проводится описание концепта ПАТРИОТИЗМ в их соотношении с политической метафорой и ее свойствами, а также с ее разрядами (антропоморфными, природоморфными, социоморфными, артефактными и т.п.). На конкретном материале политических текстов выявляется концепт ПАТРИОТИЗМ в русской и китайской лингвокультурах. Проводится экспликация метафорических моделей в политических текстах в процессе их восприятия. В статье поставлены вопросы для дискуссии о лингвокультурологическом и когнитивном подходах к исследованию политических понятий. Методами исследования выступили семантический, концептуальный и сопоставительный анализ.

Ключевые слова: концепт ПАТРИОТИЗМ, метафорическая модель, национально-культурная специфика, языковая картина мира, семантический, концептуальный и сопоставительный анализ.

Жизнь человеческого общества многообразна. Она реализует себя в экономической, социальной, духовной и политической сферах. Политическая жизнь возникает вместе с политической властью, постоянно меняется в разных аспектах и может быть стихийной и организованной. Политическая сфера является важной частью национальной культуры, с ее развитием появляются политические и социальные понятия, следовательно, меняется политический и социальный лексикон.

Патриотизм, рассматриваемый как социально-политический термин, представляет собой индикатор истории понятий [Козеллек 2010: 26]. Например, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера *патриот* определяется как «заимствование через нем. Patriot (с XVI в., Фишарт; см. Шульц–Баслер 2, 420 и сл.) или непосредственно из франц. patriote «сын отечества» от ср.-лат. patriōta, греч. πατριώτης «земляк, соотечественник» (Клюге-Гётце 435; Преобр. II, 27)» [Фасмер 1987: 217]. Как утверждает Р. Козеллек, «-измы» образованы напряжением между

опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего) [Козеллек 2010: там же], поэтому слово *патриотизм* рассматривается как любовь к своей стране и поддерживает соответствующую форму организации общества.

В различных толковых словарях русского языка у этой лексемы зафиксированы схожие дефиниции. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дано следующее определение слова *патриотизм*: «Любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы Родины. *Воспитывать в духе п. Пробуждать чувство п. в душе. П. во время войны.* Преданность, приверженность чему-л и т.п. *Местный п. Заводской п.*» [БТСРЯ 2000: 787]. Отметим, что мы рассматриваем лексему *патриотизм* только в значении «любовь к родине».

В китайском языке аналог слова *патриотизм* – 爱国主义 àiguó zhūyì состоит из двух сем: 爱国 (любить свою родину и любовь к своему отечеству) и 主义 (как -изм, обозначающий определенные взгляды и идеи). По данным китайских словарей у него (爱国主义) имеются следующие семы: 1) преданность своему отечеству; 2) горячая любовь к своей родине [СТСКЯ 2012: 5].

Таким образом, по данным лексикографического описания русского языка на фоне китайского языка можно заключить, что *патриотизм* семантизируется как любовь к своей родине, преданность своему отечеству и соответствующая форма организации общества.

Как один из базовых концептов политического дискурса в настоящее время *патриотизм* может исследоваться лингвистами в таких науках, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и т.д. Так как метафора способствует обогащению лексикона языка, украшению речи и воздействию на адресата в преобразовании языковой картины мира [Чудинов 2012: 122], в настоящей работе мы рассматриваем концепт *патриотизм* в метафорических моделях.

Изучение метафоры можно проследить с периода античной Греции, когда в трудах Аристотеля было дано определение, на котором базируются многие современные исследования: «метафора – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1983: 669]. В последнее время к изучению метафоры обращаются философы, логики, социологи, психологи, лингвисты, литературоведы и др. При этом многие лингвисты анализируют метафору в двух аспектах – семантическом и когнитивном.

С позиции семантики В.В. Петров утверждает, что метафора представляет собой языковое явление, способ оформления и украшения мысли, таким образом «механизм и результат переноса хорошо описываются посредством концепции значения» [Петров 1990: 135]. М. Блэк предлагает существенные понятия «фильтрации» и даже «проекции» некоторых характеристик *B* на *A* [Блэк 1990: 153-172]. Исходя из этого, В.В. Петров выделяет основные признаки семантического уровня представления метафор. При этом он также подчеркивает, что «в соответствии со строго семантической точкой зрения, одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и так называемое метафорическое, появляющееся в конкретных актах употребления» [Петров 1990: 136]. Отсюда видно, что в семантическом подходе рассматриваются семная структура метафоры,

метафорические значения и семантические поля (лексико-семантические или тематические группы). Хотелось бы подчеркнуть, что в этом отношении большое значение имеет функциональная типология метафор, предложенная Н.Д. Арутюновой [1978: 333-343; 1979: 147-173; 1980: 156-250] и В.Н. Телия [1988(а): 26-52; 1988(б): 173-204].

В логике когнитивного подхода Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метафоризация по Аристотелю может быть включена в систему когнитивных процессов, так как переносы связаны с логическими операциями (познавательной деятельностью); метафора даже дает право, «говоря о действительном, соединять с ним невозможное»; античный философ также указывает на способность метафоры «проникать в сущность вещей» [Лакофф, Джонсон 2004: 213]. Как создатели теории концептуальной метафоры они тоже воспринимают процесс метафоризации как когнитивный процесс, так как утверждают, что метафора находится «в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993: 203]. Таким образом, согласно когнитивной теории, метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: мыслительные процессы осуществляются в языковых формах. Кроме этого, хотелось бы указать, что метафора у многих современных исследователей признается ключевым компонентом познания, концептуализации, категоризации и оценки мира в языке, мышлении и восприятии [Петров 1990: 135-146; Баранов, Караулов 1991; Баранов, Караулов 1994; Кубрякова 2004: 6-17 и др.].

В современной политической коммуникации наблюдается высокая частотность метафор. Это обусловлено тем, что метафора как одно из наиболее выразительных средств представления политических концепций всегда воздействует на политическое сознание человека. Так как метафору образно представляют как зеркало, в котором отражается национальное сознание, в том числе сущности политической жизни, посредством изучения системы политической метафоры в различных языках можно обнаружить общие и специфические закономерности в метафорической картине политического мира [Чудинов 2012: 123] на определенном этапе развития национального сознания.

Теории метафорического моделирования и описанию конкретных метафорических моделей посвящено множество специальных публикаций, среди которых монография Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» признается одной из классических. Эта теория получает развитие и на материале русских политических текстов, что представлено в работах А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991; 1994], И.М. Кобозевой [2001: 132-149], А.П. Чудинова [2012] и других лингвистов. Согласно этим исследователям, система метафорических моделей является важной составной частью национальной языковой картины мира и национальной ментальности, тесно связанной «с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов 2012: 131]. А как существующая в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, метафорическая модель нередко представляется определенной формулой: «X – это Y» [Там же]. Например, «*Патриотизм* – это наибольший общий делитель»; «*Патриотизм* – это оружие» и т.д. Кроме этого хотелось бы отметить, что в сочетаемости и сфере применения слова *патриотизм* также обнаруживается

несколько разрядов метафорических моделей. Например, «горячий патриотизм», «под вывеской патриотизма» и др.

Слово *патриотизм* и его аналоги (爱国, 爱国主义) употребляются в различных политических текстах, которые отображают специфическую метафорическую картину мира в сознании носителей русского и китайского языков. В нашей работе мы рассматриваем систему соответствующих концепту *патриотизм* метафорических моделей в политическом дискурсе, в том числе в новостных текстах на русском и китайском языках в сети Интернет. Пользуясь классификацией метафорических моделей А.П. Чудинова, мы выделяем следующие основные разряды современной русской и китайской политической метафоры.

1. Антропоморфная метафора. Человек нередко моделирует политическую реальность по своему образу и подобию, для того чтобы метафорически представлять абстрактные и далекие от обыденности политические понятия как конкретные и широко известные реалии. В данный разряд включены концепты, относящиеся к понятийным сферам «физиология», «внутреннее состояние (психология, эмоция)», «семья» и т.д.

В качестве примера возьмем концепт «сила». Семантическое значение «силы» определяется как «совокупность физических и духовных свойств человека, основа деловой и творческой активности; жизненная энергия, жизнеспособность» [БТСРЯ 2000: 1184]. Можно рассматривать отношения человека к патриотизму как отношения человека к силам, так как, согласно принципу антропоцентризма, патриотизм возбуждает жизненную энергию и жизнеспособность в человеке, а также мобилизует его деловую активность в своей работе и служении своей родине. Самый характерный и образцовый перенос в этом смысле – это «*Патриотизм – силы*» или «*патриотические силы*» (букв. 爱国力量: *патриотические – 爱国, силы – 力量*). Поэтому не случайно, называя себя в Думе оппозицией, Дмитрий Рогозин из национально-патриотической партии «Родина» в своей речи произносит следующие слова:

«Президент должен знать, что все патриотические силы России поддерживают его предложения, – мол, главу Кремля не должна сбивать с толку и критика из-за рубежа» [Электронный ресурс: http://search2.ruscopora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5%20%F1%E8%EB%FB&p=0&docid=3736&sid=28].

В китайском языке есть сходное употребление. Например:

同时, 中国共产党高举全民族团结抗战的大旗, 把一切爱国力量团结在自己周围, 孕育着中华民族由衰败走向振兴的奇迹。(букв. В то же время, высоко держа знамя антияпонской войны всей нации, Коммунистическая партия Китая объединила все патриотические силы вокруг себя, ... что родило чудо китайской нации от упадка к подъему [Электронный ресурс: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-11/12/nw.D110000gmrb_20161112_2-11.htm].)

2. Природоморфная метафора. Природа также издавна служит своего рода моделью, с помощью которой представляется политическая реальность, создавая

соответствующую языковую картину мира. В данном случае политические реалии представляются в концептах мира окружающей природы, относящихся к понятийным сферам «животные», «растения» и «неживая природа».

Как важное современное политическое понятие, степень *патриотизма* может выражаться с помощью концепта «температура (жара)», что может быть зафиксировано соответствующим метафорическим переносом, который можно представить определенной формулой: «горячий патриотизм». Хотелось бы отметить, что аналогом словосочетания «горячий патриотизм» в китайском языке может считаться “炽热/热烈的爱国情怀”, состоящее из трех сем: 炽热/热烈 (горячий/пламенный), 的 (служебная частица, которая используется после определения; качественный признак), 爱国 (любить свою родину и любовь к своему отечеству) и 情怀 (чувство/настроение). Например:

1) *«Наблюдательность поэта, страстность природы борца, горячий патриотизм, живой интерес к актуальным проблемам современности сделали поэзию Мирзо Турсун-заде глубоко гражданской и мужественной»* [Электронный ресурс: URL:http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E3%EE%F0%FF%F7%E8%E9%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC&docid=41473&sid=4].

2) 崇高的理想抱负、炽热的爱国情怀和坚忍不拔的毅力，是创新成功的必备条件。(букв. Благородный идеал, горячее патриотическое чувство и непреклонная воля являются существенными условиями успешной инновации [Электронный ресурс: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-07/25/nw.D110000gmrb_20160725_2-01.htm].)

3. Социоморфная метафора. Как одна из важных частей социальной картины мира, мир политики имеет тесную связь с другими составляющими человеческого сознания. Таким образом, при метафорическом моделировании мира политики активно используются образы других сфер социальной реальности. Данный разряд политических метафор включает в себя такие понятийные сферы, как «война», «наука», «экономика», «преступность» и т.д.

1) Война. Поскольку с точки зрения функционирования можно воспринимать патриотизм как боевые средства, то при характеристике концепта *патриотизм* можно использовать такие метафорические модели, как «*Патриотизм – это оружие*», «*Патриотизм – это флаг*» и т.д. Это отражено в следующих примерах:

1) 爱国本是种高尚的情怀，但爱国绝对不是胡作非为的“挡箭牌”，这是必须澄清的认知误区。(букв. Вообще говоря, патриотизм – это благородное чувство, но отнюдь не «щит» для безобразий, это познавательная ошибка, которую необходимо разьяснить [Электронный ресурс: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0721/c1003-28574263.html>].)

2) *«То, что происходит сегодня на Курилах и в Калининграде, – это семечки по сравнению с тем, что готовится на Русском севере. При этом отрыв гигантских территорий от РФ проходит под флагом патриотизма (“поморского”), обострения у северян обманчивого чувства “самости” в “своем” Баренцевом регионе»* [Электронный ресурс: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&>

mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%E4%20%F4%EB%E0%E3%EE%EC%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC%E0&docid=19350&sid=8].

2) Наука. Как социально-политический термин, *патриотизм* может быть связан с концептами, относящимися к другим понятийным сферам, в том числе научным. В связи с тем, что математика – это важная научная дисциплина, можно ассоциировать *патриотизм* с некоторыми математическими терминами. Например: 爱国主义是针对绝大多数人, 容纳各种价值观、政治思想和文化差异的最大公约数。(букв. **Патриотизм** направлен на подавляющее большинство людей и является **наибольшим общим делителем**, уменьшающим различия в системе ценностей, политической идеологии и культуре [Электронный ресурс: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0721/c1003-28574263.html>].)

3) Экономика. Экономическая глобализация как одна из важнейших современных тенденций человеческого общества оказывает влияние и на развитие языка. Новые коннотативные семы также входят в значение соответствующих лексем. Поэтому неслучайно у журналиста-руссофоба А. Невзорова следующее высказывание:

«Российская Федерация наполнена неким “фейковым” патриотизмом, который целиком и полностью оплачивается Кремлем» [Электронный ресурс: <http://politpuzzle.ru/55282-nevzorov-snova-brosil-kamen-v-rossijskih-grazhdan/>].

Отсюда видно, что концепт *патриотизм* иногда смыкается с метафорой «продажа и покупка», что указывает на нечистоту и ложность так называемого «патриотизма», давая ему негативную оценку. В современном китайском языке тоже есть сходные по смыслу словосочетания. Например, 商业爱国主义 (букв. коммерческий патриотизм) состоит из трех сем: 商业 (торговля, коммерция; торговый, коммерческий), 爱国 (любить свою родину и любовь к своему отечеству) и 主义 (как -изм, обозначающий определенные взгляды и идеи). Он обозначает патриотизм, «основанный на современной валютной философии, т.е. обозначает экономическое поведение в своих интересах под патриотическим флагом» [Электронный ресурс: <http://baike.baidu.com/link?url=W6py6RjDFP17XiFk3t0mnx19DrgV7IS7Ry9F8cQaDvZC3pBjOjz0CufeauOzJ0TUNHJlics4KWz-wuKm-wknVqIV8mz6ONG0Eh98dzNm7AA7B10wpnj3EQPTwP5YQXHFbmy1t4u0b4CNiHL1iH81K>].

4) Преступность. В последние десятилетия представление политической реальности как преступного мира уже стало одной из самых важных и активных метафорических моделей в политическом дискурсе. Хотелось бы отметить, что криминальная метафора типична и традиционна не только для русской политической речи, но и для китайской. Например, в прессе российской правящей элиты или партии постоянно встречается название политических противников уголовниками, бандитами, ворами и т.д. В китайской политической речи также есть подобные метафорические модели, отображающие нереальный патриотизм или ненастоящего патриота. Например, в китайской политической речи есть не только слово 卖国贼 (букв. вор, предающий свою родину), которое обозначает **изменника**

или **предателя родины**, но и слово **爱国贼** (букв. вор, любящий свою родину), которое метафорически моделирует **ультрапатриота** или **лжепатриота**.

4. Артефактная метафора. Созидательная деятельность представляет собой важную составляющую человеческой деятельности. Человек реализует себя в создаваемых продуктах – артефактах. Поэтому люди метафорически моделируют политическую реальность с использованием артефактов, содержащихся в понятийных сферах «дом (здание)», «инструменты», «продукты» и др.

1) Дом (здание). В лексикографическом аспекте «дом» определяется как «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий; семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [БТСРЯ 2000: 272]. А «родина» имеет следующее значение: «Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество» [БТСРЯ 2000: 1125]. Соответственно, можно переносить на «родину» традиционное для человечества позитивное восприятие «дома». Самый общеупотребительный в этом случае метафорический перенос – это «*Родина – дом*». Поэтому не случайно участники митинга против так называемой реновации недвижимости в Москве провозгласят лозунг: «МОЙ ДОМ – МОЯ РОДИНА! РОДИНУ НАДО ЗАЩИЩАТЬ!» [Электронный ресурс: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/17/72466-ryatietazhnaya-moskva>].

2) Инструменты. В аспекте функционирования можно рассматривать патриотизм как инструмент, с помощью которого возбуждается энтузиазм людей к жизни и работе, таким образом активизируется их деятельность в служении своей родине. При этом концепт *патриотизм* может отображаться в таких метафорических моделях, как «*Патриотизм – это инструмент*», «*Патриотизм – это узловая связка*» и т.д. Например:

爱国情怀能成为凝心聚力的纽带 (букв. **Патриотические чувства** могут стать **узловой связкой**, объединяющей сердца и силы людей [Электронный ресурс: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-07/25/nw.D110000gmrb_20160725_2-01.htm]).

3) Продукты. В созидательной деятельности человек производит различные продукты, в которых отражена национальная специфика. Имена этих продуктов могут быть использованы в метафорическом моделировании общественной реальности. Таким образом, метафорическая картина мира носит национально-культурный характер.

В качестве примера рассмотрим типичное русское словосочетание «*квасной патриотизм*» (ниже: КП). Многие языковеды дали свое определение данному выражению. Так, в словаре С.И. Ожегова зафиксировано, что КП – это «чисто внешний, показной; выражение введено в оборот П.А. Вяземским в 1827 г.» [ТСРЯ 2015: 229]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дано следующее определение КП: «Восхваление всего своего, даже остальных форм жизни и быта, и порицание всего чужого» [БТСРЯ 2000: 787]. А в «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой данная дефиниция описана следующим образом: прил. «квасной»: «приверженный к бытовым мелочам национального быта (о *квасном патриотизме*)» [СТСРЯ 2006: 954]. Отсюда видно, что выражение КП обозначает явление, противоположное

истинному патриотизму. В современной русской политической речи КП также широко используется для описания псевдопатриотизма. Например:

1) «О **“патриотизме по привычке”** еще говорят **“квасной”**, поскольку он привязан к внешнему, к декоративным проявлениям национального духа. Но ни квас, ни пельмени, ни даже матрешки никого еще не сделали **патриотом**» [Электронный ресурс: <http://www.sovross.ru/articles/1157/20047>].

2) «Многие эксперты, не отличающиеся **“квасным патриотизмом”**, полагают даже, что оно (российское образование) было лучшим» [Электронный ресурс: <http://www.sovross.ru/articles/1507/30068>].

В заключение хотелось бы сказать, что в русской и китайской лингвокультурах разряды метафор концепта *патриотизм* могут быть схематично представлены следующими образами: «Человек», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда». В метафорическом моделировании отражены различные представления концепта *патриотизм* в русской и китайской языковых картинах мира, поэтому их можно систематизировать, а также описать соответствующие метафорические модели в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Литература

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. С.645-681.

Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 4. С.333-343.

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 147-173.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156-250.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. 330 с.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.

Большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В.Будаев, А.П. Чудинов. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов / Т.Ф.Ефремова. М.: АСТ: Астрель, 2006 г. Т. 1: А-Л. 1165 с.

Замлелова Светлана. Души порывы. О патриотизме подлинном и суррогатном [Электронный ресурс] // «Советская Россия», 2014.12.04. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1157/20047> (Дата обращения: 05.05.2017).

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21-33.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 132-149.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 36. № 3. С. 6-17.

Лакофф Д.Ж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Невзоров снова «бросил камень» в российских патриотов [Электронный ресурс] // «Политпазл» 2017.02.28. URL: <http://politpuzzle.ru/55282-nevzorov-snova-brosil-kamen-v-grossijskih-grazhdan/> (Дата обращения: 05.05.2017).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Мир и Образование», 2015. 736 с.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-146.

Петрусь Бровка. Певец земли родной [Электронный ресурс] // «Литературная газета», 1971.05.05. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E3%EE%F0%FF%F7%E8%E9%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC&docid=41473&sid=4 (Дата обращения: 07.05.2017).

Поликовский Алексей. Пятиэтажная Москва. Это был митинг возмущенных горожан, многие из которых впервые вышли на улицу с протестом [Электронный ресурс] // «Новая газета», 2017.05.17. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/17/72466-pyatietazhnaya-moskva> (Дата обращения: 18.05.2017).

По страницам зарубежной прессы [Электронный ресурс] // «Приазовский край», 2004.10.07. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5%20%F1%E8%EB%FB&p=0&docid=3736&sid=28 (Дата обращения: 07.05.2017).

Смолин Олег. Образование: новый закон – традиционные ценности [Электронный ресурс] // «Советская Россия», 2017.01.26. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1507/30068> (Дата обращения: 05.05.2017).

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988(а). С. 26-52.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988(б). С. 173-204.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза-Сят) / Пер. с нем. доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Паиков Ф. Сделано в Скандинавии [Электронный ресурс] // «Завтра», 2003.04.30. URL: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexfo>

rm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%E4%20%F4%EB%E0%E3%EE%EC%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC%E0&docid=19350&sid=8 (Дата обращения: 05.05.2017).

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993. Pp. 245.

王继凯. 长征—人类历史的伟大奇迹 [电子文献] // 光明日报, 2016年11月12日. (букв. Вань Цзикай. Великий подход – великое чудо в истории человечества [Электронный ресурс] // Гуанмин Жибао. 12 ноября 2016 г.) URL: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-11/12/nw.D110000gmrb_20161112_2-11.htm (Дата обращения: 18.05.2017).

商业爱国主义 [电子文献] // 百度百科 (букв. Коммерческий патриотизм [Электронный ресурс] // Онлайн-энциклопедия «Байду байкэ») URL: <http://baike.baidu.com/link?url=W6py6RjDFPI7XiFk3t0mnx19DrgV7IS7Ry9F8cQaDvZC3pBjOjz0CufeauOzJ0TUNJlicsk4KWz-wuKm-wknVqIV8mz6ONG0Eh98dzNmQ7AA7B10wpnj3EQPTwP5YQXHFbmyl4u0b4CNiHL1iH81K> (Дата обращения: 07.05.2017).

刘小兵, 徐建波, 赵金龙. 大漠深处铸利剑 [电子文献] // 光明日报, 2016年07月25日. (букв. Лю Сяобин, Сюй Цзяньбо, Чжао Цзиньлун. В глуби пустыни отлился острый меч [Электронный ресурс] // Гуанмин Жибао. 25 июля 2016 г.) URL: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-07/25/nw.D110000gmrb_20160725_2-01.htm (Дата обращения: 18.05.2017).

现代汉语词典 // 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1790页. (букв. Современный толковый словарь китайского языка // Под. ред. Отдела лексикографии института языкознания Китайской академии общественных наук. 6-е изд. Пекин: Издательство «Шаньу иньшугуань», 2012. 1790 с.)

汤嘉琛. 极端言行让爱国蒙污 [电子文献] // 人民日报, 2016年7月21日. (букв. Тан Цзячэнь. Крайность бросила грязью в патриотизм [Электронный ресурс] // Жэньмин Жибао. 21 июля 2016 г.) URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0721/c1003-28574263.html> (Дата обращения: 18.05.2017).

**THE CONCEPT OF PATRIOTISM
IN CONTEMPORARY POLITICAL METAPHOR
(A STUDY ON RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL TEXTS)**

Gao Tian (CHINA)

Ph.D. student

Russian Language Department

Philological Faculty, MSU

1, Str. Leninskie Gory, Moscow, 119234

971067794@qq.com

The article discusses metaphorical models of the concept PATRIOTISM in the Chinese and Russian linguistic pictures of the world. The methods applied are semantic, conceptual, and comparative analyses. The material for the study included electronic versions of Russian and Chinese Newspapers and other political texts.

Key words: metaphorical model, linguistic picture of the world, semantic, conceptual, and comparative analyses.

References

Aristotel'. Pojetika [Poetics] // *Aristotel'*. Sochinenija: V 4-h tomah. T.4 [Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4]. M.: Mysl', 1983. Pp. 645-681.

Arutjunova N.D. Funkcional'nye tipy jazykovej metafory [Functional types of linguistic metaphors] // *Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz.* 1978. T. 37. № 4 [News of Academy of Sciences of the USSR]. Ser. lit. and lan. 1978. Vol. 37. No. 4]. Pp. 333-343.

Arutjunova N.D. Jazykovaja metafora (sintaksis i leksika) [The metaphor of language (syntax and lexicon)] // *Lingvistika i pojetika* [Linguistics and Poetics]. M.: Nauka, 1979. Pp. 147-173.

Arutjunova N.D. K probleme funkcional'nyh tipov leksicheskogo znachenija [To the problem of functional types of lexical meaning] // *Aspekty semanticheskikh issledovanij* [The Semantic Aspects of the Research]. M.: Nauka, 1980. Pp. 156-250.

Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Russkaja politicheskaja metafora. Materialy k slovarju [Russian Political Metaphor. Materials to the Dictionary]. M.: In-t russkogo jazyka RAN, 1991. 193 p.

Baranov A.N., Karaulov Ju.N. Slovar' russkih politicheskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. M.: In-t russkogo jazyka RAN, 1994. 330 p.

Bljek M. Metafora [Metaphor] // *Teorija metafory: Sb. nauch. st. / Pod red. N.D. Arutjunovoj* [Theory of Metaphor: Col. scien. art. / Edited by N.D. Arutjunovoj]. M.: Progress, 1990. Pp. 153-172.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language] // *Glav. red. S.A. Kuznecov* [Edited by S.A. Kuznetsov]. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.

Budaev Je.V., Chudinov A.P. Metafora v politicheskoy kommunikacii: monografija / *Je.V. Budaev, A.P. Chudinov* [Metaphor in Political Communication: Monograph / E. V. Budaev, A. P. Chudinov]. M.: Flinta: Nauka, 2008. 248 p.

Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. V 3 t.: ok. 160000 slov / T.F. Efremova [The Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 volumes: approx. 160,000 words / T. F. Efremova]. -- M.: AST: Astrel', 2006 g. T. 1: A-L. 1165 p.

Zamlelova Svetlana. Dushi porvyv. O patriotizme podlinnom i surrogatnom [Jelektronnyj resurs] [Soul gusts. On true and surrogate patriotism (Electronic resource)] // «Sovetskaja Rossija», 2014.12.04 [«Soviet Russia», 2014.12.04]. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1157/20047> (Retrieval date: 05.05.2017).

Kozellek R. K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij / Per. s nem. V. Dubinoj [To the issue of temporal structures in the historical development of concepts / Trans. from Germ. V. Dubina] // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor [The History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. Pp. 21–33.

Kobozeva I.M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory [Semantic problems in the analysis of political metaphors] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2001. № 6 [Gazette of MSU. Ser. 9. Philology. 2001. No. 6]. Pp. 132-149.

Kubryakova E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki [On systems of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics] // Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 2004. T. 36. № 3 [News of Academy of Sciences of the USSR. Ser. lit. and lan. 2004. Vol. 36. No. 3]. Pp. 6-17.

Lakoff D.Zh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem / Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova [Metaphors we live by / Trans. from English. / Edited and prefaced by A.N. Baranov]. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.

Nezvorov snova «brosil kamen'» v rossijskih patriotov [Jelektronnyj resurs] [Nezvorov again “threw a stone” at Russian patriots [Electronic resource]] // «Politpazl» 2017.02.28. URL: <http://politpuzzle.ru/55282-nezvorov-snova-brosil-kamen-v-rossijskih-grazhdan/> (Reference date: 05.05.2017).

Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: Ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov; pod red. L. I. Skvorcova. -- 27-e izd., ispr [Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I.Ozhegov; Edited by L.I.Skvortsova. – 27-th ed., rev.]. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Mir i Obrazovanie», 2015. – 736 p.

Petrov V.V. Metafora: ot semanticheskikh predstavlenij k kognitivnomu analizu [Metaphor: from semantic representations to cognitive analysis] // Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. -- M., 1990. № 3. -- Pp.135–146.

Petrus' Brovka. Pevec zemli rodnoj [Jelektronnyj resurs] [Singer of homeland [Electronic resource]] // «Literaturnaja gazeta», 1971.05.05 [«Literary newspaper», 1971.05.05]. URL:http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&myse nt=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E3%EE%F0%FF%F7%E8%E9%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC&docid=41473&sid=4 (Reference date: 07.05.2017).

Polikovskij Aleksej. Pjatijetazhnaja Moskva. Jeto byl miting vozmushhennyh gorozhan, mnogie iz kotoryh v pervye vyshli na ulicu s protestom [Jelektronnyj resurs] [The

Five-Storey Moscow. It was a meeting of indignant citizens, many of whom firstly came on the street to protest [Electronic resource] // «Novaja gazeta», 2017.05.17 [«Novaya Gazeta», 2017.05.17]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/17/72466-pyatietazhnaya-moskva> (Retrieval date: 18.05.2017)

Po stranicam zarubezhnoj pressy [Jelektronnyj resurs] [On Pages of Foreign Press [Electronic resource]] // «Priazovskij kraj», 2004.10.07 [«Priazov region», 2004.10.07]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5%20%F1%E8%EB%FB&p=0&docid=3736&sid=28 (Retrieval date: 07.05.2017).

Smolin Oleg. Obrazovanie: novyj zakon -- tradicionnye cennosti [Jelektronnyj resurs] [Education: new law – traditional values [Electronic resource]] // «Sovetskaja Rossija», 2017.01.26 [«The Soviet Russia», 2017.01.26]. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1507/30068> (Retrieval date: 05.05.2017).

Telija V.N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee jekspressivno-ocenocchnaja funkcija [Metaphor as a model of word-sense production and its expressive-evaluative function] // Metafora v jazyke i tekste [Metaphor in Language and Text]. M.: Nauka, 1988 (a). Pp. 26-52.

Telija V.N. Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoju kartiny mira [Metaphorization and its role in the creation of linguistic picture of the world] // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [The role of Human Factor in Language: Language and Picture of the World]. – M.: Nauka, 1988 (b). Pp.173-204.

Fasmer M. Ehtimologičeskij slovar' russkogo jazyka. V 4 t. T. 3 (Muza-Sjat) / Per. s nem. dop. O. N. Trubacheva. 2-e izd., ster. [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 volumes. Vol. 3 (Muza-Syat) / Trans. from Germ. add. O. N. Trubacheva. 2-nd ed. stere.] M.: Progress, 1987. 832 p.

Pashkov F. Sdelano v Skandinavii [Jelektronnyj resurs] [Made in Scandinavia (Electronic resource)] // «Zavtra», 2003.04.30. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%E4%20%F4%EB%E0%E3%EE%EC%20%EF%E0%F2%F0%E8%EE%F2%E8%E7%EC%E0&docid=19350&sid=8 (Retrieval date: 05.05.2017).

Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: ucheb. Posobie / A.P. Chudinov. – 4-e izd. [Political linguistics: text book / A. P. Chudinov. – 4-th ed.]. M.: Flinta: Nauka, 2012. 256 p.

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought / Ed. By A. Ortony. Cambridge, 1993. Pp. 245.

王继凯. 长征—人类历史的伟大奇迹 [电子文献] // 光明日报, 2016年11月12日. (bukv. Van' Czikaj. Velikij podhod – velikoe chudo v istorii chelovechestva (Jelektronnyj resurs) [Long March – The Great Marvel in the History of Mankind (Electronic resource)] // Guanmin Zhibao. 12 nojabrja 2016 g. [Guangming Daily. 2016.11.12.]) URL: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-11/12/nw.D110000gmrb_20161112_2-11.htm (Retrieval date: 18.05.2017).

商业爱国主义 [电子文献] // 百度百科 (bukv. Kommercheskij patriotism [Jelektronnyj resurs] [Commercial Patriotism (Electronic resource)] // Onlajn-jenciklopedija «Bajdu bajkje» [Online Encyclopedia «Baidu baike»]) URL:<http://baike.baidu.com/link?url=W6py6RjDFP17XiFk3t0mnx19DrgV7IS7Ry9F8cQaDvZC3pBjOjz0CufeauOzJ0TUHJlicsk4KWz-wuKm-wknVqIV8mz6ONG0Eh98dzNmQ7AA7B10wpnj3EQPTwP5YQXHFbmy1t4u0b4CNIHL1iH81K> (Retrieval date: 07.05.2017).

刘小兵, 徐建波, 赵金龙. 大漠深处铸利剑 [电子文献] // 光明日报, 2016年07月25日. (bukv. Lju Sjaobin, Sjuj Czjan'bo, Chzhao Czin'lun. V glubi pustyni otilsja ostryj mech (Jelektronnyj resurs) [In the depth of the desert cast a sharp sword (Electronic resource)] // Guanmin Zhibao. 25 ijulja 2016 g. [Guangming Daily. 2016.07.25.] URL: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-07/25/nw.D110000gmrb_20160725_2-01.htm (Retrieval date: 18.05.2017).

现代汉语词典 // 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 6版. 北京: 商务印书馆, 2012. 1790页. (bukv. Sovremennyj tolkovyj slovar' kitajskogo jazyka [Contemporary explanatory dictionary of the Chinese language] // Pod. red. Otdela leksikografii instituta jazykoznanija Kitajskoj akademii obshhestvennyh nauk. 6-e izd. [Edited by Department of Lexicography, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. 6th ed.]). Pekin: Izdatel'stvo «Shanwu in'shuguan'», 2012. 1790 p.

汤嘉琛. 极端言行让爱国蒙污 [电子文献] // 人民日报, 2016年7月21日. (bukv. Tan Czjachjen'. Krajnost' brosilja grjaz'ju v patriotism (Jelektronnyj resurs) [Extreme threw mud at patriotism (Electronic resource)] // Zhjen'min Zhibao. 21 ijulja 2016 g. [People's Daily. 2016.07.21.] URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0721/c1003-28574263.html> (Retrieval date: 18.05.2017).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'23

ПРОЕКТ «АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ШКОЛЬНИКОВ:
СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА»

Гольдин Валентин Евсеевич

доктор филологических наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского,
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
goldinve@yandex.ru

Сдобнова Алевтина Петровна

кандидат филологических наук,
доцент Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н. Г. Чернышевского,
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
sdobnovaap@yandex.ru

В работе представлены «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области», созданный в 1998–2008 гг., реализованный в виде базы данных, и проект нового ассоциативного словаря школьников (версия 2.0).

Первая версия «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» дала ценные научные результаты в области психолингвистического изучения языкового сознания российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века. По материалам словаря выделены ядро языкового сознания, его возрастные, гендерные и другие варианты, разные слои внутреннего лексикона в их возрастной динамике. В результате анализа ассоциативных материалов установлено, что ядро языкового сознания школьников отличается высокой стабильностью, а его константная часть, которая эксплицирует самые значимые концепты в картине мира, к школьному возрасту у русскоязычного ребенка уже сформирована.

Выделены четыре типа возрастной динамики ассоциативных полей: «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации», «тип периферийного развития».

На основе изучения содержания ассоциативных полей установлены наиболее типичные, базовые, в значительной мере универсальные отношения: множество различных вариантов отношений S – R в ассоциативных полях русских предметных имен существительных может быть представлено как относительно небольшое количество (9–11) иерархически организованных основных типов семантических связей, реализующихся в полях самых разных предметных существительных с той степенью обязательности, которая соответствует полноте структуры знания о референте слова-стимула и о самом этом слове.

В статье представлены задачи проекта нового ассоциативного словаря школьников: определить изменения, произошедшие в языковой картине мира

молодого поколения через 10–20 лет; установить константы и переменные ядра языкового сознания в 20-е годы XXI века, выделить закономерные сдвиги в семантике стимулов, определить более точно, как соотносятся словари разных возрастных групп (количественно и качественно).

Ключевые слова: ассоциативный словарь школьников, база данных, динамические типы ассоциативных полей, возрастная динамика языкового сознания, внутренний лексикон школьника, ядро языкового сознания.

Введение

Задача рассмотреть динамику языковой картины мира русскоговорящих школьников на протяжении одиннадцати лет их обучения в школе почти совпадает с глобальной задачей всестороннего описания возрастных изменений языкового сознания.

К анализу динамики языковой картины мира школьников можно подойти и через исследование порожденных школьниками текстов, и путем рассмотрения возрастных изменений в составе и строении их ассоциативно-вербальной сети (АВС), «овнешненной» в материалах свободных ассоциативных экспериментов. Для такого исследования необходим источник, содержащий данные ассоциативных реакций, полученных на большое количество одних и тех же слов-стимулов от школьников всех возрастных групп при тождественной методике экспериментов. Таким источником является «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» [АСШС 1998–2008]. Словарь был создан в Саратовском государственном университете в результате крупномасштабного сбора психолингвистического материала, проведенного в период с 1998 по 2008 гг. Руководители проекта – В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, инженер-программист – А. О. Мартьянов.

1. Состав и функциональная специфика АСШС

АСШС существует как электронная база данных, в которой представлено 927807 реакций, полученных от школьников всех возрастных групп (с I по XI кл.) на 1126 стимулов. «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» создан на основе свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся в устно-письменном формате (устное предъявление стимулов и письменная фиксация реакций испытуемыми). Ассоциативный эксперимент проводился в 130 городских и сельских школах, на анонимной основе в нем приняли участие более 30,5 тысяч учащихся в возрасте 7–18 лет. Словарь реализован как Access-приложение (о базе данных этого словаря см.: [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2009]). По материалам базы данных АСШС опубликован «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» в двух томах. Первый том «От стимула к реакции» включает прямой словарь, в котором впервые представлены реакции школьников четырех возрастных групп отдельно, что позволяет изучать на его материале возрастную динамику ассоциативных полей, языковой картины мира и активного словаря учащихся. Второй том «От стимула к

реакции» – обратный словарь, содержит две части [Гольдин, Сдобнова, Мартьянов 2011а; 2011б; 2011в].

База данных АСШС имеет фильтрацию материала по возрасту, полу испытуемых, месту их проживания, типу учебного заведения (школа, гимназия, лицей), дате проведения эксперимента и некоторым другим признакам. АСШС генерирует в табличной форме прямые статьи на заданные стимулы и обратные статьи по заданным реакциям, сопровождая статьи необходимыми количественными данными. Словарь предлагает стандартные перекрестные запросы, позволяет сопоставлять между собой множества реакций на выделенные пользователем группы стимулов, сопоставлять множества стимулов, вызывающих указанные пользователем группы реакций, получать общие перечни реакций и перечни реакций, ранжированные по убыванию «входящих» связей.

Существенной особенностью АСШС является то, что в нем сохраняется и доступен для анализа образ каждой анкеты, введенной в базу. Это дает возможность рассматривать индивидуальное использование типовых стратегий реагирования (Я-стратегия, стратегия оценивания, стратегия противоречия и др.), оценивать относительную значимость общих ассоциативных стратегий и ассоциативных потенциалов самих стимулов, а также возрастную динамику стратегий [Сдобнова 2006; Гольдин, Сдобнова 2012]. Так, материал свидетельствует о том, что в анкетах школьников младшей возрастной группы действие частных стратегий реагирования проявляется сильнее, чем в анкетах школьников других возрастных групп; к старшим классам существенно возрастает влияние ассоциативных потенциалов каждого отдельного стимула на формирование ассоциативных реакций, и «длинные стратегии» реагирования практически перестают использоваться.

Анкеты с преобладанием асемантических реакций и реакций, не мотивированных стимулами (такие анкеты традиционно отбраковываются создателями ассоциативных словарей), сохраняются в базе АСШС, но со специальной меткой и доступны для анализа как в качестве отдельного подмножества, так и, при необходимости, – в составе общего корпуса данных [Гольдин 2015].

В стимульный ряд АСШС в основном вошла высокочастотная лексика, в значительной мере совпадающая со словами-стимулами других русских ассоциативных словарей. Этим обеспечивается возможность сопоставления данных АСШС с информацией других ассоциативных словарей.

Сопоставление результатов экспериментов, отраженных в АСШС, с данными ассоциативных экспериментов, проведенных со школьниками других регионов страны (Москвы, Омска, Кургана, Уфы, Белорецка, Перми и Пермской области), показывает, что ассоциации русскоязычных школьников различных регионов России в основном совпадают [Сдобнова 2015]. Степень представленности регионального компонента в ассоциациях испытуемых, несомненно, требует отдельного специального исследования, но в целом АСШС не имеет регионального характера и репрезентирует общие особенности языкового сознания российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века.

При формировании списка стимулов АСШС были учтены такие параметры, как вхождение слова в ядро русской лексики, частотность слова в речи,

представленность разных частей речи, наличие соответствующих стимулов в других ассоциативных словарях, и ряд других. Главным и принципиально важным при формировании списка стимулов было обеспечить возможность сопоставления материалов АСШС с материалами других словарей, поэтому 90 % списка стимулов АСШС представлены в перечне стимулов РАС. Стимульный ряд АСШС включает все или почти все стимулы ассоциативных словарей детей и школьников разных возрастных групп (подробнее см.: [Сдобнова 2015: 62]).

Основу корпуса стимулов АСШС (60% списка) составляет высокочастотная лексика, остальная часть стимулов – по преимуществу среднечастотная лексика. Малочастотные слова (ностальгия, вакцина, колорит и под.), включенные в стимульный ряд, составляют незначительную его часть.

В стимульном ряду представлены все части речи, включая не только знаменательные, но и служебные (*в, с, но, не, только, даже* и др.), а также междометия (*ох, эх*) и сочетания (*что делать* и др.) Большую часть стимулов составляют существительные (51%), глаголы (20%) и прилагательные (16%). Остальные части речи и сочетания – 13%. Более подробную информацию о стимулах см. в [Сдобнова 2015].

Отобранный набор слов-стимулов позволяет проводить сопоставительное исследование языкового сознания разных возрастных групп школьников и взрослых носителей языка по ряду психолингвистических параметров (овладение семантической структурой слова, специфика ассоциативных связей слов в ассоциативно-вербальной сети и др.).

Названными особенностями базы данных «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» определяются широкие возможности использования АСШС как научного источника. АСШС –единственный русский ассоциативный словарь, содержащий реакции школьников всех возрастных групп.

2. Основные результаты исследования материалов АСШС

2.1. АСШС позволил А.П. Сдобновой в ее монографии [Сдобнова 2015] построить и рассмотреть ряд конструктов в качестве **модели** языкового сознания школьников в динамическом аспекте, включающей ядро языкового сознания (ЯЯС) школьников; его возрастные, гендерные и другие варианты; разные слои внутреннего лексикона и их возрастную динамику.

Ядро языкового сознания коллективного школьника в основе своей (более 60 % единиц ядра) совпадает с ЯЯС взрослых, которое выделено Н. В. Уфимцевой по данным РАС. Все центральные единицы ЯЯС взрослых имеются в ядерной зоне у школьников, и большинство из них близки по ранговым позициям: например, *друг, хорошо, хороший, плохо* и др., а главные единицы *человек* и *дом*, обладающие наибольшим количеством ассоциативных связей в ядре русского языкового сознания, по рангам совпадают: имеют первый и второй ранги соответственно и в РАС, и в АСШС.

А.П. Сдобновой было установлено и то, что ЯЯС школьников отличается высокой стабильностью: с 1 по 11 класс в ядерной зоне сохраняются единицы *человек, я, хороший, хорошо, большой, маленький, быстро, мальчик, идти, книга,*

которые входят в ядро лексикона уже у дошкольников 3-6 лет. Более 53 % в ЯЯС каждой из возрастных групп школьников составляют константные единицы.

В период формирования языковой личности в школьном возрасте основа ЯЯС, его константная часть, остается стабильной, поскольку к школьному возрасту у русскоязычного ребенка она уже сформирована.

Вместе с тем ЯЯС – неоднородная структура, т.к. в ней имеются не только константные единицы, которые эксплицируют самые значимые концепты в картине мира школьника любого возраста, но и переменные единицы, составляющие меньшую его часть, передающие особенности картины мира каждой из групп школьников (возрастной, гендерной и др.).

Проявлением динамических процессов при формировании ЯЯС школьников выступает тенденция сближения состава ЯЯС школьников с составом ЯЯС взрослых носителей языка, стандартизация ЯЯС.

Во внутреннем лексиконе школьников, в том числе и в его ядерной зоне, протекают достаточно сложные процессы, и материал АСШС позволяет исследовать его как активно формирующуюся систему. Так, в структуре ЯЯС выделяются шесть семантических зон (**Человек, Жизнь, Оценка, Деятельность, Природный и животный мир, Цвет**), и особенность семантической структуры ядра школьников заключается в подвижности, смене приоритетов семантических зон в процессе становления ядра в школьный период, в ярко выраженном последовательном сближении семантической структуры ЯЯС школьников с ЯЯС взрослых. Наибольшее сходство с организацией ЯЯС взрослых наблюдается у старшеклассников. При значительном сходстве в организации ЯЯС взрослых и ЯЯС школьников имеющееся различие определяется иерархией ценностей в их картине мира: у школьников наблюдается бóльшая детализация тех областей картины мира, которые для них актуальны, предметами которых они оперируют, в частности – приоритетность зоны **Деятельность** (и в первую очередь области учебной деятельности) у младших школьников и подростков. У старшеклассников (9–11 кл.) сближение со «взрослой» организацией ЯЯС проявляется в приоритетности зон **Жизнь, Оценка**.

Формирование ядра находит выражение и в семантическом наполнении ядерных единиц и их связей в АВС школьников, и в динамике приоритетности единиц ядра. Актуальность той или иной ядерной единицы для определенной гендерной, возрастной группы школьников проявляется в подвижности ранговых позиций единиц ЯЯС (см.: [Сдобнова 2015. Глава 4]).

2.2. Состав ассоциативных реакций, как свидетельствует материал АСШС, связан и с полом, и с возрастом школьников, и с местом их постоянного проживания, и со временем проведения экспериментов, и с форматом экспериментов (устно-письменным в отличие, например, от письменно-письменного формата), и даже с обычным или «элитарным» типом школ, в которых проводятся эксперименты. Однако более всего обнаруживаемые различия соотносимы с возрастными группами испытуемых, и АСШС дает богатый сопоставительный

материал для изучения динамики ассоциативно-вербальных сетей школьников с 1 по 11 класс. В возрастной динамике ассоциаций проявляется, конечно, не возраст сам по себе, а соответствующие ему, связанные с ним социокультурные и психофизиологические особенности учащихся.

Обнаруживаются общие закономерности динамики АВС учащихся в школьные годы, и вместе с тем изменения каждого из ассоциативных полей обладают своей спецификой и не всегда подчиняются единой линии изменений. Так, по мере взросления учащихся доля отказов («нулевых» реакций) в корпусе их ответов постоянно уменьшается. Это общая тенденция. Однако при этом в составе ассоциативных полей отдельных стимулов доля отказов уже в ответах учащихся 1–4 классов не превышает 1–1,5% и остается на том же уровне в течение всех лет обучения в школе (стимулы береза и под); в ассоциативных полях других стимулов (удивление, изящный, зависеть) доля отказов колеблется на уровне 20–30% у школьников всех возрастных групп без значительного снижения в ответах старшеклассников; ассоциативные поля таких стимулов, как скупой, скорбь, корысть, наивность, гравий, передовой, демонстрируют значительное уменьшение доли отказов, но в ответах на одни стимулы (корысть, скорбь, наивность) резкое уменьшение доли отказов фиксируется в 7–8 классах, а в ответах на другие стимулы (передовой, скупой) – только в самой старшей возрастной группе, у учащихся 9–11 классов. За этими и подобными различиями стоят многие факторы психолингвистического и собственно лингвистического характера (лексическая и грамматическая специфика слова-стимула, степень его речевой освоенности испытуемыми, парадигматические, синтагматические, фразеологические связи слова-стимула, гендерные особенности развития лексикона и др.). Учесть результаты их совокупного действия можно, выделяя характерные типы возрастной динамики ассоциативных полей.

На материале АСПС В. Е. Гольдин выделил четыре наиболее противопоставленных типа возрастной динамики ассоциативных полей, условно называемых «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации», «тип периферийного развития» [Гольдин 2005; Гольдин, Сдобнова 2007].

Динамический тип *вхождения* в лексикон представлен динамикой ассоциативного поля стимула скупой. У младших школьников 52 % ассоциативного поля составляют нулевые реакции (отказ от ответа), у старшеклассников 9–11 кл. ≈ 3 %. Одной из частотных реакций у младших выступает *скупка*, связанная со стимулом формально, у старшеклассников на долю самой частотной реакции *жадный* приходится 38 % (у младших ее доля 4 %), что свидетельствует о семантической освоенности ими слова, о вхождении его в лексикон.

Для динамического типа *стандартизации* (примером этого динамического типа выступают возрастные изменения ассоциативного поля стимула читать) характерно возрастание доли самой частой словесной реакции (*книга*) по мере взросления школьников, соответственно уменьшение количества единичных и нулевых реакций при относительной стабильности содержательной структуры поля.

Для типа *усложнения* поля характерны возрастные изменения противоположной направленности, связанные с усложнением представлений испытуемых о соответствующих фрагментах мира. Эталонном динамического типа *усложнения* являются возрастные изменения ассоциативного поля ребенок. Значение этого слова известно уже малышам, по мере взросления ребенка оно заметно усложняется: появляются новые смысловые связи и увеличивается разброс реакций. Так, в реакциях младших школьников ребенок выступает в противопоставлении взрослым (*маленький, малыши, дети – взрослый*). В реакциях следующей возрастной группы определенно выражена линия ‘дети – семья, родители’, ‘уход за ребенком’ (*памперсы, пеленка, ползунки, ухаживать, нянчить* и др.), имеются оценочные реакции, преимущественно положительные (*хорошенький, красивый* и др.). У старших возрастных групп (7–8 и 9–11 кл.) наряду с положительно оценочными имеются негативно оценочные реакции (*пискля, урод* и др.), появляются новые тематические группы реакций (*забота, обязанность, проблемы и свадьба, рожать, от кого, не хочу*).

Особенностью динамики *периферийного* развития (эталон – возрастные изменения ассоциативного поля впечатление) выступает отказ от реагирования как самая частая реакция в ассоциативных полях школьников всех возрастных групп. Развитие наблюдается на периферии поля, вербальные связи слабы и не актуализированы в течение всего школьного периода.

В.Е. Гольдин считает, что названные динамические типы образуют парные оппозиции: тип усложнения – тип стандартизации; тип периферийного развития – тип вхождения в лексикон.

Основные типы реализуются множеством частных разновидностей и переходных случаев, по-разному представленных в ядерной и периферийной зонах внутреннего лексикона школьников.

Возрастную динамику ассоциативных полей на большем возрастном диапазоне (школьники – взрослые до 55 лет) исследовала Е.В. Старостина. Она выделила шесть динамических типов и подтипов: кроме типа стандартизации, усложнения, вхождения в лексикон, периферийного развития, она определила тип/подтип снижения уровня стереотипности, тип стабильности [Старостина 2011, 2015].

2.3. На основе изучения содержания ассоциативных полей В.Е. Гольдиным установлены наиболее типичные, базовые, в значительной мере универсальные отношения. Эти отношения при всем их многообразии исчислимы. Для каждого конкретного слова-стимула количество его связей внутри лексикона меньше общего числа «типов мыслимых семантических отношений между словами», но в ассоциативном поле стимула оно стремится к своему пределу, обуславливая тот эффект «компактности» ассоциативного поля, который отмечает Г.А. Мартинович [Мартинович 2008]. Наблюдения на материале АСШС показывают, что при условии получения реакций не менее чем от 200 испытуемых на каждый стимул ассоциативные поля этих стимулов отражают все или почти все типы семантических отношений, которые вообще возможны для данных стимулов

(с учетом их принадлежности к той или иной части речи, семантической категории и других их признаков).

В работе [Гольдин 2010] было установлено, что множество различных вариантов отношений S – R в ассоциативных полях русских предметных имен существительных может быть представлено как относительно небольшое количество (всего 9–11) иерархически организованных основных типов семантических связей, реализующихся в полях самых разных предметных существительных с той большой степенью обязательности, которая соответствует полноте структуры знания о референте слова-стимула и о самом этом слове [Гольдин 2008, 2010; Гольдин, Сдобнова 2016].

В составе семантического фрейма, конструируемого на материале ассоциативных полей русских имен событий, сходный результат был получен Е.Г. Трещёвой: автор выделила группу обязательно реализуемых слотов, совокупным содержанием которых покрывается относительно полный типовой образ события в сознании испытуемых [Трещёва 2012: 204].

Результаты обобщения материалов, содержащихся в базе данных АСШС, представлены в диссертациях, монографии [Сдобнова 2015], учебном пособии [Гольдин, Сдобнова 2008], более чем в 200 работах, опубликованных авторами, аспирантами и студентами. На материале АСШС были защищены 5 кандидатских диссертаций [Нефедова 2003; Старостина 2004; Кленова 2007; Трещева 2012; Воздвиженская 2016].

3. АСШС: версия 2.0

Причин, которые вызывают создание новой серии ассоциативного словаря русскоязычных школьников, несколько. Так, необходимо определить изменения, произошедшие в языковой картине мира молодого поколения через 10–20 лет; установить константы и переменные ядра языкового сознания в 20-е годы XXI века, выделить закономерные сдвиги в семантике стимулов, определить более точно, как соотносятся словари разных возрастных групп (количественно и качественно).

Такое исследование словаря школьников может быть выполнено, если в основе созданной базы данных АСШС и новой, создаваемой лежит одна и та же методика сбора материала для всех возрастных групп.

Новый вариант словаря (новой базы данных) легче создавать, поскольку уже существует накопленный опыт. Второй словарь может быть более совершенным с учетом дополнения списка стимулов, учета возможной омонимии стимулов и других дополнений.

Ассоциативный материал предполагается собирать в том же количестве школ с учетом разных их типов (типовая школа, гимназия, лицей гуманитарного, естественно-математического профилей и др.), расположения школ (школа областного центра, районного, сельская школа).

Материал должен быть получен от не менее чем того же количества испытуемых, что и в первом АСШС.

Ставится задача по возможности выровнять объемы ассоциативных полей разных стимулов в каждой из возрастных групп.

Литература

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / Сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.

Воздвиженская А. В. Гиперо-гипонимические системы в составе ассоциативных полей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. 23 с.

Гольдин В.Е. Конфигурации ассоциативных полей и языковая картина мира // *Язык. – Сознание. – Культура. – Социум.* Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. С. 147-152.

Гольдин В. Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей // *Язык. Сознание. Культура.* М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005. С. 165-173.

Гольдин В. Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 97-101.

Гольдин В. Е. Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания // *Вопросы психолингвистики.* 2015. № 24. С. 218-225.

Гольдин В. Е., Мартьянов А. О., Сдобнова А. П. Электронный русский ассоциативный словарь школьников // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 69-74.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» // *Известия Саратовского университета. Новая серия.* 2007. Т. 7. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 24–30.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия.* 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 3-7.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира // *Вопросы психолингвистики.* 2016. № 2 (28). С. 112-119.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Русская ассоциативная лексикография. Саратов: Научная книга, 2008. 77 с.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартьянов А. О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011а. 500 с.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартьянов А. О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 1. А – Н. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011б. 480 с.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., Мартьянов А. О. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 2. О – Я. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011в. 420 с.

Кленова А. В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области»): автореф.

дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 22 с.

Мартинovich Г. А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 256 с.

Нефедова В. А. Зона фонетического реагирования в ассоциативном словаре школьника (на материале русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 25 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

Сдобнова А. П. Вербальные ассоциации и индивидуальность школьника // Предложение и слово. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 518-524.

Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.

Старостина Е. В. Некоторые результаты исследования одноименных ассоциативных полей, полученных из различных лексикографических и экспериментальных источников // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.; Саратов: ИД «Наука образования», 2015. С. 308-315.

Старостина Е. В. Динамика языкового сознания носителей русского языка по данным ассоциативных экспериментов // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов». Саратов, 15–17 ноября 2010 г. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 59-65.

Старостина Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.

Трецёва Е. Г. Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 22 с.

**PROJECT “ASSOCIATIVE DICTIONARY OF SCHOOLCHILDREN:
PERMANENCY AND DYNAMICS”**

Valentin E. Goldin

D. Litt., Professor
Chernishevskiy Saratov State National Research University
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012
goldinve@yandex.ru

Alevtina P. Sdobnova

PhD in Linguistics, Senior lecturer
Chernishevskiy Saratov State National Research University
83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012
sdobnovaap@yandex.ru

The paper presents and describes The Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region (compiled between 1998 and 2008) in a form of a database and outlines the project of a new associative thesaurus of schoolchildren (version 2.0).

The first version of The Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region provided valuable scientific results reflecting the psycholinguistic aspect of the research of language consciousness of Russian-speaking schoolchildren at the turn of the XXI century. Based on the obtained data, nucleus of language consciousness, as well as its age, gender and other aspects and peculiarities were accentuated; different ranges of inner lexicon were studied in their age-related dynamics. The analysis of associative data made it possible to determine that the nucleus of language consciousness of schoolchildren is highly stable. Its constant part explicating the most essential concepts in the picture of the world is believed to be well-formed by the time a child goes to school.

Four types of age-related dynamics of associative fields are defined: type of entering the lexicon, type of sophistication, type of standardization, and type of peripheral development.

The study of associative fields allowed for establishing the most typical, basic, and, to a great extent, universal relations: the variety of S – R relations in associative fields of Russian concrete nouns may be described as a relatively small amount (from 9 to 11) of hierarchical basic types of semantic links which are accentuated in the fields of different concrete nouns with the regularity that corresponds the completeness of knowledge of the stimulus referent and the word itself.

The article outlines the goals for a new associative thesaurus of schoolchildren: to figure out the changes occurred in the linguistic picture of the world in the last 10 to 20 years, to specify constant and variable nuclei in the 2020-s, to point out regular shifts in the semantics of stimuli, to define more precisely how thesauri of different age groups are related (in quantity and character).

Keywords: associative thesaurus of schoolchildren, database, dynamic type of associative fields, age-related dynamics of language consciousness, schoolchildren inner lexicon, nucleus of language consciousness.

References

ASSHS – Associativnyj slovar' shkolnikov Saratova i Saratovskoj oblasti: baza dannyh na platforme MS Office Access. Versija 1.05.00 [Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region: MS Access Database. Version 1.05.00] / Sostaviteli V. E. Goldin, A. P. Sdobnova, A. O. Martyanov / Saratovskij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo. Saratov, 1998–2008.

Vozdvizhenskaja A. V. Gipero-giponimicheskiye sistemy v sostave associativnyh polej: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Hyper-hyponymic systems in the structure of associative fields: author's abstract of the thesis ... cand. philol. sciences]. Saratov, 2016. 23 p.

Goldin V. E. Konfiguracii associativnyh polej i jazykovaja kartina mira // Jazyk. – Soznaniye. – Kultura. – Socium [Configurations of associative fields and the language picture of the world // Language – Consciousness – Culture – Society]. Saratov: Izdatelskij tsentr «Nauka», 2008. Pp. 147-152.

Goldin V. E. K tipologii vozrastnoj dinamiki associativnykh polej // Jazyk. Soznaniye. Kultura [To the typology of age dynamics of associative fields // Language. Consciousness. Culture]. M.; Kaluga: Izdatelstvo «Ejdos», 2005. Pp. 165-173.

Goldin V. E. Konceptualnyje peremennye obraza mira po dannum associativnyh slovarej // Kompjuternaja lingvistika I intellektualnyje tekhnologii. Vypusk 9 (16) [Conceptual variables of the world image according to the data of associative dictionaries // Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Issue 9 (16)]. M.: Izdatelstvo RGGU, 2010. Pp. 97-101.

Goldin V. E. Semanticheski neadekvatnyje associativnyje reakcii I jadro jazykovogo soznaniya // Voprosy psikholingvistiki [Semantically inadequate associative reactions and nucleus of linguistic consciousness // Journal of Psycholinguistics]. 2015. № 24. Pp. 218-225.

Goldin V. E., Martjanov A. O., Sdobnova A. P. Elektronnyj russkij associativnyj slovar' shkolnikov // Kompjuternaja lingvistika I intellektualnyje tekhnologii. Vypusk 8 (15) [The digital Russian associative dictionary of schoolchildren // Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Issue 8 (15)]. M.: Izdatelstvo RGGU, 2009. Pp. 69-74.

Goldin V. E., Sdobnova A. P. Dinamika jazykovogo soznaniya sovremennoj molodezhi po dannym «Associativnogo slovar'a shkolnikov Saratova I Saratovskoj oblasti» // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. 2007. T. 7. Serija Filologija. Zhurnalistika. Vypusk 1 [Dynamics of the language consciousness of modern youth based on the Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov region // Bulletin of Saratov University. New Series. 2007. T. 7. Ser. Philology. Journalism. Issue 1]. Pp. 24-30.

Goldin V. E., Sdobnova A. P. K probleme kommunikativnogo analiza associativnyh dannyh // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. 2012. T. 12. Serija Filologija. Zhurnalistika. Vypusk 3. [Towards the problem of the communicative analysis of associative data // Bulletin of Saratov University. New Series. 2012. T. 12. Ser. Philology. Journalism. Issue 3]. Pp. 3-7.

Goldin V. E., Sdobnova A. P. Model asociativnogo reagirovaniya, sfery referencii stimulov i kartina mira // *Voprosy psiholingvistiki* [Model of associative responding, referential areas of stimuli and the picture of the world // *Journal of Psycholinguistics*]. 2016. #2 (28). Pp. 112-119.

Goldin V. E., Sdobnova A. P. Russkaja asociativnaja leksikografija. [Russian associative lexicography]. Saratov: Nauchnaja kniga, 2008. 77 p.

Goldin V. E., Sdobnova A. P., Martjanov A. O. Russkij asociativnyj slovar': asociativnyje reakcii shkolnikov I – XI klassov [Russian Associative Dictionary: Associative reactions of schoolchildren of school years]. V 2 t. T. I. Ot stimula k reakcii. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2011a. 500 p.

Goldin V. E., Sdobnova A. P., Martjanov A. O. Russkij asociativnyj slovar': asociativnyje reakcii shkolnikov I – XI klassov [Russian Associative Dictionary: Associative reactions of schoolchildren of school years]. V 2 t. T. II. Ot reakcii k stimulu. Ch. 1. A – N. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2011b. 480 p.

Goldin V. E., Sdobnova A. P., Martjanov A. O. Russkij asociativnyj slovar': asociativnyje reakcii shkolnikov I – XI klassov [Russian Associative Dictionary: Associative reactions of schoolchildren of school years]. V 2 t. T. II. Ot reakcii k stimulu. Ch. 2. O – YA. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2011v. 420 p.

Klenova A. V. Ocenochnye smysly v asociativnom slovare na materiale «Asociativnogo slovarya shkolnikov saratova i saratovskoj oblasti»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Evaluative meanings in the associative dictionary (a case study of data from Associative Dictionary of Saratov and Saratov Region Schoolchildren): author's abstract of the thesis ... cand. philol. sciences]. Saratov, 2007. 22 p.

Martinovich G. A. Tekst i eksperiment: issledovanie kommunikativno-tematicheskogo polya v russkom yazyke [Text and Experiment: The Study of a Communicative-thematic Field in the Russian language]. SPb.: Izd-vo SPBGUP, 2008. 256 p.

Nefedova V. A. Zona foneticheskogo reagirovaniya v asociativnom slovare shkolnika na materiale russkogo i anglijskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Phonetic reactions in the associative lexicon of the schoolboy (a case study of the Russian and English linguistic data): author's abstract of the thesis ... cand. philol. sciences]. Saratov, 2003. 25 p.

RAS – Russkij asociativnyj slovar': V 2 t. Ok. 7000 stimulov / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov. [Russian Associative Dictionary: In 2 t. Ok. 7000 incentives / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov]. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002.

Sdobnova A. P. Verbalnye asociacii i individualnost shkolnika // *Predlozhenie i slovo* [Verbal associations and individuality of a schoolboy // *Sentence and Word*]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 2006. Pp. 518-524.

Sdobnova A. P. Leksikon shkolnika kak dinamicheskaya sistema [Lexicon of a Schoolboy as a Dynamic System]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 2015. 248 p.

Starostina E. V. Nekotorye rezultaty issledovaniya odnoimennyh associativnyh polej, poluchennyh iz razlichnyh leksikograficheskikh i eksperimentalnyh istochnikov // Yazyk v prostranstve rechevyh kultur: k 80-letiyu V. E. Goldina [Selected results of the research of the same stimulus' associative fields obtained from different lexicographic and experimental sources // Language in the Space of Speech Cultures: To the 80th anniversary of V.E. Goldin] / Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin. M.; Saratov: ID Nauka obrazovaniya, 2015. Pp. 308-315.

Starostina E. V. Dinamika yazykovogo soznaniya nositelej russkogo yazyka po dannym associativnyh eksperimentov // Russkaya ustnaya rech': materialy mezhdunar. nauch. konf. «Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech': russkaya kultura obshcheniya» i mezhvuz. soveshchaniya «Problemy sozdaniya i ispolzovaniya dialektologicheskikh korpusov» [Dynamics of linguistic consciousness of Russian language native speakers based on the associative experiments data // Russian Oral Speech: Proceedings of the International. Sci. Conf. 'Barannikova's Readings. Oral Speech: The Russian Culture of Communication and Inter-University Meeting 'Issues of the Dialect Corpora Creation and Usage']. Saratov, 15–17 noyabrya 2010 g. Saratov: IC Nauka, 2011. Pp. 59-65.

Starostina E. V. Frejmovyj analiz russkih glagolov povedeniya (na materiale associativnyh reakcij): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Frame Analysis of Russian Verbs of Behavior (a study of the associative reactions): author's abstract of the thesis ... cand. philol. sciences]. Saratov, 2004. 23 p.

Treshchyova E. G. Imena situacij-sobytij i tipologiya ih associativnyh polej: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Event Names and the Typology of their Associative Fields: author's abstract of the thesis ... cand. philol. sciences]. Saratov, 2012. 22 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ»

При поддержке РФФ, грант № 17-18-01642

«Разработка коммуникативной модели вербального процесса
в условиях кризиса языковой модели»,
в Институте языкознания РАН

2 ноября 2017 г. в Институте языкознания прошел Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации», в котором участвовали члены рабочей группы поддержанного РФФ проекта «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели». Целью организаторов круглого стола (А.В. Вдовиченко, Е.Ф. Тарасов) было обсуждение актуальных вопросов, возникающих в ходе выполнения проекта, а также привлечение внимания коллег к проблеме смыслообразования в естественных вербальных данных.

В ходе предшествующей работы над проектом (первый год, апрель – октябрь 2017 г.) участниками рабочей группы был проведен ряд экспериментов и наблюдений, получивших отражение в статьях и выступлениях. В ходе регулярных консультаций и обмена мнениями на еженедельных рабочих встречах обсуждались спорные вопросы теории и практики вербального процесса, также получившие отражение в имеющихся на данный момент публикациях. Формат круглого стола, суммирующий общение внутри научной группы, потребовал от участников быть более ответственными в собственных формулировках, осмыслить и представить актуальные для себя вопросы в целостном и законченном виде, верифицировать способы осмысления проблемы в условиях регламентированной научной дискуссии.

Внутренний тонус дискуссии (как, впрочем, и всей работы исследовательской группы) создается признанием оппозиционирования двух моделей (или двух подходов к вербальным данным), заявленных в названии проекта. Предполагается, что любой из феноменов лингвистической теории и практики может быть описан как в рамках языковой, так и коммуникативной парадигмы анализа. Естественно, что исследовательскую задачу рабочая группа видит в том, чтобы предъявить аргументы в пользу большей эффективности коммуникативной модели, а языковую парадигму представить кризисной. Вокруг этой проблематики так или иначе вращались все выступления участников круглого стола, выяснялась степень противоречивости (или наоборот, когерентности) тех или иных суждений, принципиальных для оформления коммуникативной модели.

В иницилирующем дискуссию выступлении А.В. Вдовиченко «Естественное недо- или не-понимание в языковой и коммуникативной моделях» был представлен типичный случай конкуренции двух моделей, в их попытках объяснить и описать естественные процессы и факты.

С точки зрения автора, языковая модель, постулирующая «язык» в качестве всеобщего средства коммуникации, вследствие этого неспособна вместить (теоретически «схватить») естественное недо- или не-понимание, зачастую возникающее в вербальных и невербальных интеракциях коммуникантов. Согласно языковой модели, если «язык» как «всеобщий механизм порождения смыслов (значений)» делает свою работу – обеспечивает и производит смыслообразование,

то этот процесс совершается принципиально единообразно в когнитивных сферах адресанта и адресата. Один и тот же язык, согласно языковой модели, не может быть разным. Он должен гарантировать единообразное порождение и интерпретацию во всех «возможных мирах», где «данное средство общения» используется (говорится и воспринимается), по аналогии со знаками языков программирования или измерением веса конкретного объекта на любых измерительных приборах. Язык должен обеспечивать тождество когнитивных состояний – только за этим он и нужен как концептуальный инструмент.

Реальное положение дел не подтверждает строгость такой схемы. Менее противоречивая интерпретация феномена недо- и непонимания становится возможной в рамках коммуникативной модели: акциональность коммуникативного процесса, субъектное перформативное смыслообразование, недостижение планированного эффекта коммуникативного воздействия, различное понимание «единиц», многообразие и нетождественность факторов «реакций на воздействие», разномерность фоновых и фреймовых знаний, отсутствие внимания адресата, желание «не понять» и пр. В целом феномен не(до)понимания подтверждает комплексный характер коммуникативного действия, отрицая de facto работоспособность теоретической метафоры «язык».

Иными словами, причины не(до)понимания невозможно найти в языке (ведь аутентичные коммуниканты говорят на едином языке, и при этом почему-то могут не понимать друг друга). Причины не(до)понимания с очевидностью предлагается искать в иных сферах, с использованием иных концептуальных схем, с учетом реальных факторов взаимодействия коммуникантов, что, в свою очередь, ведет к упразднению языка как эффективного инструмента взаимодействия говорящих.

В ходе обсуждения были отмечены возможности языковой и коммуникативной парадигмы. В частности, интерпретируемость как естественное свойство любого актуального высказывания, не может быть свойством языка, поскольку язык, не предполагающий различия сознаний носителей, принципиально не может учитывать различия в деятельности этих сознаний.

Е.Ф. Тарасов выступил с докладом «Требования к коммуникативной модели языка», в котором к коммуникативной модели было выдвинуто требование объяснить процесс речевого общения, погруженного в социальную жизнь конкретного этноса. Она, по замечанию автора, по крайней мере, должна отобразить и объяснить в причинно-следственных связях, как и почему члены социума развертывают коммуникацию (процессы производства и восприятия речи), используя языковые и неязыковые знаки.

С точки зрения Е.Ф. Тарасова, есть веские основания полагать, что коммуникативная модель может адекватно функционировать в качестве познавательного инструмента только как часть более сложной модели, отображающей совместную деятельность и знаковое общение коммуникантов, обладающих общностью сознаний, сформированной в ходе их инкультурации, и умеющих производить и воспринимать речевые сообщения.

В ходе обсуждения наиболее спорным стал тезис об общности сознаний, которая обыкновенно постулируется априорно на основании того, что говорящие говорят («высказывают мысли») на одном языке (а значит, как будто имеют тождество

единиц сознания и правил организации мыслей-высказываний, и пр.). При этом любые тесты всегда обнаружат различия в содержании двух разных сознаний как на элементарном, так и на более сложном уровне организации. Было отмечено (Вдовиченко), что парадокс общения (разность сознаний vs возможность общения) преодолевается концепцией взаимодействия (семиотического воздействия), но никак не концепцией единого языка, который как раз и стремится полностью уравнивать всех «носителей единого языка», и тогда общение становится в принципе ненужным и невозможным.

Кроме того, Вдовиченко привлек внимание к отсутствию тождества в восприятии знаков языка на элементарном уровне. Так, употребленные Е.Ф. Тарасовым термины с очевидностью воспринимались по-разному различными участниками дискуссии (макияж, грунт, элка и пр.).

В совместном выступлении «Уточнение контуров коммуникативной модели смыслообразования» И.В. Журавлев и Ю.В. Журавлева привлекли в внимание к некоторым из представленных А.В. Вдовиченко положений, значимых для интерпретации смыслообразования в коммуникативном действии. В целом соглашаясь с предлагаемой моделью смыслообразования, авторы внесли на рассмотрение коллег несколько возможных уточнений.

В первую очередь уточнения коснулись утверждения, согласно которому интерпретация смыслообразования в семиотическом поступке представляет собой понимание того, что осознанно делает автор поступка. Сомнения у авторов выступления вызвала сознательность коммуникации, ввиду невозможности отрицать значительной доли бессознательной составляющей, свойственной любой интеракции (отсюда концепция расщепленного субъекта, не вполне сознающего свои цели и не полностью владеющего своими коммуникативными намерениями; «даже то, что он осознает и в чем он способен отдать себе отчет, в существенной степени преформировано процессами, скрытыми от его сознательного взгляда»).

В ответ на это был высказан тезис о целеполагании в коммуникации как сознательном и разумом феномене (Вдовиченко). Действие, происходящее от не свободного и не осмысленного источника, нельзя оценивать или понимать, поскольку оно не является порождением свободно избирающего сознания, проявляющего меру своей разумности (доброты, благородства, чести и пр.). Так, природу, существующую по законам необходимости, невозможно судить ввиду отсутствия в ней свободного начала («выбора»). Поэтому и бессознательное (как природное и неподвластное выбору) невозможно включать в число причин, определяющих меру разумного целеполагания и действия в коммуникации. Коммуникация не может быть бессознательной, поскольку она является семиотической («производящей разумные знаки») деятельностью.

Кроме того, докладчики обратили внимание на то, что смысл, недоступный автору коммуникативного поступка, может быть более доступен его партнеру по коммуникации (например, преподаватель на экзамене прекрасно понимает, что «хочет» сказать студент, который, в свою очередь, совсем не понимает, что он «хочет» сказать).

Здесь, с точки зрения А.В. Вдовиченко, эффективным следует признать сущностное отличие вербального материала и коммуникативного действия:

говорящий на экзамене студент не сообщает мысли (которых в момент ответа на неизвестный ему вопрос у него нет), а пытается произвести воздействие на преподавателя, в чем и состоит смысл любой коммуникации – в помысленном воздействии и достижении результата воздействия. Студент, не понимая, что он хочет сказать, все же говорит – потому что, сознавая отсутствие нужных сведений в своем сознании, он, тем не менее, видит свою подлинную цель, состоящую в том, чтобы вызвать определенную реакцию преподавателя в момент экзамена.

Другое положение, которое подвергли сомнению докладчики, заключается в том, что мысль и коммуникативное действие принципиально различны по признаку акциональности (мысль не акциональна, коммуникативный поступок акционален). С точки зрения авторов, мысль может обладать скрытой акциональностью, о которой можно говорить как о неявной акциональности в коммуникации. Между внешней и внутренней деятельностью нет непреодолимого разрыва, мысль считается авторами доклада внутренней деятельностью.

Отвечая на эти сомнения, Вдовиченко указал на несколько иное понимание акциональности, которая представляет собой «достижение планируемых изменений за пределами собственного сознания». Так, мысль о том, что нужно открыть дверь, а также анализ последствий, возникающих при этом действии, является сама по себе неакциональной: дверь не откроется и последствия не наступят вследствие «думания». Зато, после обдумывания, встать и открыть ее – представляет собой действие, которое всецело акционально: за пределами сознания наступили перемены. То же самое следует констатировать и по отношению к коммуникативному действию: обдумывание вербального действия (вернее, коммуникативного действия с использованием вербального канала) есть мысль, но само говорение (написание) есть действие, или акт достижения запланированных изменений за пределами собственного сознания, в сознании мыслимого адресата. Первое не акционально, второе акционально.

Наиболее спорным стал вопрос о возможности признавать мыслительные процессы опосредованными речью. Докладчики фактически отстаивали тождество мысли и слова, отсутствие непреодолимого разрыва между ними, а также между вербальной и невербальной коммуникацией: «все невербальные процессы опосредованы речью». Даже приведенный в статье Вдовиченко эксперимент с просмотром фильма, в котором начисто отсутствует речь, но при этом зрителями воспринимается и понимается сюжет, получил у выступавших трактовку, согласно которой «не вполне корректно утверждать, что восприятие (объекта, ситуации, сюжета фильма) может происходить без участия вербального канала». Если лишить нас речи, мы вообще не воспримем никакой сюжет.

В доказательство авторы доклада цитировали А.А. Леонтьева: «Сто лет назад Штейнталь сказал: “Чтобы думать, надо уметь говорить”. Чтобы воспринимать, тоже надо уметь говорить, по крайней мере, если мы имеем в виду человеческий способ видеть вещи. Ведь человек видит вещи именно как “социальные вещи”, проецируя на них знание их объективных свойств. Чтобы иметь возможность выделить предмет из окружающего мира как носитель таких объективных свойств, его нужно осознать; чтобы его осознать, его нужно обозначить».

Это вызвало принципиальные возражения (Вдовиченко), ввиду наличия многих и очевидных ситуаций, подтверждающих, что слова нужны как инструменты действия (клише) во внешнем коммуникативном пространстве, но мыслительная деятельность совершается без участия слов. Среди наиболее очевидных примеров нужно указать случаи забывания коммуникативных клише («слова») «родного языка», незнание коммуникативных клише «иностранного языка» (при известности того, что нужно сказать), осознанная ложь, которые убеждают в том, что мысль (планирование действия) и используемое затем коммуникативное клише («слово»), необходимое для действия, корректнее воспринимать отдельно и независимо.

А.А. Степанова выступила с докладом «Смысл в деятельностной парадигме. От Л.С. Выготского до А.Н. Леонтьева». Совершив экскурс в историю психолингвистического понимания смысла в новейшее время, автор доклада остановилась на трактовке А.Н. Леонтьева, признав ее наиболее эффективной, где смысл понимается (1) как отношение значимых для жизни воздействий, отношение абиотических факторов к биотическим (как внешнюю объективную реальность), (2) как субъективное отношение к предметному содержанию, отражающемуся в сознании (как субъективную, психическую реальность), (3) как отношение мотива деятельности к цели действия (как субъективную, не рефлекслируемую в сознании, но проявляющуюся в активности субъекта реальность). Все то не отдельные определения смысла, но три характеристики, раскрывающие отдельные грани понятия.

В докладе выделяются несколько положений, которые будут приемлемы для всех исследователей в рамках деятельностного подхода: 1) Смысл порождается реальными отношениями, связывающими субъект с объективной действительностью. Непосредственным источником смыслообразования являются потребности и мотивы личности, которые являются связующим звеном между личностью и окружающей действительностью; 2) смысл обладают действенностью (выполняет функции регуляции практической деятельности); 3) смысловые образования не изолированы, а образуют систему; 4) смыслы изменяются и порождаются в деятельности.

В ходе обсуждения было констатировано, что, несмотря на социальность понятия деятельности, смысл, проецируемый на область говорения и вербальности, имеет источником личное когнитивное состояние и требует субъектного (психологического индивидуального) исследовательского инструментария.

В выступлении М.О. Матвеева «Смыслообразование при помощи образов сознания» были затронуты вопросы о том, что является носителем значения. Процесс порождения как устной, так и письменной речи предполагает создание материальных объектов (акустических волн или изображений на листе бумаги соответственно). При восприятии данных материальных объектов, сознание (при условии владения данным языком) преобразует их в образы восприятия, которые затем обретают символическое значение.

Таким образом, материальные объекты (слова, состоящие из них предложения, текст) являются лишь носителями значения, извлекаемого сознанием в процессе коммуникации.

При обсуждении было отмечено (Вдовиченко), что связь между значением (смыслом) и его материальными носителями возникает в конкретной процедуре, реализуемой автором семиотического действия. Нетождественность вербальных форм может быть преодолена только отсылкой к личному процессу надления данной формы значением. Этот процесс обладает тождеством и может пониматься другим подобным обладателем сознания. С этой точки зрения, как было отмечено в дискуссии, вербальные формы вне говорящего представляют собой «фантики», бессмысленность которых заключена в неизвестности того, что за ними скрывается. Тождество достигается «созерцанием» самой процедуры надления этих пустых форм личным значением, то возможно только при условии наблюдения (воссоздания) самого коммуникативного действия.

В выступлении А.А. Нистратова «О комплексности коммуникативного события» получили отражение вопросы речевой и неречевой обусловленности вербального высказывания, факторы неречевой обусловленности высказывания в виде общения (интеракции) и совместной деятельности, которые детерминируют форму и содержание речевых высказываний. Докладчик аргументировал положение, согласно которому речь в психической норме в форме речевой цепи разворачивается в структуре общения коммуникантов, которые в процессе общения организуют совместную деятельность. При этом речь в общении обладает статусом речевого действия, имеющего объем, определяемый не языковыми показателями, а целями, достигаемыми коммуникантами. Описанный вкратце эксперимент иллюстрирует гипотезу об облигаторности совместных неречевого и речевого контекстов для понимания содержания речевых высказываний.

Наконец, в выступлении Д.В. Маховикова была анонсирована возможность создания схемы, отображающей социальные (неязыковые) факторы, обуславливающие производство и восприятие речи.

Фокус внимания в выступлении сместился с языковых средств, роль которых в процессах производства и смыслового восприятия речи переоценивается, на внеязыковую действительность, на фоне которой протекают эти процессы. Условия смыслопорождения в коммуникативном действии, влияющие на вариативность интерпретации речевых высказываний, обнаруживают прямую связь с психолингвистическими характеристиками коммуникантов.

В целом можно констатировать, что круглый стол дал возможность несколько уточнить и даже скорректировать ракурс, в котором участникам исследовательской группы видится смыслообразование. В ходе дискуссии А.В. Вдовиченко было высказано пожелание, которое отражает общую направленность выступлений и дискуссий: *смыслопорождение* в вербальном процессе, ввиду его семиотической и акциональной природы, следует считать *коммуникативным* (а не онтологическим или присущим вещам или словам) феноменом.

М.О. Матвеев

**Гольдин Валентин Евсеевич
(1935 – 2017)**

9 ноября 2017 г. после тяжелой болезни скончался Валентин Евсеевич Гольдин, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, почетный профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, заслуженный работник высшей школы РФ.

Валентин Евсеевич родился 12 октября 1935 г. в Симферополе Крымской области. Филологическое образование получал сначала в Саратовском государственном педагогическом институте, затем – в Крымском государственном пединституте, который окончил в 1958 г. по специальности «Русский язык и литература, история». Работал учителем в сельских школах Крыма.

С 1962 г. занимался в аспирантуре под руководством крупного языковеда профессора Л.И. Баранниковой и одновременно работал на кафедре русского языка Саратовского пединститута. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике». В 1968 г. стал доцентом кафедры русского языка филологического факультета СГУ. Около 50 лет жизнь Валентина Евсеевича Гольдина была связана с Саратовским университетом, в течение 16 лет он заведовал кафедрой общего и славяно-русского языкознания, был инициатором открытия специализации «Информационные технологии в филологии» и специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика», организовал при кафедре лабораторию прикладной лингвистики.

В.Е. Гольдин был известным в стране и за рубежом ученым, организатором науки, блестящим педагогом. Под руководством В.Е. Гольдина защищены 2 докторские и 20 кандидатских диссертаций. Он автор более 200 научных работ, в том числе неоднократно переиздававшихся монографических трудов «Этикет и речь» (1978), «Речь и этикет» (1983), «Обращение: теоретические проблемы» (1987), учебных пособий «История русского языка» (1977), «Введение в языкознание» (1984), «Язык и общение» (1995), «Русский язык и культура речи» (1998), «Количественные методы в филологии» (1999), «Русская ассоциативная лексикография» (2008), «Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты» (2010).

В течение нескольких десятилетий В.Е. Гольдин руководил диалектологическими экспедициями, обследовавшими русские народные говоры для Диалектологического атласа русского языка, Общеславянского диалектологического атласа, Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья, собирал фонотеку записей диалектной речи в Саратовской, Ульяновской, Волгоградской, Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской и др. областях.

Валентин Евсеевич умел открывать новое, находить те пути в науке, которые привлекали многих последователей. В результате многолетних диалектологических исследований В.Е. Гольдин выделил особую область диалектологии – коммуникативную диалектологию. Его докторская диссертация «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии» (1998 г.) открыла новое научное

направление, которое получило широкую поддержку среди диалектологов и сегодня является перспективной областью русской диалектологии. Большой научный резонанс имели работы В.Е. Гольдина, развивавшие это направление: «Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения» (2002), «Текст и знание в диалектной коммуникации» (2008), «Повествование в диалектном дискурсе» (2009).

В.Е. Гольдин стоял у истоков корпусной диалектологии. В начале 1990-х гг., когда в нашей стране еще только зарождалась компьютерная лингвистика, В.Е. Гольдин предложил структуру электронного диалектологического текстового корпуса. Пионерскими стали его работы «К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка» (1990), «Машиннообработываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи» (1995). Предложенная В.Е. Гольдиным концепция корпусной диалектологии послужила основой крупного проекта 2000-х гг. – мультимедийного диалектологического корпуса, разрабатываемого в Саратовском университете. Проблемам создания мультимедийного диалектологического корпуса посвящен ряд работ ученого.

Цикл исследований В.Е. Гольдина связан с вопросами социолингвистики и семиотики общения. Внимание В.Е. Гольдина – талантливое и многостороннее лингвиста – привлекали проблемы речевого этикета, коммуникативные роли общающихся, адресация речи, толерантность как принцип культуры речи, речевые жанры. В.Е. Гольдину принадлежит также ряд работ по истории русистики, по русской фонетике и истории письма.

С 1998 г. под руководством В.Е. Гольдина была начата разработка проекта электронного Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области, были выполнены исследования в области русской ассоциативной лексикографии. Результатом интенсивной работы возглавляемого В.Е. Гольдиным научного коллектива стала новаторская электронная база данных ассоциативного словаря и изданный в 2011 г. издательством СГУ 2-х-томный «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов», содержащий около миллиона реакций четырех возрастных групп школьников на 1126 слов и понятий, уникальные данные о возрастной динамике языкового сознания российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века.

Весомым вкладом в развитие психолингвистики и ассоциативной лексикографии стали работы: «Ассоциативный эксперимент как речевая игра» (2001), «К типологии возрастной динамики ассоциативных полей» (2005), «Русская ассоциативная лексикография и исследование возрастной динамики ассоциативных полей» (2006), «Нормативный аспект лексических ассоциаций» (2006), «Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области»» (2007), «К типологии ассоциативных словарей русского языка» (2008), ««Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий» (2014), «Ассоциативные словари и образ мира» (2014), «Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания» (2015), «Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира» (2016).

В.Е. Гольдин был блестящим лектором. Каждое его выступление было наполнено глубоким содержанием, которое Валентин Евсеевич всегда умел облечь в захватывающе интересную форму.

Валентин Евсеевич всегда был полон новыми идеями, которыми щедро делился с коллегами и учениками. Он, не жалея времени и сил, помогал всем, кто нуждался в его совете, консультации, умел искренне радоваться успехам и достижениям других. Валентин Евсеевич был тем, с кем многие сверяли свои шаги в науке и жизни, тем, кто делал нас лучше. И всегда оставался молодым, человеком с добрыми и внимательными лучистыми голубыми глазами. Таким Валентин Евсеевич Гольдин навсегда останется в нашей благодарной памяти!

Коллеги, ученики, друзья.